

ЛЕГЕНДЫ
НАШЕГО
СПОРТА

ФЁДОР РАЗЗАКОВ

ВЛАДИСЛАВ ТРЕТЬЯК

ЛЕГЕНДА №20

Annotation

Самый знаменитый вратарь XX столетия, Владислав Третьяк, трехкратный олимпийский чемпион и десятикратный чемпион мира, известен не только в России, но и во всем мире — и даже тем, кто никогда в жизни не интересовался хоккеем.

Он герой десятков книг и статей, его образ воплощен в кинофильмах «Легенда номер 17» и «Хоккейные игры».

Знаменитый хоккеист и выдающийся тренер, Владислав Третьяк и сейчас остается кумиром миллионов болельщиков. Жизнь легендарного спортсмена неразрывно связана с золотыми десятилетиями советского хоккея, когда «красной машине» — сборной СССР — не было равных на ледовой арене.

Книга известного российского писателя Федора Раззакова — не только биография вратаря № 1 всех времен и народов, но и летопись блистательных побед нашей страны в международных турнирах и на Олимпийских играх.

-
- [Федор Раззаков](#)
 - [Как сын офицера попал в ЦСКА](#)
 - [В прицеле Тарасова](#)
 - [За учебниками](#)
 - [Был запасным, стал основным](#)
 - [Первое олимпийское «золото»](#)
 - [Поражение в Праге](#)
 - [Любовь по имени Татьяна и... Суперсерия-72](#)
 - [Лучший в мире вратарь и... отец](#)
 - [Похвала от Брежнева](#)
 - [Суперсерия-74](#)
 - [Как свитер Третьяка оказался в канадском музее](#)
 - [Провал в Москве и триумф в Дюссельдорфе](#)
 - [В заокеанском турне](#)
 - [Вторая Олимпиада — второе «золото»](#)
 - [Провал после триумфа, или Польский позор](#)
 - [Кубок Канады: поражение сборной и победа Третьяка](#)
 - [Дважды отец и... Венский позор](#)
 - [Новая метла, или Возвращение триумфа](#)
 - [Очередные победы, или От «Руде право» до Кубка Вызова](#)
 - [Победа в Москве](#)

- [В роли студента](#)
 - [Провал в Лэйк-Плэсиде, или за что Тихонов снял Третьяка](#)
 - [Отец двух детей](#)
 - [Снова в игре, или Травма на ровном месте](#)
 - [Продолжение триумфа, или Победа в память Харламова](#)
 - [Мировое «золото»](#)
 - [Последнее мировое «золото» Третьяка](#)
 - [Четвертая Олимпиада](#)
 - [Последние матчи, или Коньки на гвоздь](#)
 - [Жизнь вне ворот](#)
 - [После развала СССР](#)
 - [Во главе ФХР, или Между двух огней](#)
 - [Источники](#)
-

Федор Раззаков

Владислав Третьяк. Легенда № 20

Как сын офицера попал в ЦСКА

Владислав Третьяк родился 25 апреля 1952 года в селе Орудьево Дмитровского района Московской области в семье военного: его отец, Александр Дмитриевич, был военным летчиком, командиром полка в Чкаловской дивизии особого назначения. А мама, Вера Петровна, работала учителем физкультуры, а в юности играла в хоккей с мячом на первенстве Москвы в составе женской команды «Металлург». Отец был нрава крутого, но именно он пристрастил своих сыновей к спорту. По словам Владислава:

«Дома у нас было как в армии. Отец большого спорта не любил, но физкультуру уважал. Мог приехать домой в 9 вечера и скомандовать: «Всем на лыжи!» И даже если мы с братом (у Владислава был старший брат Валерий . — *Ф.Р.*) были уже на полпути к постели — хватали лыжи и выбегали на мороз. Когда другие мальчишки, особенно в каникулы, целыми днями бегали и гоняли на велосипеде, мы и думать не могли отвертеться от папиного распорядка. И у меня, и у брата было специально составленное отцовской рукой расписание, где он четко обозначал, кто и сколько работы должен выполнить...

Суровое отцовское воспитание иногда меня сильно обижало, но сейчас я думаю, что, не впитай я с его подачи трудолюбие, не видать бы мне и большого хоккея...»

Не меньшее влияние на детей оказывала и их мама, которая, в отличие от отца, очень любила большой спорт и старалась передать эту любовь и своим детям. По примеру старшего брата Владислав пробовал заниматься плаванием (в бассейне «Динамо»), затем увлекся прыжками в воду (прыгал с пятиметровой вышки). А летом он ездил в загородный пионерский лагерь, где спорт занимал добрую половину времени. Там будущий вратарь бегал кроссы, часами играл в пинг-понг и волейбол. Причем тогда он был всеяден: ему нравились все виды спорта, и он охотно выступал в школьных соревнованиях по легкой атлетике, баскетболу, футболу, лыжам. И везде ему хотелось стать чемпионом. Однажды он так и заявил маме: «Обязательно

буду чемпионом». «Спортсменом», — поправила она. «Нет, только чемпионом!». И ведь сбылось! Впрочем, не будем забегать вперед.

Хоккей с шайбой в СССР был очень популярен, однако в начале 60-х эта популярность получила новый мощный импульс — сборная СССР по хоккею выходит в лидеры мирового хоккея. Отметим, что до этого наша национальная сборная лишь дважды становилась чемпионом мира — в 1954 и 1956 годах. То есть все эти победы были разовыми и не говорили о доминирующей роли советской сборной. Однако с весны 1963 года ситуация изменилась: сборная СССР открывает 9-летнюю (!) беспроигрышную серию на чемпионатах мира и Европы. И все эти турниры начинает транслировать советское телевидение (до этого, с 1954 года, шли только радиотрансляции), из-за чего хоккей мгновенно становится самым популярным видом спорта в стране (вместе с фигурным катанием, слава которого началась у нас почти одновременно с хоккейной: на мировых турнирах стала доминировать советская пара Людмила Белоусова и Олег Протопопов).

Владислав Третьяк пришел в хоккей в начале 1960-х гг.

На волне этой массовой популярности хоккея в него пришел и наш герой — Владислав Третьяк. А кататься на коньках его научили его же родители, которые каждое воскресенье водили своих детей на каток в ЦПКиО имени Горького. А в 1963 году (в том самом, когда наша хоккейная сборная открыла свою «золотую эру») Третьяк решил стать хоккеистом — был принят в хоккейную секцию ДЮСШ ЦСКА на Ленинградском проспекте. А записался он туда так же благодаря маме. У нее в классе было два мальчика из этой же ДЮСШ, и однажды Владислав увидел на них форму ЦСКА. Отметим, что этот клуб был лидером в советском хоккее, ее тренер — Анатолий Тарасов — был одним из тренеров сборной страны, в ней же играли и ведущие игроки ЦСКА. Поэтому не удивительно, что миллионы советских мальчишек мечтали играть в составе армейского клуба,

чтобы быть похожими на Вениамина Александрова или Александра Альметова (самые именитые армейцы в сборной СССР тех лет). С определенного момента об этом стал мечтать и Владислав. Вот почему, увидев форму ЦСКА, он так вдохновился, что вечером того же дня заявил своим родителям: «Я хочу такую же!». Но те лишь рассмеялись, сославшись на очередное увлечение сына. Но тот думал иначе. Далее послушаем его собственный рассказ:

«На мое счастье, утром следующего дня в детской спортивной школе ЦСКА проходил набор юных хоккеистов. Спозаранку я с тремя приятелями пришел на Ленинградский проспект. Что там творилось! Кажется, все московские мальчишки в это утро решили стать хоккеистами. Они приехали на каток с родителями, бабушками, старшими братьями — это было прямо вавилонское столпотворение... Держась поближе к своему соседу по парте Валерке Крохмалеву, я протиснулся во Дворец спорта. Мне казалось, что если кого-нибудь из нас и примут, то этим счастливым окажется именно Валерка. Я только накануне решил стать хоккеистом, а мой приятель уже давно видел себя в доспехах ЦСКА.

Экзаменовали нас строго, хотя особой выдумкой испытания, скажем прямо, не отличались. Тренеры выпустили на лед такого же, как мы, мальчишку в хоккейной форме и объявили: «Он занимается в ЦСКА один год. Кто его догонит, тот выдержал экзамен». По свистку юный армеец Саша Волчков (впоследствии игрок сборной страны) что есть сил помчался на коньках, мы за ним. Потом он испытал наше умение кататься задним ходом. Вот где мне пригодились наши воскресные семейные походы в Парк культуры и отдыха на каток — там я научился владеть коньками.

Экзамен кончился. Из всех претендентов четверых, в том числе и меня, попросили отойти в сторону. Я был убежден, что мы и есть неудачники. Оказалось, наоборот. Меня приняли в прославленный клуб! Я был счастлив...»

Отметим, что этого счастья долгое время (года три-четыре) не разделял отец Владислава, который считал, что хоккеист похож... на дворника с метлой. В отличие от миллионов советских мужчин, которые были страстными болельщиками, Третьяк-старший не любил ни хоккея, ни футбола, поэтому даже матчи, транслируемые по телевизору, никогда не смотрел — демонстративно уходил в другую комнату. Вот почему Александр Дмитриевич периодически пытался отговорить сына от занятий хоккеем, но тот его не слушал. Как показали дальнейшие события, правильно делал.

Первое время Третьяк играл на позиции нападающего, причем в обычной спортивной одежде, поскольку формы для него не хватило. Его это

очень смущало, ведь он-то и в секцию поступил именно из-за нее. Тогда он пошел на хитрость. В то время в команде не было вратаря, а форма вратарская была. И вот однажды Третьяк подошел к тренеру Виталию Георгиевичу Ерфилову и заявил, что если ему дадут настоящую форму, то он встанет в ворота. Тренера это удивило, поскольку быть вратарем никто из его воспитанников большим желанием не горел — все хотели быть нападающими или защитниками, чтобы забивать голы. А тут парень сам попросился. Как было отказать? Так Третьяк стал вратарем. Наш герой вспоминает:

«...Да, шайба жалит больно. Но к синякам я привык быстро. А вот к неудачам привыкнуть так и не смог. Может быть, это оттого, что у себя в клубе, да и в сборной, вам чаще доводится побеждать, чем проигрывать? Неудачи прямо-таки физической болью отзываются во мне. Когда я был маленьким и случилось, что наша команда проигрывала, я не мог сдержать слез — так становилось горько и стыдно... Я рыдал, и вся команда успокаивала меня.

Первый раз это случилось через год после того, как мне дали хоккейную форму. Мы встречались с мальчишками из команды «Динамо», когда наш вратарь Саша Карнаухов получил травму и вышел из игры. Я был запасным. Тренер говорит: «Ну, давай, Владик, на лед!». Я встал в ворота и испугался. Этот страх был таким же сильным, как и тот, что я испытал на вышке в бассейне. Когда шайба летела в наши ворота, я закрывал глаза и шарахался от нее в сторону. К тому времени я уже знал, какая она тяжелая, эта шайба... Десять голов забили нашей команде в тот вечер.

После матча я сквозь рыдания сказал тренеру, что из меня никогда не получится вратарь. Ерфилов, как будто ничего не произошло, спокойно посмотрел на меня и произнес:

— Поздравляю тебя, Владик, с боевым крещением. Если будешь трудиться, у тебя все получится.

— Правда?

— Вытри слезы и завтра приходи на тренировку. Интересно, верил ли он действительно в то, что из меня когда-нибудь выйдет вратарь?

Не думайте, что Ерфилов и потом так же легко прощал мне ошибки. Помню, в том же сезоне у команды мальчиков 1950 года рождения не оказалось вратаря. Поставили меня, хотя я был на два года младше. Последний матч первенства Москвы мы играли с «Крыльями Советов». Победа выводила нас в чемпионы.

В. Третьяк

Третьяк был приглашен в основной состав ЦСКА когда ему было всего 15 лет

Но встреча закончилась со счетом 4:4, причем все четыре шайбы я пропустил от синей линии, то есть самым бессовестным образом подвел команду. Тут уж и Ерфилов не выдержал:

— Эх, ты... За игру ставлю тебе единицу.

До сих пор храню в памяти то ощущение горя и обиды, которое испытал тогда. Правда, в тот день судьба все же решила смириться: через полчаса нам сообщили, что «Спартак» свой последний матч проиграл (команде завода «Серп и молот» . — Ф.Р.), а это значит — мы чемпионы!..»

А вот еще одно воспоминание Третьяка из тех же лет:

«Проходил чемпионат Москвы, но в том матче я не должен был выступать. Однако меня уговорил тренер, заявил вторым вратарем. Случилось так, что шайба угодила первому вратарю в лоб. Кровища страшная! Парня унесли в медпункт. Все произошло на моих глазах, и я сильно испугался. Но тренер поставил меня в ворота. Сейчас стыдно вспоминать: во время того матча приходилось то и дело уворачиваться от шайб, старшие пацаны меня просто расстреливали. В результате я пропустил десять голов...»

Свою первую серьезную травму Третьяк получил спустя примерно год после того, как встал в ворота. Шайба угодила ему прямо в голову. Он не заревел только потому, что боялся: увидят слезы — выгонят из команды. К тому времени хоккей для него был уже не просто очередным увлечением. Он полюбил эту игру так беззаветно и пылко, как может любить только мальчишка. Однако на следующий день после травмы его словно подменили. На тренировке он старался думать только о том, как бы увернуться от шайбы. Он забыл все, чему успел научиться до этого. И опять надо было начинать все сначала.

В прицеле Тарасова

Виталий Георгиевич Ерфилов много времени уделял Третьяку, прекрасно отдавая себе отчет, что хороший вратарь — это полкоманды. Поэтому он специально водил Владислава на решающие матчи регулярного чемпионата СССР и садился с ним за воротами, чтобы по ходу игры рассказывать ему о технике игры различных вратарей. В итоге очень быстро Третьяк хорошо освоил манеру игры лучших советских голкиперов: Виктора Коноваленко из горьковского «Торпедо» (он защищал и ворота сборной), Виктора Зингера из столичного «Спартака» (он же — второй вратарь сборной), Владимира Чинова из московского «Динамо».

Летом 1967 года в команде мастеров ЦСКА было два вратаря: Виктор Толмачев (основной, пришел в ЦСКА в 1962 году из СКА МВО) и Николай Толстиков. Однако Толмачев вел себя строптиво и старшему тренеру Анатолию Тарасову потребовался еще один вратарь, который мог бы иногда заменять Толстикова, который подменял строптивца. Сам тренер вспоминал об этом следующим образом:

«На тренировке Толмачев не выполнил распоряжения тренера Бориса Павловича Кулагина и, разговаривая с ним в присутствии всего коллектива, бросил такую фразу: «Я — основной вратарь... Уйду — еще пожалеете...»

Это обидело ребят, и они сказали Виктору, что и играть-то с ним больше не хотят. Они предложили отчислить Виктора из команды. И только после того, как Толмачев, поняв, видно, что ведет себя нечестно, не товарищески, попросил у всех прощения, было решено ограничиться удалением Толмачева на полтора месяца, до конца сезона.

Однако спустя некоторое время нам все же пришлось расстаться с Виктором. Толмачев так и не сделал нужных выводов из прежней истории (он потом перейдет в команду «Химик» из Воскресенска . — *Ф.Р.*). Он был основным вратарем команды. Но даже для него мы не стали делать исключения...»

Итак, Третьяк был приглашен в основной состав ЦСКА. Было ему в ту пору всего 15 лет! А помог Тарасову в этом выборе все тот же тренер ДЮСШ Виталий Ерфилов. Последний вспоминает:

«В ЦСКА как-то встретил Тарасова. Спрашивает: «А кого вы, молодой человек, подготовили для команды мастеров? (Это после Харламова, Лутченко, Блинова и еще шести чемпионов мира).

— Два года назад, Анатолий Владимирович, — отвечаю, — я рекомендовал Лутченко. Но вы на тренерском совете натолкали мне по максимуму: в десятку защитников, мол, не попадает, и вообще, кого это я предлагаю?! Сегодня Лутченко — один из ведущих, так что вам рекомендовать... И все же осмелюсь — проверьте Третьяка.

«А что в нем особенного?» — интересуется. Перечисляю: трудолюбие, талант, преданность делу, характер, творчество, умение читать игру, предвидеть действия соперника. Бог дал ему все, чтобы стать классным вратарем. Мохнатые брови Тарасова сошлись на переносице: «Такой оценки я от тебя никогда не слышал. Пусть мальчик приходит на занятия мастеров...»»

Так Третьяк стал тренироваться с взрослыми мастерами, причем так старался, что даже сам удивлялся своей прыти: бросался за каждой, даже самой безнадежной шайбой. Его кумиром в ту пору был нападающий армейцев Евгений Мишаков, поэтому он стал так же, как и он... косолапить. Так длилось до июля.

Анатолий Тарасов и Владислав Третьяк

А потом ЦСКА уехал на юг, но Третьяка туда не взяли. Он вернулся в юношескую команду, которая в том году стала чемпионом Москвы. А в Новосибирске наш герой впервые получил приз лучшего вратаря.

В 1968 году Третьяк в составе молодежной сборной во второй раз отправился на чемпионат мира в Гармиш-Партенкирхене (ФРГ). Но если год назад он был вторым вратарем и команда тогда заняла «позорное» 2-е место, то в этот раз он стал главным стражем наших ворот и сборная СССР завоевала «золото». Именно после этого чемпионата Тарасов вернул Третьяка во взрослую команду. Причем сказал ему открытым текстом: «Я сделаю тебя лучшим вратарем». «Лучшим в стране?» — спросил Владислав. «В мире! Запомни это раз и навсегда», — ответил тренер. И ведь действительно сделал!

Вспоминает В. Третьяк: «На занятиях десятки шайб почти одновременно летели в мои ворота, и все шайбы я старался отбить. Все! Я играл в матчах едва ли не каждый день: вчера за юношескую команду, сегодня за молодежную, завтра за взрослую. А стоило пропустить хоть один гол, как Тарасов на следующий день строго вопрошал: «Что случилось?» Если виноват был я — а вратарь почти всегда «виноват», — то неминуемо

следовало наказание: все уходили домой, а я делал, скажем, пятьсот выпадов или сто кувырков через голову. Я мог бы их и не делать, — никто этого не видел, все тренеры тоже уходили домой. Но мне и в голову не приходило сделать хоть на один выпад или кувырок меньше. Я верил Тарасову, верил каждому его слову. Наказание ждало меня и за пропущенные шайбы на тренировке. Смысл, я надеюсь, ясен: мой тренер хотел, чтобы я не был безразличен к пропущенным голам, чтобы каждую шайбу в сетке я воспринимал как чрезвычайное происшествие...

В Архангельском, где находится загородная база ЦСКА, меня поселили в одной комнате с Владимиром Лутченко и Николаем

Толстиком. Видимо, из-за длинной шеи и тонкого голоса они тут же нарекли меня Птенцом. Мама попросила присматривать за мной официантку Нину Александровну Бакунину, и та всегда подкладывала мне, «мальчонке», самые лакомые кусочки.

Тогда все это было как сон. Я, юнец, рядом с прославленными на весь мир хоккеистами. Помню, Рагулин, которого называли не иначе, как Александр Павлович, жил вместе с Кузькиным, и я, будучи дежурным, долго робел заходить в их комнату. А уж про Тарасова и говорить нечего — просто не смел попадаться ему на глаза. Тарасова, правда сказать, даже и ветераны крепко побаивались. По комнатам базы Анатолий Владимирович никогда сам не ходил — поручал это своему помощнику Борису Павловичу Кулагину. А уж если замечал какой-нибудь беспорядок, то пощады от него ждать не приходилось.

Мне его требовательность никогда не казалась чрезмерной: я понимал тогда и особенно хорошо сознаю это сейчас, что максимализм Тарасова был продиктован прекрасной целью — сделать советский хоккей лучшим в мире. Человек очень строгий по отношению к самому себе, очень организованный и целеустремленный, он и в других не терпел расхлябанности, необязательности, лени. Я многим обязан Тарасову. И даже то, что некоторые склонны выдавать за его причуды, я отношу к своеобразию тарасовской педагогики...»

В сезоне 1968/1969 Третьяк провел в регулярном чемпионате СССР всего три игры (заменяя основного вратаря Николая Толстикова) и пропустил две шайбы. Однако эти выходы ему не зачлись — золотые медали он тогда (а ЦСКА стал чемпионом) не получил. Это произойдет спустя год.

В тогдашнем ЦСКА Третьяк был самым молодым членом команды — всего-то 17 лет! Поэтому коллеги иногда над ним подшучивали. Иногда удачно, иногда не очень. Например, однажды разложили у него на кровати... скелет человека. Эту шутку придумали Евгений Мишаков (главный шутник

в ЦСКА того времени) и Анатолий Фирсов. Они в тот день сдавали экзамен в Институте физкультуры и выпросили у преподавателя человеческий скелет: дескать, дома мы хорошенько его «проштудлируем». А сами принесли его в номер Третьяка (он в этот момент был в кино), положили его на кровать, а на череп нахлобучили шапку (она опять же принадлежала хозяину номера), в руку вложили теннисный мяч. Намек был более чем прозрачен: мол, в гроб вгонят юного вратаря тарасовские нагрузки.

Защищая ворота ЦСКА, Третьяк продолжал делать то, чему его учил еще в ДЮСШ его первый тренер, Виталий Георгиевич Ерфилов: присматривался к манере игры других вратарей. Но больше всего ему импонировал, естественно, Виктор Коноваленко — лучший вратарь в советском хоккее на тот период. Причем всю жизнь он играл в составе не самого именитого клуба — горьковского «Торпедо», хотя предложений перейти в ведущие клубы страны (ЦСКА), «Спартак», «Динамо») было у него предостаточно, но он был верен родной команде, воспитавшей его и открывшей ему дорогу в большой спорт. По словам В. Третьяка:

«Виктор Коноваленко являл собою абсолютное спокойствие, надежность, мужество. Коноваленко всегда уважительно относился к соперникам: я не помню, чтобы, пропустив в свои ворота гол, он хоть раз «полез в бутылку»; Виктор никогда не махал ни на кого клюшкой, не утверждал, что шайба забита неправильно, только и скажет забившему гол: «Перехитрил, перехитрил...»»

В августе 1969 года ЦСКА отправился в товарищеское турне по Швеции, взяв с собой и Третьяка. И там, в небольшом городке Вестерос, он участвовал в учебно-тренировочном сборе шведских вратарей (там было восемь лучших голкиперов Швеции, в том числе и знаменитый Лейф Холмквист — вратарь клуба АИК (Стокгольм) и национальной сборной. Именно он подарил Третьяку свою майку, которую тот стал считать своим талисманом (износил ее буквально до дыр — мать замучилась зашивать)).

Сборная СССР на ЧМ в Стокгольме. 1969 г.

В середине марта 1969 года начался очередной чемпионат мира по хоккею, который проходил в Стокгольме (Швеция)

Именно после поездки в Швецию Тарасов стал все больше доверять место в воротах Третьяку. Это случилось сразу после возвращения на родину, на турнире на приз газеты «Советский спорт» (он проводился накануне первенства страны). Третьяка поставили на игру с челябинским «Трактором», и он пропустил всего 2 шайбы (армейцы одержали верх 3:2), а затем и с чемпионом страны московским «Спартаком». Армейцы и в этом матче победили, причем с разрывом в пять шайб. После этого всем стало ясно — Третьяк будет вторым вратарем в ЦСКА в регулярном сезоне 1969/1970. А тут подоспело и приглашение в национальную сборную страны, где одним из тренеров был все тот же Анатолий Тарасов (вторым был наставник столичного «Динамо» Аркадий Чернышев).

За учебниками

Отметим, что летом 1969 года Третьяк закончил десятилетку и поступил на заочное отделение Института физкультуры. А надоумил его пойти туда учиться его коллега по ЦСКА, защитник и комсорг команды, Игорь Ромишевский. Это он на базе армейцев в Архангельском подошел к Третьяку и спросил: «Ну, а что дальше? Думаешь продолжать учебу или нет?» — «Хотелось бы», — ответил Владислав, но в его голосе не было особой уверенности. Тогда Ромишевский начал его убеждать: «Ты никогда не сможешь стать хорошим хоккеистом, если не будешь постоянно расширять свой кругозор. Если ты остановишься в своем интеллектуальном развитии, если круг твоих интересов сузится до размеров шайбы, то неизбежно перестанет расти твое спортивное мастерство. Имей в виду, у нас в ЦСКА все учатся — кто в вузах, кто в техникумах». — «Я учиться не против, только вот не знаю, справлюсь ли. И хоккей, и институт...», — вновь пожал плечами Третьяк. — «Справишься, — заверил его комсорг. — Да и мы рядом. Поможем».

Той же осенью Третьяк успешно сдал приемные экзамены на заочное отделение института физической культуры. Учиться было нелегко, учитывая спортивную загруженность нашего героя. По его же словам:

«После тренировок устанешь, случалось, так, что книжки из рук валяются. Но пересиливаешь себя: черный кофе, холодный душ — и за учебники...»

Но очень быстро он убедился в том, что Игорь Ромишевский был прав, говоря о том, что большой спорт немыслим без интеллекта, без глубоких, разносторонних знаний. Кстати, сам защитник, закончив хоккейную карьеру в ЦСКА, защитит диссертацию на степень кандидата технических наук, будет заведовать кафедрой. Другой прославленный хоккеист, но уже из «Спартака», Вячеслав Старшинов, станет кандидатом педагогических наук. Динамовец Владимир Юрзинов — один из тренеров сборной, а в прошлом ее игрок и комсорг — успешно закончил факультет журналистики

Московского университета и институт физкультуры. И таких примеров немало.

Кстати, Ромишевский включил Третьяка в состав комсомольского бюро команды. А опекуном молодого вратаря был другой армеец — Владимир Брежнев. Он сразу объявил игрокам команды: «Владика не обижать, а не то будете иметь дело со мной». Естественно, никто и в мыслях не держал обижать новичка, но Брежневу нравилось быть его опекуном. «Как дела, сынок? — каждый день обращался он к Третьяку. — Уроки-то выучил?» — «Все в порядке, дядя Володя», — отвечал, улыбаясь, вратарь.

Игорь Ромишевский — советский хоккеист, защитник. Заслуженный мастер спорта СССР

Был запасным, стал основным

В конце 60-х ведущими вратарями сборной СССР были Виктор Коноваленко («Торпедо», Горький) и Виктор Зингер («Спартак», Москва), а третьим вратарем был Владимир Шеповалов из ленинградского СКА. Однако осенью 1969 года, когда Третьяка пригласили в сборную, Коноваленко был болен, поэтому в воротах в основном стоял Зингер. Но на Приз «Известий» в декабре 1969 года тренеры сборной взяли Шеповалова и Третьяка. Первому был 21 год, второму — всего лишь 17. Тогда же Тарасов дал интервью одной из газет, где так отозвался о герое нашего рассказа:

«Во-первых, Третьяк мне нравится своей старательностью и фанатичной преданностью хоккею. Трудолюбием. Незаурядными данными. Владик умеет анализировать свои действия, делает верные выводы, а его игра в высшей степени осмысленна. Отличие его манеры игры заключается в его подходе к решению тактических задач. Владислав смело и широко маневрирует, все свои действия совершает обдуманно. Однако сможет ли он стать выдающимся вратарем, зависит от него самого. Парню — 17 лет. Ему надо сейчас повзрослеть. Тогда Владiku будет легче решать все психологические и спортивные проблемы. Тогда он правильнее распорядится своей славой. Лично я полагаю, что он сможет это сделать. Я верю в Третьяка».

На первую игру нашей сборной с командой ГДР 1 декабря 1969 года тренеры выпустили Шеповалова. Наши ребята буквально с трудом вырвали победу — 4:3. А вот во втором матче, со сборной Финляндии, место в воротах занял Третьяк. И пропустил всего лишь одну шайбу (наши победили 5:1).

В третьем матче, против сборной Канады, в воротах сначала стоял Шеповалов, а на 31-й минуте (в середине второго периода) его сменил Третьяк. Игра закончилась ничейным результатом — 2:2. А в четвертой игре, против сборной ЧССР, Третьяк вышел на поле за 9 минут до конца встречи и пропустил всего две шайбы (6:2 в нашу пользу). Сборная СССР

завоевала почетный приз. А спустя неделю вылетела в турне по Канаде. Отправился туда и Третьяк, причем в качестве вратаря № 1. Так, из пяти игр он стоял в воротах «от звонка до звонка» в четырех, а Шеповалов — только в одной. Отметим, что игра с участием Шеповалова закончилась нашим поражением от сборной Канады — 3:4. Однако и у Третьяка не все было гладко: с ним команда проиграла две игры (1:5 и 2:3) и две выиграла (5:3 и 9:3). Таким образом, в том турне наш герой пропустил 14 шайб. Скажем прямо, не самый лучший показатель. Хотя определенную долю претензий стоит высказать и по адресу наших защитников: А. Рагулина — А. Гусева, В. Кузькина — В. Давыдова, Е. Паладьева — Ю. Ляпкина и И. Ромишевского, которые не всегда справлялись со своими обязанностями. А иногда и вовсе играли провально. Поэтому судить очень строго 17-летнего голкипера было бы неправильно.

В марте сборная СССР отправилась еще в одно турне — по Скандинавии (Швеция, Финляндия), — чтобы «обкатать» состав в преддверии очередного чемпионата мира и Европы, который должен был пройти спустя месяц в Стокгольме (Швеция). В этой поездке ворота нашей сборной защищали Виктор Коноваленко и Владислав Третьяк. Вот как это выглядело глазами статистики: матч № 1, СССР — Швеция — Коноваленко (9:2 в нашу пользу); матч № 2, СССР — Швеция — Третьяк (2:2); матч № 3, СССР — Финляндия — Третьяк (3:1); матч № 4, СССР — Финляндия — Коноваленко (7:3). В итоге Коноваленко пропустил 5 шайб, Третьяк — 3. Молодость победила зрелость.

В середине апреля начался мировой турнир. На нем наша сборная сыграла 10 матчей, из которых девять выиграла и одну проиграла (шведам — 2:4). Кстати, в проигранном матче в воротах стоял сначала Коноваленко, который на 26-й минуту получил травму (шведский игрок коньками рассек ему лицо), и вместо него встал Третьяк. Счет на табло был 2:1 в пользу хозяев. В итоге герой нашего рассказа пропустил еще две шайбы.

Вспоминает В. Третьяк: «На следующий день после игры со шведами все газеты писали, что русский вратарь Коноваленко должен надолго забыть о хоккее. «Сделано 14 рентгеновских снимков. Они показывают: у Коноваленко серьезно повреждена переносица, кроме того, он получил тяжелые травмы головы. Один из лучших игроков сборной СССР прикован к постели».

Пока обыватель переваривал эту информацию, Виктор уже тренировался на льду «Юханесхофа». Вечером сборная вышла на свой очередной матч — с финнами, и Коноваленко занял привычное место в воротах. Правда, в третьем периоде его заменил я, но на табло к тому времени уже, кажется, значилось 10:0 в нашу пользу (итоговый результат —

16:1 . — Ф.Р.). Изумлению шведов не было предела. Еще через день газеты сообщили: «Персонал больницы потрясен мужеством русского вратаря»».

Итак, на том чемпионате Третьяка ставили в ворота против слабых соперников, а Коноваленко выставлялся против сильных. Поэтому общий результат по пропущенным шайбам был такой: Коноваленко — 8 игр, 7 пропущенных шайб, Третьяк — 6 игр, 4 пропущенные шайбы. «Золото» турнира взяли наши хоккеисты.

29 апреля 1970 года завершился чемпионат СССР по хоккею. Чемпионами стали столичные армейцы, и среди них был и Владислав Третьяк. В этом турнире он был первым вратарем ЦСКА (второй — Николай Толстик) и сыграл 34 игры, пропустив в свои ворота 76 голов. Толстик пропустил 45 голов в 10 матчах.

Сборная команда СССР по хоккею — чемпион мира 1969 года

В декабре в Москве прошел традиционный турнир на Приз газеты «Известия». Наша сборная сыграла четыре матча, три выиграла и один проиграла — чехословакам (1:3). Именно последняя игра и решила исход турнира — 1-е место заняла сборная ЧССР. Вратарская статистика выглядела так: Коноваленко — 2 игры (в том числе и со сборной ЧССР), 3 пропущенные шайбы; Третьяк — 2 игры, 4 пропущенные шайбы.

Сразу после этого турнира наша сборная отправилась в турне по Чехословкии и Финляндии. Было сыграно четыре матча, где Третьяк отстоял всего лишь одну игру — с ЧССР — и пропустил 5 шайб (наши ответили

лишь двумя). После этого поражения нашего героя посадили на скамейку и выпустили лишь однажды, да и то за 9 минут до конца игры — в матче с теми же чехословаками, где мы взяли убедительный реванш 6:0. Два оставшихся матча отстоял Коноваленко.

В конце декабря Третьяк вместе с взрослой сборной отправился в турне по США, а юниорская национальная команда поехала на европейское первенство в Женеву. Основным вратарем у них был спартаковец Виктор Криволапов. Однако буквально накануне начала турнира Криволапову по семейным обстоятельствам пришлось срочно покинуть команду, и вместо него решили вызвать Третьяка. И 31 декабря тот прилетел из Северной Америки в Москву, встретил Новый год, а спустя несколько часов вылетел в Женеву, чтобы уже 2 января 1971 года выйти на лед. У него до сих пор в памяти вытянутые от удивления, ошеломленные лица чехословацких юниоров, когда они увидели его в столовой: «Вот так сюрприз!». А он про себя радостно подумал: «Фора за нами!»

За юниорскую команду СССР тогда играли будущие звезды советского хоккея Юрий Лебедев, Вячеслав Анисин, Александр Бодунов (все из ЦСКА, но подлинную славу они приобретут, играя за «Крылья Советов»), а тренером команды был Николай Эпштейн — наставник воскресенского «Химика», который в 1969 и 1970 годах дважды занимал 3-ье места в чемпионате СССР.

Напомним, что до этого Третьяк трижды участвовал в молодежных чемпионатах континента: в 1967 году наши ребята заняли второе место, а затем привозили на родину только «золото». Не стал исключением и женевский турнир, где Третьяк творил настоящие чудеса. Однако в первую сборную страны его в марте 1971 года не вызвали, дав отдохнуть после Женевы. Наша сборная в том месяце совершила очередное турне по той же Скандинавии (Швеция, Финляндия), чтобы наиграть состав перед очередным чемпионатом мира и Европы в Швейцарии. Вратарями в эту поездку взяли двух Викторов — Коноваленко и Зингера. Однако на мировой турнир вместо Зингера поехал Третьяк, и именно там состоялось его «утверждение» на должность первого голкипера сборной. А «эпоха двух Викторов» — Коноваленко и Зингера — закончилась: у первого она длилась почти 13 лет (1963–1971), у второго — почти семь лет (1965–1971).

Заметим, что в Женеву-71 основным нашим вратарем поехал Коноваленко, а Третьяк шел «вторым» номером. Но у Виктора игра не заладилась. Он уже в первой игре, со сборной ФРГ 19 марта, в первом периоде пропустил две легкие шайбы. И на 31-й минуте его заменили Третьяком, который до финальной сирены оставил наши ворота в неприкосновенности. Во втором матче, с финнами, всю игру стоял Третьяк,

который пропустил всего одну шайбу (8:1). Следующие три игры место в воротах вновь занял Коноваленко (в том числе и в важном матче против сборной ЧССР) и пропустил в общей сложности 5 шайб (10:2 с американцами, 3:3 с чехословаками и 8:0 со шведами).

На матч против команды ФРГ наши тренеры выставили Третьяка, и здесь уже он два раза «зевнул» в первом и третьем периодах (12:2). Потом была игра с финнами, где полчаса в наших воротах отстоял Коноваленко (пропустил одну шайбу) и полчаса — Третьяк (не пропустил ни одной шайбы (10:1)). В следующем матче, против сборной США, весь матч в воротах отстоял Коноваленко (7:5), хотя тренеры хотели выставить Третьяка, но передумали. Почему? Послушаем его собственный рассказ:

«И вот настал черед решающих поединков. Тарасов меня предупреждает: «Будешь играть с американцами».

А я бы рад, да не могу: накануне простудился, температура поднялась почти до 40 градусов. Играть больным в воротах — не всегда подвиг. Можно и подвести команду: пропустил шайбу, вторую, и ситуацию, глядишь, уже не исправить.

Ох, и отругал меня тогда тренер! Следить за своим здоровьем, тщательнейшим образом беречь его — это тоже долг спортсмена, неперемное условие его жизни — такова в нескольких словах суть той тарасовской гневной речи. «Кстати, профессионалов за такие вот болезни (если доказана оплошность спортсмена, его вина) беспощадно штрафуют», — добавил он.

Но что там тренерский гнев... Я и без того переживал, глаза поднять боялся...»

Турнир на Приз газеты «Известия». 1971 г. Матч сборных СССР и ЧССР

Коноваленко выставили и на вторую игру против сборной ЧССР, и он опять не выручил: наши уступили со счетом 2:5 (в третьем периоде наш голкипер пропустил сразу три шайбы). После этого у каждой из команд оставалось по одной игре, в которых и должны были решиться судьбы призовых мест. Наши играли со шведами и обязаны были выиграть, поскольку им в спину дышали чехословаки, которые в случае нашего поражения набирали 15 очков и могли выйти на 1-е место, поскольку у них в споре с нами была лучшая разница очков (одна победа и одна ничья). И на эту решающую игру со шведами наши тренеры выставили Третьяка. Он вспоминает:

«Наконец, наступает кульминационный момент — матч со шведами. Надо было обязательно побеждать. Выиграем — мы чемпионы мира, уступим — главный приз уедет в Прагу. Я к тому дню уже почти поправился. И накануне матча Тарасов меня предупреждает:

— Завтра будешь играть.

Честное слово, всю ночь не сомкнул глаз. Казалось, решается судьба. Сегодня или никогда. Но более всего страшила перспектива подвести товарищей, не оправдать надежд тренеров. Мне еще не исполнилось и 19 лет...

По правде сказать, шведы тогда выше третьего места подняться уже не могли. Перед матчем они даже не вышли на «раскатку». Но в психологическом плане преимуществом владели наши соперники. Они могли себе позволить играть свободно, без оглядки, на их плечи не давил груз огромной ответственности.

Мы сначала повели в счете — 2:0, и работы у меня было не очень много. Но, кажется, рановато успокоились наши форварды. Шведы вовсе и не думали сдаваться без борьбы. Две шайбы почти подряд влетают в мои ворота, потом еще одна. Вот тебе раз!

Перерыв. В раздевалке Тарасов устроил такой разнос... Всем досталось, даже прославленным ветеранам. И только меня пощадил разгневанный наставник. Похлопал по плечу:

— Ничего, мальчик, все нормально. Терпи. После Анатолия Владимировича за команду взялся А. И.

Чернышев. Аркадий Иванович почти никогда не повышал голоса, да это ему и не требовалось. Сама манера его поведения — уравновешенная, мудро-спокойная, уверенная — благотворно действовала на коллектив. Чернышева, по-моему, ничто не могло вывести из себя. Забегая вперед, вспомню эпизод из олимпийского турнира в Саппоро. Однажды один из соперников нашей команды явно умышленно, желая как-то нас раздражить, спровоцировать, бросил шайбой в Аркадия Ивановича, который стоял у скамьи. Чернышев даже не переменял позы: как стоял, облокотившись о бортик, так и остался стоять. А хулигана того, к слову сказать, наши ребята крепко проучили.

Столь непохожие во всем, Тарасов и Чернышев прекрасно дополняли друг друга, являли блистательный сплав мудрости, опыта, темперамента, педагогического таланта, преданности делу. Такого тренерского дуэта не знал и, возможно, никогда не узнает мировой спорт...

Так вот, в тот раз, в Женеве, Аркадий Иванович нашел какие-то веселые слова, растормошил нас, заставил улыбаться.

— Вы же сильнее, черти непутевые! Вам же тут равных нет... Но и Тарасов, оказывается, еще не все сказал. Уловив перемену в нашем настроении, он перед самым выходом на лед сел на скамейку и будто бы для себя запел: «Это есть наш последний и решительный бой...»

Так запел, что у нас глаза влажными сделались. Нам уже ничего не требовалось говорить. Мы рвались на лед.

6:3! В девятый раз подряд советские хоккеисты стали чемпионами мира. И еще один рекорд был зафиксирован в Женеве: в девятый раз чемпионами провозгласили Александра Рагулина, Вячеслава Старшинова и Виталия Давыдова.

— Ну вот, Владислав, — как-то по-особенному пожал мне руку Тарасов, — ты теперь основной вратарь сборной Советского Союза. И из Москвы есть приятная новость: коллегия Спорткомитета присвоила тебе звание «Заслуженный мастер спорта СССР».

Помню, как будто это случилось вчера. А случилось это 3 апреля 1971 года...»

На том чемпионате Третьяк отстоял 5 матчей и пропустил 6 шайб (Коноваленко провел 7 игр, пропустил 18 шайб). После этого и состоялось окончательное утверждение Третьяка в должности первого голкипера национальной сборной.

Тем временем в конце апреля 1971 года закончился чемпионат СССР по хоккею. ЦСКА снова стал чемпионом. Третьяк отстоял в воротах все 40 матчей и пропустил 81 шайбу. Его напарник Николай Толстиков выходил на замену в нескольких играх и пропустил 14 шайб.

В сентябре сборная СССР сыграла два товарищеских матча в Дюссельдорфе с командой ФРГ. В обоих выиграла (9:4 и 14:1). В первой игре наши ворота защищал Третьяк, во второй — Зингер. А в декабре был Приз «Известий», куда Зингера опять не взяли — в воротах стояли Коноваленко и Третьяк. В этот раз наши из своих рук Приз не упустили — выиграли турнир, хотя и с трудом (у трех команд было по 4 очка, но у наших оказалась лучшая разница забитых и пропущенных шайб). Третьяк на этом турнире был ведущим вратарем — отстоял 3 игры, в то время как Коноваленко — два. Третьяк пропустил 3 шайбы, а его напарник на одну больше. Все это ясно указывало на то, что Третьяк не только в ЦСКА, но и в сборной окончательно выходит на первые роли, вытесняя конкурентов.

Впрочем, вместо постаревших Коноваленко (в марте 1972 года ему исполнилось 34 года) и Зингера (ему шел 31-й год) в воротах сборной в тот период появился еще один молодой вратарь — Александр Пашков из столичного «Динамо», которому шел 28-й год. Именно он вместе с Третьяком отправился в январе 1972 года в турне по Скандинавии (Финляндия, Швеция). Наши ребята сыграли четыре матча: в трех победили и одну проиграли (шведам — 3:4). Причем в проигранном матче на воротах стоял Пашков (они с Третьяком играли в очередь). В итоге Третьяк в том турне пропустил 5 шайб, Пашков — 6.

— Папа, я тоже буду хоккеистом! Александра врасплох не застанешь... Прорыв ликвидирован.

АЛЕКСАНДР ПАШКОВ

Вратарь. Заслуженный мастер спорта. Родился 28.08.44. В хоккее играет с 1958 г. Выступал за московские команды: «Локомотив», «Крылья Советов», ЦСКА, «Динамо». С 1974 г. — в составе воскресенского «Химика». За первую сборную СССР играл в 1972 и 1978 гг. Олимпийский чемпион, чемпион мира и Европы.

Молодой вратарь — Александр Пашков

Первое олимпийское «золото»

В феврале 1972 года в японском городе Саппоро прошли зимние Олимпийские игры. Третьяк поехал туда в роли ведущего вратаря, Пашков — второго. Поэтому наш герой из пяти матчей провел четыре, а Пашков всего один — против поляков (9:3).

Вспоминает В. Третьяк: «Что запомнилось в Саппоро? Матч со шведами был единственным, в котором мы потеряли очко (он закончился вничью — 3:3). Перед хоккейным турниром новый наставник «Тре крунур», бывший профессионал Билл Харрис, самоуверенно пообещал сделать шведов чемпионами. После этой ничьей многие решили, что Харрис, быть может, сдержит свое слово. Но надежды питали шведов недолго: они проиграли командам ЧССР и Финляндии. Затем заставили о себе говорить задиристые парни из команды США, которые со счетом 5:1 одолели сборную Чехословакии. Журналисты писали в том духе, что эти забияки еще покажут себя и что даже русской команде следует опасаться остроты их зубов. «Осторожно, они кусаются» — так прямо и назвала свой репортаж одна местная газета. Преувеличивали, однако, возможности американцев. Мы без особого напряжения выиграли у них — 5:2.

С таким же счетом закончился и наш последний матч на олимпийском турнире — с командой ЧССР. Вначале трижды подряд ошибся Дзурилла (редкий случай!), и мы повели — 3:0. Затем, особенно в третьем периоде, соперники предприняли ряд ожесточенных попыток переломить ход борьбы. Но им это уже не удалось.

В составе той команды, в третий раз подряд завоевавшей олимпийское золото, плечом к плечу на лед выходили Александр Рагулин, Анатолий Фирсов, Евгений Мишаков, Виталий Давыдов, Александр Мальцев, Валерий Харламов, Александр Якушев...

Мне в Саппоро удалось стать самым результативным голкипером, то есть пропустить шайб меньше всех других вратарей...»

На той Олимпиаде Третьяк показал прекрасный результат: пропустил всего 10 шайб.

Например, вратарь сборной США, занявшей 2-е место, в пяти матчах пропустил 15 шайб. Впрочем, там и защитники были иного уровня, чем в нашей сборной.

Кстати, некоторые специалисты, оценивая игру Третьяка, частенько сетуют на то, что он, конечно, очень талантлив, но все-таки значительную помощь ему оказывали не просто защитники, а лучшие защитники страны, собранные в ЦСКА и сборной СССР. Дескать, не будь их, слава Третьяка как вратаря № 1 могла бы померкнуть. И часто они противопоставляют ему другого вратаря — Виктора Коноваленко, который всю жизнь простоял в воротах горьковского «Торпедо», где защитные линии были на порядок ниже, чем в ЦСКА. Послушаем мнение на этот счет журналиста А. Поликовского:

«Да простят меня трехкратный олимпийский чемпион Третьяк и мой любимый вратарь Виктор Зингер, но Коноваленко я ставлю выше них.

В спартаковце Зингере была нервная, артистическая жилка, когда на него находил кураж, он тащил все, а рабоче-крестьянский горьковский торпедовец Коноваленко тащил все и без куража и артистической жилки, просто за счет психики, устойчивой, как грузовик, за счет характера, выносливого, как трактор.

Третьяк, конечно, выдающийся вратарь, но перед ним всегда маячили огромные спины Лутченко, Цыганкова, Гусева, Рагулина; а Коноваленко в своем «Торпедо» был зачастую все равно что голый перед нападающими противника. Они приезжали к нему как на параде и били его в упор. Он пускал и пять штук, и семь, но важнее тут не это, а то, сколько он отбивал, ловил, парировал, накрывал и вытаскивал...»

Хоккейная команда ЦСКА — чемпион СССР 1972 года

Поражение в Праге

Сразу после Олимпиады-72 наша сборная провела две товарищеские игры со сборной Японии, и во всех матчах в воротах стоял Пашков. Тренеры дали ему шанс показать себя перед очередным чемпионатом мира и Европы в Праге (Чехословакии). Наши выиграли обе игры, но если в первой Пашков отстоял «всухую» (10:0), то во второй пропустил сразу 5 шайб (9:5). В итоге на мировой чемпионат поехал вторым вратарем Владимир Шеповалов, которого рекомендовал его тренер из ленинградского СКА — прославленный в недавнем прошлом вратарь Николай Пучков. При чем здесь сборная и Пучков?

Дело в том, что на мировой турнир 1972 года в Праге наша сборная отправилась с другими тренерами — Тарасов и Чернышев остались в Москве, поскольку такова была воля организаторов чемпионата. Дело в том, что в Саппоро Тарасов несколько раз сходил в словесных перепалках с игроками сборной ЧССР, поскольку те вели себя крайне вызывающе: антисоветские реплики срывались с их уст постоянно. Тарасов, естественно, не оставался в накладе. Чехи затаили на него жуткую обиду и потребовали от советских властей не привозить к ним в Прагу Тарасова. В итоге он остался дома, а сборную повезли Всеволод Бобров и Николай Пучков. Естественно, что эта перестройка «на ходу» не могла благотворно сказаться на психологической обстановке в стане нашей сборной. А тут еще и Пучков стал настаивать на том, чтобы в решающих матчах с чехословаками наши ворота защищал не Третьяк, а его воспитанник Шеповалов. Вот как об этом пишет спортивный журналист С. Вайханский:

«И Третьяка, и Шеповалова Пучков, безусловно, великолепно знал, легко мог сравнить их достоинства и недостатки. Третьяк — это московская выучка, цэковская школа. Для него чемпионат мира в Праге — уже третий. Шеповалов — самородок. В Новокузнецке учить его было особенно некому. Однако в сибирском хоккее едва ли не самой высокой добродетелью всегда считалась скорость. А скорость вратаря — это его реакция. Именно это

отменное качество и оценил в 19-летнем Шеповалове Пучков, когда впервые встретился с ним в юниорской сборной, которую готовил к турниру в Ярославле весной 1967 года. Через год Володю призвали в армию, и он был направлен в команду ленинградского СКА. И вот теперь в Праге вместе со своим тренером дебютировал на чемпионате мира. Я думаю, что предложение Пучкова поручить ворота в поединках с чехословацкими мастерами не Третьяку, а Шеповалову имело серьезные основания.

Дело в том, что сборная Чехословакии наиболее изыскана в контратаках, которые чаще всего и применяла в поединках со сборной СССР. А контратаки — это наигранные варианты, разгадывать которые очень сложно. Достоинство же Шеповалова как раз и состояло в том, что, даже не успевая за мыслью соперников, он компенсировал это быстротой движения. Да и один на один забить ему было очень и очень сложно. Но, как говорится, не состоялось...»

Кстати, когда Тарасов узнал о том, что его воспитаннику не хотели доверять место в воротах, он был в страшном гневе. И обвинял Пучкова в том, что тот внес лишнюю нервозность в игру Третьяка, что сказалось на общих результатах его игры в Праге. А игра та и в самом деле оказалась не на высоком уровне, впрочем, как и вся игра сборной СССР. Но расскажем обо всем по порядку.

В первой игре наша сборная играла против команды ФРГ. В воротах стоял Третьяк и сохранил их в неприкосновенности (11:0). Затем был матч против финнов, где снова стоял наш герой, но там он пропустил две шайбы (10:2). А вот в следующей игре, против Швейцарии, наши ворота был поставлен защищать Шеповалов. Счет — 10:2 в нашу пользу.

Четвертой была игра против хозяев турнира — чехословаков. Именно тогда Пучков и настаивал на том, чтобы в воротах стоял Шеповалов, который уверенно играл против швейцарцев. Но Бобров (а также члены советской делегации) попросту испугался осуществить столь рискованный эксперимент — доверить ворота не основному голкиперу, а второму. В итоге в «рамку» встал Третьяк. Однако уже после первого периода он пропустил две шайбы (0:2). Пучков вновь поднял вопрос о замене Третьяка. Но Бобров и здесь не рискнул, понимая, что дело здесь не только в Третьяке — волновалась вся команда, которую местная публика буквально прессовала по ходу игры. В итоге Третьяк в оставшееся время пропустил еще одну шайбу, зато наши забил три. Итог — 3:3.

Следующая игра — со сборной Швеции. В воротах снова Третьяк. Но после того как после двух периодов наши повели 7:2, Третьяку дали отдохнуть, поставив вместо него Шеповалова. Тот отстоял «насухо» (11:2).

Поэтому в матче против ФРГ он провел на площадке всю игру и опять не пропустил ни одной шайбы (7:0).

В матче против сборной Финляндии в «рамке» снова появился Третьяк. Счет — 7:2 в нашу пользу. А в следующей игре — против швейцарцев — Третьяк отстоял первый период (наши вели 6:0), после чего два оставшихся периода наши ворота защищал Шеповалов (снова «насухо»). Счет — 14:0.

Только что Хендерсон забил победную шайбу всей Суперсерии-1972 в ворота Третьяка. Этот гол канадские газеты назвали «самым величайшим моментом в спортивной истории страны»

20 апреля 1972 года на льду снова сошлись сборные СССР и ЧССР. Матч принципиальный, в нем решалась судьба золотых медалей турнира. Пучков снова предлагал поставить в ворота Шеповалова, но эта просьба и в этот раз осталась без внимания. Слишком велик был риск провала подобной затеи. В итоге в наших воротах весь матч простоял Третьяк.

Вратарь чехословаков Холечек впоследствии рассказывал, что его команда готовилась к игре очень тщательно и старалась найти противоядие

от самой грозной советской тройки Викулов-Мальцев-Харламов. Для этого на тренировке двое запасных игроков — Глинка и Хаас — исполняли «роли» Мальцева и Харламова, стараясь действовать в манере, отличающей этих виртуозов шайбы, а хоккеисты основного состава отработывали варианты нейтрализации нашей ведущей тройки. Но даже несмотря на эту подготовку полностью нейтрализовать нашу тройку чехословакам не удалось, хотя матч они выиграли. Но расскажем обо всем по порядку.

Первый период, как и в первой игре, прошел при полном преимуществе хозяев поля, которых неистово поддерживали трибуны. Уже на 9-й минуте Недомански распечатал ворота Третьяка, а спустя всего 37 (!) секунд он же удвоил счет (причем обе шайбы он забил с подачи Мартинца). Во втором периоде игра выровнялась, и на две наши шайбы (их забили Мальцев, которого признают лучшим нападающим на турнире, и Харламов) чехословаки ответили только одной. Но счет был в их пользу — 3:2. Все должно было решиться в заключительной двадцатиминутке.

Она началась с атак советской сборной, однако соперники сумели грамотно выстроить оборону и в итоге выстояли. Кроме этого, в третьем периоде тройка братья Холики и Клапач сумела надежно нейтрализовать нашу ударную тройку Викулов-Мальцев-Харламов и не позволила им больше забить. Итог: чехословаки выиграли 3:2 и стали реальными претендентами на победу в турнире. И они ее добились, поскольку два дня спустя наша сборная допустила досадную осечку, сыграв вничью со шведами 3:3 (и это при том, что в первой игре наши одолели шведов со счетом 11:2!). Впервые за последние десять лет сборная СССР осталась без титула чемпионов мира, а чехословаки поднялись на высшую ступеньку пьедестала почета спустя 23 (!) года после своей предыдущей победы. Стоит отметить, что неудачное выступление нашей сборной повлекло изменения в тренерском составе команды: Всеволод Бобров остался «у руля», а вот Николая Пучкова сменил на тренерском мостике Борис Кулагин. Этот тандем должен был теперь подготовить сборную к сентябрьским играм с канадцами.

Таким образом, на мировом турнире в Праге Третьяк отстоял львиную долю матчей — 8 из 10. Пропустил 15 шайб, а его сменщик Шеповалов, сыграв два полных матча и два неполных, «прозевал» 2 шайбы.

Как пишет все тот же Б. Вайханский, после пражского турнира Тарасов запретил Третьяку общаться с Пучковым. Дескать, если он тебе не доверял, то и не надо с ним поддерживать какие-либо отношения.

А вот как сам Н. Пучков отзывался о вратарском мастерстве героя нашего рассказа:

«Никто не восхищался Третьяком больше, чем вратари. Владик ведь тоже шайбы пропускал. Иногда и не самые трудные. Однако его непробиваемость — высшая. И проявлялась она в главных матчах, в главных эпизодах, когда оборона уже «разваливалась» и соперникам казалось, что до полной победы им не хватает совсем немножечко счастья. И вот этой, уже достигнутой, казалось бы, удачи годами лишал их Третьяк.

Но и огрехи у Владика были. Он, например, в левую сторону все исполнял гораздо слабее, чем вправо. И как это ни обидно, Владик так ничего своего и не внес в технику вратарского искусства...»

Напомню, что эти слова принадлежат выдающемуся советскому вратарю. Однако было бы несправедливым не услышать мнение самого Третьяка о вратарском искусстве.

Вот оно:

«Я играл в стиле «баттерфляй». В переводе с английского — «бабочка». Это когда вратарь играет в нижней стойке, кладет щитки на лед, перекрывает почти весь низ ворот, а тут еще по бокам перчатки — получается похоже на бабочку. Раньше, до меня, играли по-другому. Я начал это применять еще в 68–69-м годах. Сейчас практически все вратари мира играют в этой позиции. Кстати, Анатолий Владимирович Тарасов считал, что я неправильно играю, и постоянно переучивал: «Ты неправильно делаешь, бери пример с Коноваленко, Зингера, Пашкова. Ты должен нижние шайбы по-другому отбивать». Но я на льду все равно делал так, как мне было удобно...

Меня часто спрашивают, имеет ли значение рост вратаря. Я думаю, этот фактор не очень важен. Виктор Коноваленко — один из величайших голкиперов — небольшого роста. Знаменитый канадский вратарь Уорсли — тоже маленький. Еще я могу назвать своего друга Гену Лапшенкова, а также Володю Мышкина. У низкорослых вратарей есть свои преимущества. Они более юркие, им легче брать нижние шайбы. Так же, кстати, считает и Плонт.

— Рост — дело второстепенное, — говорит он. — Главное, чтобы кандидат во вратари был бойцом, а не трусом, чтобы после каждого пропущенного гола он злился только на себя, а не обвинял других.

Это очень верное замечание, но все же мне бы хотелось поговорить сейчас не только о характере, который, конечно, необходим, но и о специфике тренировки.

В 1972 году в тренерский штаб сборной СССР был приглашен Николай Пучков. Он, вратарь Владимир Шеповалов и нападающий Вячеслав Солодухин стали первыми представителями Ленинграда на мировом хоккейном форуме. К сожалению, выиграть пражский турнир нашей сборной не удалось. Советские хоккеисты завоевали «серебро»

Я — высокий вратарь. Моя слабость — низовые шайбы. Это сразу же заметил Анатолий Владимирович Тарасов и посоветовал мне серьезно заняться тренировкой ног. Он даже придумал для меня специальные упражнения. Например, я перескакивал через синюю линию на одной ноге, двигаясь по льду от одного бортика к другому. Одно из любимых моих упражнений — перенос центра тяжести с одной согнутой ноги на другую, при этом я стараюсь как можно дальше оттянуть носки ног — что-то вроде задорной пляски вприсядку. Я назвал такое упражнение «ансамбль Моисеева». Кстати, почти всем упражнениям старался дать какое-нибудь образное название — так они лучше запоминаются. Для укрепления мышц ног еще советую делать «крест»: поочередные прыжки на одной ноге — вправо-влево, вперед-назад, желательно в полной вратарской амуниции. И вообще, всегда старайтесь выходить на лед одетым так же, как на игру.

Ни в одной другой спортивной игре вратарю не требуются такие ловкие и сильные руки, как в хоккее. Ведь он должен останавливать и отбивать

шайбы, летящие в ворота с огромной скоростью! Для тренировки рук полезны отжимания.

Теперь расскажу об интереснейшей полосе препятствий для тренировки практически всех групп мышц, необходимых хоккеисту. Ее придумал нынешний тренер ЦСКА Виктор Васильевич Тихонов. Мы назвали эту полосу «городком Тихонова». В принципе такое сооружение легко построить на любой спортплощадке. Вот что оно собой представляет. В начале расставлены десять метровых барьеров на расстоянии двух метров друг от друга. Игроки должны как можно быстрее преодолеть их, а через последний барьер сделать кульбит. Затем обогнуть десяток стоек, далее опять барьеры, но под ними уже нужно пролезть, затем 10 раз отжаться от скамейки и сразу же — кульбит через метровую стойку. И в конце — пять метров бега с ускорением. Три серии таких забегов — и вы почувствуете, насколько серьезна и полезна эта нагрузка. Вратарям вместо отжиманий можно делать «ансамбль Моисеева». Эта полоса позволяет хоккеистам приобретать навык мгновенной координации движений, быстро собираться, изменять темп бега в зависимости от возникших препятствий. Все это пригодится в игре.

При тактико-технической подготовке совершенствуются следующие элементы: выбор правильной стойки, выбор места, передвижение вратаря и руководство обороной. Каждый вратарь выбирает основную стойку по своей фигуре, ориентируется на то, как ему удобнее стоять. Есть, конечно, общее правило, которое не позволяет вратарю сильно наклоняться вперед и предписывает держать ловушку чуть впереди себя, потому что шайбу надо ловить и отбивать только в том случае, если она находится впереди.

Клюшка тоже должна быть впереди коньков, сантиметров на двадцать. С самого детства нужно стараться ловить шайбу, а не отбивать ее. (Меня могут упрекнуть, что в последние годы я сам частенько изменял этому правилу. Но это объясняется исключительно тем, что броски у ведущих хоккеистов стали очень сильными и неожиданными; когда шайба после такого броска как пуля летит в ворота, то тут уж не думаешь о грамотной технике — лишь бы не пропустить гол.) Если вы отражаете шайбу клюшкой при броске издалека, то старайтесь отбить ее не перед собой, а в углы площадки, чтобы соперник не шел на добивание. Особенно коварные мастера добивания — канадские профессионалы.

Когда вы ловите шайбу, старайтесь все внимание сконцентрировать на этом. Никакой халатности, никакого пижонства быть не должно. Шайба — коварный снаряд, она отскакивает в самых невероятных направлениях.

Клюшка постоянно должна касаться льда, иначе шайба может проскользнуть под ней прежде, чем вы это заметите. Чтобы молодые

вратари быстрее усвоили это правило, им иногда специально дают тяжелые клюшки. Еще один важный момент: принимать шайбу надо обязательно остановившись.

Не рекомендую отбивать броски в падении или же опускаясь на колени — при этом увеличивается опасность пропустить верхние или повторные шайбы. Надо уверенно стоять на ногах. Лежачего голкипера легче обыграть, обмануть. Частые падения — это явный признак либо низкого мастерства, либо неуверенности.

Если бросок по вашим воротам делают с острого угла, щиток надо плотно-плотно прижать к штанге, так как иначе шайба может найти малюсенькую щель и отскочить от ноги прямо в ворота: шайба чрезвычайно коварна, шутить с ней нельзя. У меня порой случалось так, что шайба каким-то непонятным образом как живая выскакивала даже из ловушки и летела при этом не куда-нибудь, а обязательно в ворота...»

Но вернемся к спортивной биографии Владислава Третьяка.

16 мая 1972 года завершился всесоюзный чемпионат по хоккею. И снова чемпионом стал ЦСКА. Третьяк отстоял 30 матчей, пропустил 78 шайб, его партнер Толстиков отстоял пять матчей и пропустил 16 шайб. Это был его последний сезон в ЦСКА (он потом уйдет тренером в СКА МВО).

Вспоминает В. Третьяк: «...Прошло некоторое время, и ко мне пристало прозвище «Дзурилла». Наверное, потому что у меня и у блиставшего тогда чехословацкого вратаря были похожие имена — Владислав, Владо. Я ничего против не имел, моему самолюбию даже льстило, что армейцы, хоть и косвенно, но ставят меня рядом с великим голкипером. Первым вратарем ЦСКА тогда был Коля Толстиков, и «Дзурилла» с удовольствием носил не только свою, но и его клюшку. Коля меня многому научил. Ученик же в итоге оказался «неблагодарным» — вытеснил коллегу с первых ролей.

Владислав Третьяк защищает ворота сборной СССР

До сих пор у меня осталось какое-то чувство вины перед Колей, перед Лапшенковым, перед Адониным: я невольно загораживал им дорогу вверх. Психологически им было трудно заставить себя работать в полную силу, зная, что Третьяк почти наверняка останется первым вратарем. Хотя если объективно рассуждать, то какая тут вина? Разве стал бы я мешать, если бы кто-то вдруг заиграл лучше меня?...

Я уже был первым вратарем ЦСКА, а Колину клюшку все равно носил, и никто этому у нас не удивлялся. В армейском коллективе привыкли уважать всех, кто старше.

За эти годы у меня в клубе и в сборной было много товарищей вратарей, и каждый меня чему-то научил...»

Любовь по имени Татьяна и...

Суперсерия-72

Тем временем приближалось время первой Суперсерии встреч между советскими и канадскими профессиональными хоккеистами. Договоренность об этом была достигнута на мировом первенстве в Праге, а сами встречи намечалось провести в сентябре. Однако у Третьяка на первом месте не эти игры, а его собственная... женитьба. В роли невесты выступала его ровесница, девушка по имени Татьяна Митякова (ее отец тоже был военный — авиационный штурман), которая в ту пору училась в педагогическом институте. По словам Третьяка, дело было так:

«В любовь я тогда не верил, думал, что она осталась только в романах. Как-то к маме пришла подруга и рассказала, что есть в Монино очень хорошая девушка, папа у нее военный, летчик, Герой Советского Союза (речь идет об авиационном штурмане Евгении Анатольевиче Митякове . — *Ф.Р.*), и не хочу ли я с ней познакомиться. Я как-то не придавал этому разговору значения, но взял телефончик, позвонил и поздравил девушку с днем рождения, 20 февраля (1972) и... забыл об этом. Прошло некоторое время, и вдруг знакомые сетуют, что вот, мол, как жалко, что такая девушка и за другого замуж выходит. А Татьяне уже кто-то другое предложение сделал. Меня это завело: «Как это у меня «соперник» появился?» Позвонил ей и предложил встретиться.

5 июля после тренировки поехал на Ярославский вокзал ее встречать — она в педагогический институт ехала. Ждал ее 45 минут! Она всегда опаздывает. Таксисты все допытывались: «Кого ждешь?» Отвечал, что с девушкой хочу познакомиться, а они дружно замечали, что я с ума сошел. Но я ждал. Наконец, вышла девушка, блондинка, симпатичная. Она села в мою машину, я на нее посмотрел и сказал себе мысленно, что она будет моей женой. Я сказал о своем решении отцу, и через пять дней после моего знакомства с Татьяной мы с ним поехали в Монино. По дороге купил обручальные кольца. Хотя размера пальца я не знал и купил наугад. Приехали. Невесты дома не было. Ее отец был летчиком, и «старрики» быстро нашли общий язык за столом, а я пошел встречать Татьяну возле дома. Встретил и сразу показал кольца. Сказал, как отрезал, мол, или выходи за меня замуж, или я кольца сейчас выброшу. Она меня убедила в том, что пока кольца выбрасывать рано, а надо еще повстречаться, ведь мы были знакомы всего несколько дней. И я с ней согласился, ведь за это время

девушка не успела в меня влюбиться. Но я решил подстраховаться, ведь на следующий день надо было со сборной ехать в Германию. Только сели за стол, я сказал, чтобы нас обручили, и по такому случаю выпили шампанского. Две недели был в Германии и там купил ей отрез на платье и фату.

Свадьбу три раза откладывали. И все — из-за канадцев! На осень 1972 года впервые планировались игры с канадскими профи, и руководители сборной и слышать ничего не хотели о свадьбе. Тогда я поговорил с Анатолием Тарасовым, и он дал «добро». Я всем тогда сказал, что Тарасов «за», а другие меня не волнуют. Пригласил всех хоккеистов. 25 августа состоялась наша свадьба...»

А вот что вспоминает Татьяна: «Я вообще была далека от спорта, а когда мы познакомились, даже не знала, что Третьяк — вратарь ЦСКА и сборной. И в лицо его не знала. Поехала на первое свидание просто из женского любопытства. Думаю: буду потом своим ученикам рассказывать, что со спортивной знаменитостью познакомилась, — я тогда в пединституте училась...»

Свадьба Третьяка.

На календаре — пятница, 25 августа 1972 года.

Спустя неделю начнется легендарная Суперсерия-72

Именно в те дни, когда Третьяк сделал предложение Татьяне, в Москве находились представители НХЛ — тренер Джон Маккеллан и главный инспектор клуба «Торонто Мэйпл Лифс» Боб Дэвидсон, которые внимательно наблюдали за тренировками советской хоккейной сборной перед играми Суперсерии-72. Эти тренировки усыпили их бдительность, поскольку советские хоккеисты на них представляли собой жалкое зрелище. Например, Третьяк в двусторонней игре сборной СССР с ЦСКА умудрился пропустить 9 (!) шайб, а его товарищи по команде то и дело спотыкались о собственные коньки. Знали бы канадцы, что это не что иное, как хитрость русских тренеров и игроков: они специально пускали пыль в глаза заокеанским наблюдателям. А Третьяк пропущенные шайбы впоследствии объяснит тем, что в тот день на льду думал только об одном — о предстоящей свадьбе.

Она состоялась в пятницу, 25 августа. То есть с момента предложения руки и сердца, которое сделал наш герой своей невесте, прошло чуть больше месяца. Как мы помним, поначалу невеста это предложение отвергла. Но затем, видимо, слегка поразмыслив и посоветовавшись кое с кем, свое отношение к замужеству изменила. И когда в начале августа Третьяк вернулся в Москву со сборов и вновь поднял тему женитьбы, девушка дала свое согласие. В ЗАГСе, учитывая постоянную загруженность жениха в спорте (впереди Третьяка ожидали напряженные игры с канадскими профессионалами), пошли навстречу молодым и назначили свадьбу на конец августа. После свадьбы Третьяк всего лишь сутки пробыл с молодой женой, а затем отправился со сборной СССР в Канаду, где должна была пройти первая часть Суперсерии (четыре матча).

Накануне этих матчей практически все местные газеты были уверены в победе их сборной. А самым слабым звеном в составе советской сборной называли... Владислава Третьяка. Почему? Такой вывод сделали те канадские специалисты, которые в августе были в Москве и наблюдали Третьяка в деле. Они записали в своих блокнотах следующие выводы: «Третьяк, кажется, еще очень молод, чтобы выстоять против НХЛ. В трудных ситуациях он проявляет нерешительность. Вратарь — самое ненадежное звено в советской команде».

Первая встреча состоялась в Монреале 2 сентября. Вот как об этом вспоминает В. Третьяк:

«Незадолго до начала матча к нам в раздевалку пришел Жак Плант. Да-да, он самый — знаменитый «укротитель шайб», лучший канадский вратарь всех времен. Плант пришел вместе с переводчиками и очень удивил нас тем, что стал подробнейшим образом объяснять, как мне, вратарю, следует играть против Маховлича, Эспозито, Курнуайе, Хендерсона...

— Будь внимателен, — сказал Планта, — когда на льду Фрэнк Маховлич. Он бросает по воротам беспрерывно, с любых дистанций, из любых положений. Подальше выкатывайся ему навстречу. Учти, Иван Курнуайе — самый быстрый нападающий в НХЛ, а Денис Халл может забросить шайбу с красной линии. И помни: самый опасный игрок в нашей команде — Фил Эспозито. Этот парень посылает шайбу без подготовки даже в малюсенькие щели ворот. Не спускай с него глаз, когда он на «пяточке». Здесь защитники сладить с ним не могут.

Чтобы было нагляднее, Планта показал мне все это на макете, попрощался и ушел. Так до сих пор я и не знаю, чем руководствовался канадский вратарь, «играя» против своих. Может быть, он чувствовал жалость ко мне, мальчишке, которого собрался растерзать Эспозито? Не знаю... Только спасибо Планта, его советы мне очень помогли.

— Потом началась игра. Я разминался так тщательно, как никогда. Представили игроков. Наши фамилии были встречены молчанием, а когда стали называть канадцев, трибуны взревели так, что у меня колени затряслись. Я почувствовал даже что-то вроде испуга. Но встал в ворота, и все прошло. Что было дальше? Свой рассказ я, так сказать, для наглядности попробую «иллюстрировать» цитатами из книг, вышедших в Канаде после той незабываемой серии.

Вот что пишет в книге «Вбрасывание века» Ж. Терру: «Когда Третьяк пропустил первую шайбу на 30-й секунде, все стали кричать: «Мы съедем их сырыми! Какого черта они здесь делают?!»

Да, так оно и было. Шум тогда поднялся чудовищный. Мне показалось, что на трибунах началось какое-то всеобщее безумие. Рев, треск, свист.

— О'кэй, — покровительственно хлопнул меня рукавицей Фил Эспозито, открывший счет. Мол, не переживай, паренек. Вспомни, с кем играешь.

— О'кэй, — скорее по инерции пробормотал я в ответ. Выли сирены, вспыхивали мигалки, электроорган играл

«Подмосковные вечера». До сих пор удивляюсь, как нас это все не сбilo с толку... Еще более яростное ликование захлестнуло трибуны, когда Хендерсон на 6-й минуте забил мне вторую шайбу. Орган заиграл похоронную музыку...»

Как покажут дальнейшие события, в нашу честь эта музыка будет играть недолго, поскольку к 12-й минуте игры волнение у наших ребят улеглось, и Евгений Зимин сумел отыграть одну шайбу. А спустя шесть минут Владимир Петров и вовсе восстановил равновесие. К тому моменту Третьяк уже справился со своим волнением и отражал все броски профессионалов. «Зевнул» он лишь однажды — на 49-й минуте, когда

шайбу забросил Бобби Кларк. Счет стал 4:3 в нашу пользу. Но больше Третьяк не расслаблялся и голов в свои ворота не пропускал. Зато канадский голкипер Кен Драйден пропустил еще три «плюхи». Короче, канадцы в тот день были разгромлены со счетом 7:3. И похоронная музыка должна была играть уже в их честь. Но орган, естественно, молчал, поскольку вся Канада была в шоке. А игроки канадской сборной даже не остались на традиционное послематчевое рукопожатие — так были разозлены за свое поражение.

Канадский вратарь Жак Планта

И все же итог той Суперсерии оказался не в нашу пользу: мы выиграли три матча, а канадцы четыре (одна игра закончилась вничью). Третьяк стоял во всех матчах (запасными были Александр Пашков и Александр Сидельников, но они ни разу не понадобились) и пропустил 31 шайбу (а Кен Драйден на одну больше). То есть по шайбам перевес был в нашу пользу — 32:31.

Третьяк произвел на канадцев поистине неизгладимое впечатление: они никогда не видели, чтобы вратарь ставил ноги углом. Вот как он сам об этом вспоминает:

«В канадском самолете стюард как-то подходит: «А правда, что в СССР решили сделать вратаря, как робота? И вам в детстве сломали ноги, чтобы вы вот так сядились?» А я действительно первый вратарь, который ставил ноги углом.

Мне Тарасов запрещал садиться, а я все равно садился...»

Короче, канадцы уже тогда давали Третьяку (а также Валерию Харламову и Александру Якушеву) один миллион долларов, чтобы он приехал играть в НХЛ. Однако отпускать его никто не собирался. Лишнее свидетельство того, что советское государство в ту пору своими звездами предпочитало не торговать (это начнется только во времена горбачевщины).

Лучший в мире вратарь и... отец

Сразу после Суперсерии (в ноябре) Третьяк отправился со сборной СССР в короткое турне по Финляндии. Однако из двух матчей сыграл только 20 минут в первом, после чего уступил место своему сменщику — Александру Сидельникову из «Крыльев Советов». Тот отстоял хорошо: пропустил всего лишь две шайбы. Что стало поводом к тому, чтобы доверить ему ворота и на Призе «Известий» в декабре. Правда, сделано это было дважды, да и то в играх со слабыми соперниками. Так, в матче со сборной Польши Сидельников отстоял всю игру (наши выиграли 5:1), а в игре с финнами его выпустили в середине 2-го периода, когда счет был 9:0 в нашу пользу (окончательный итог — 11:3).

Остальные три игры в воротах стоял Третьяк. Наши их выиграли, а герой нашего рассказа пропустил 6 шайб. Главный приз достался советской сборной.

В самом конце марта в Москве начался очередной (40-й) чемпионат мира и Европы по хоккею. Советская сборная выступила выше всяческих похвал: выиграла все десять матчей и стала чемпионом. При этом наши хоккеисты забили 100 шайб, а пропустили всего лишь 18. Из последних на долю Третьяка выпало 14 (он отстоял 7 игр), на долю Сидельникова — 4 (отстоял 3 игры). Однако, как ни странно, Третьяк не был назван ни лучшим вратарем турнира (им стал голкипер сборной ЧССР Иржи Холечек, хотя чехословаки нам дважды проиграли 2:3 и 2:4), а также не был включен в символическую сборную мира (вратарем в ней опять же стал И. Холечек).

30 апреля 1973 года завершился чемпионат СССР по хоккею. Чемпионом вновь стал ЦСКА, в воротах которого стоял Третьяк. Он отстоял 30 матчей и пропустил 80 шайб. Еще 29 шайб пропустил его сменщик.

А спустя почти три недели (19 мая) Третьяк стал отцом — у них с Татьяной родился сын Дмитрий. Третьяк тогда был в Москве, поэтому и отвез жену в роддом сам, и домой привез с новорожденным тоже он, купив ей 25 алых роз.

В сентябре начался очередной чемпионат СССР по хоккею, который Третьяк начал вполне уверенно, а в ноябре он уже стоял в воротах сборной СССР, которая отправилась в турне по Финляндии и ГДР в преддверии Приза «Известий». В том турне было сыграно четыре матча, в которых наш герой стоял в двух (в двух других ворота защищал Сидельников) и пропустил 5 шайб (Сидельников — 2).

На Призе «Известий» Сидельникову доверили стоять только в матче со слабым соперником — сборной Польши, которую наши ребята обыграли 10:1. Остальные четыре игры наши ворота защищал Третьяк, причем делал это надежно — пропустил всего 4 шайбы (а в матче с финнами вообще сыграл «насухо» — наши победили 7:0). Впрочем, он с чехословаками не подкачал: в первом периоде пропустил одну шайбу, но потом — ни одной (7:1 в нашу пользу).

Вообще, если в воротах стоял Третьяк, то наши хоккеисты были спокойны за свои ворота и играли гораздо лучше, чем если в воротах стоял другой голкипер. Например, когда в марте 1974 года наша сборная отправилась в товарищеское турне по Чехословакии и Финляндии, то в первом матче ворота защищал Сидельников. И наши его проиграли 5:7. Но когда во второй игре с теми же чехословаками в «рамку» встал Третьяк, то победа была уже за нами — 4:3.

Сборная команда СССР — чемпион мира 1973 года

Впрочем, бывало разное. В последней игре с финнами поначалу стоял Сидельников, однако к середине второго периоде позволил хозяевам сократить разрыв до 4:3 (после первого периода наши вели 2:1). Тогда в

ворота встал Третьяк, но в третьем периоде наши так и не сумели больше забить, а вот Третьяк одну шайбу пропустил. В итоге ничья 4:4. В середине марта завершился чемпионат СССР по хоккею. Чемпионом в тот раз стала команда «Крылья Советов», а ЦСКА завоевал «серебро». Отметим, что в воротах «Крылышек» стоял Александр Сидельников — сменщик Третьяка в сборной. Так вот этот сменщик пропустил всего 87 шайб, а Третьяк в 27 играх — 94 шайбы (его сменщик Николай Адонин в 7 матчах пропустил еще 27 шайб).

Похвала от Брежнева

В начале апреля 1974 года в Хельсинки (Финляндия) начался очередной чемпионат мира и Европы. Третьяк отправился туда основным вратарем, а Сидельников запасным. Первая игра была с легким противником — сборной ГДР. Но наши тренеры выставили на нее Третьяка. Он отстоял «всухую» — 5:0. Потом был матч против финнов, в котором снова стоял Третьяк. Счет — 7:1 в нашу пользу. А вот в третьей игре, против сборной Польши, место в наших воротах занял Сидельников. Разгрома не получилось — наши выиграли со счетом 8:3, причем все свои шайбы поляки забили в третьем периоде.

10 апреля состоялся принципиальный матч — СССР — ЧССР. В воротах у нас встал Третьяк. И уже в первом периоде пропустил три безответные шайбы. А во втором еще три. 6:0 после 40 минут игры. Короче, судьба встречи была фактически решена. В третьем периоде мы забили две шайбы, а наши соперники еще две. Итог — 7:2 в пользу чехословаков. Как пишет В. Третьяк:

«Мы крупно проиграли команде ЧССР — 2:7. Настроение было ужасное. Помню, после какой-то игры местный репортер спросил меня:

— Скажите, мистер Третьяк, стали бы вы вратарем, доведись вам снова начать свою хоккейную карьеру?

Я пожал плечами, застигнутый этим вопросом врасплох.

— Не знаю.

— Но все же, — настаивал репортер.

— Подумал бы, — уклонился я от прямого ответа.

Я действительно не мог с абсолютной уверенностью ответить на этот вопрос. К тому времени я уже вдоволь нахватал синяков и шишек, через край хлебнул вратарской доли. Скажи мне кто-нибудь тогда, что играть предстоит еще десять лет, ни за что бы не поверил...»

Два дня спустя наши встречались со шведами. Тоже грозный соперник. И снова в воротах у нас Третьяк. И снова первый период не за нами — 0:1.

Но в раздевалке во время перерыва тренеры провели с игроками нужные беседы, и два оставшихся периода были уже за нами. Третьяк больше не пропустил, а наши забил три шайбы. Итог — 3:1 в пользу сборной СССР.

В игре против сборной ГДР у нас в воротах стоял Сидельников и пропустил всего три шайбы (10:3). С финнами место в воротах занял Третьяк и «зевнул» всего лишь один раз в последнем периоде (6:1). А в матче против поляков Третьяк отстоял первый период и ушел «сухим». Потом в ворота встал Сидельников и тоже не пропустил ни одной шайбы (17:0).

18 апреля состоялась вторая игра против сборной ЧССР. Наши ребята, естественно, жаждали реванша. В воротах стоял Третьяк. Послушаем его рассказ:

«Перед встречей тренеры «перетасовали» все тройки. Владимира Петрова, который получил травму, заменил Александр Мальцев, а Сашино место занял Юрий Лебедев. Мы удивились таким смелым перестановкам (как же сыгранность?), но в общем-то они оказались удачными.

Прямо передо мной, по другую сторону площадки, занял свое место чехословацкий вратарь Иржи Холечек. Не вижу из-за маски его лица, но по тому, как беспокойно Холечек переминается с ноги па ногу, чувствую, что он сильно волнуется. Холечек — великолепный вратарь. Он гораздо старше меня (на 8 лет . — *Ф.Р.*) и знаком со всеми тонкостями нашего ремесла. Забить ему шайбу в ближнем бою почти невозможно. У него феноменальная реакция, он смел и расчетлив. Только один недостаток знаю я за Холечеком: пропустив шайбу, он вдруг может разнервничаться и наделать затем кучу ошибок — тут ему и забивают.

Суперсерия-1974. Владимир Шадрин и Джерри Чиверс

Однако первую шайбу в этой игре пропустил не он, а я, когда на пять минут был удален Цыганков. Я посмотрел на скамью штрафников, выгребая шайбу из сетки: Гена сидел весь зеленый от волнения и досады. Лишь во втором периоде после длительной осады Якушев сравнял счет. Холечек, как я и ожидал, после этого расстроился и вскоре снова допустил ошибку. Мальцев вывел нас вперед.

Больше в этом матче шайб мне в ворота не забивали. Но как рассказать, чего это стоило?.. Чехословацкие хоккеисты заставляли меня в дикой пляске метаться от штанги к штанге. Их броски были точными и сильными.

Вот шайба у Мартинеца. Он еще далеко, почти у красной линии, но я уже «включился» на 98 процентов, я знаю этого хоккеиста — он без промаха бросает с любых дистанций. Вот его партнер с шайбой стремительно накатывается на мои ворота. Бросит сам или сделает передачу? Я слежу за его глазами. Если он посмотрит на меня, значит, будет бросок; если же отведет взгляд вправо, значит, отдаст шайбу Мартинецу, а уж тот не замешкается. Так и есть: мгновенный пас вправо — держись, вратарь...

Второй перерыв. Пот катит с меня градом, хотя во время матча, в отличие от других, я совсем не пью воды. Я тяжело дышу и, наверное, со стороны выгляжу сейчас довольно жалко. Подходит тренер Борис Павлович Кулагин:

— Потерпи, Владик. Неожиданно он говорит:

— А помнишь, как ты по стадиону двадцать кругов бежал? Я улыбаюсь (надо же, оказывается, могу еще улыбаться).

Вспоминаю, как когда-то, давным-давно, меня, еще совсем мальчишку, пригласили на сбор юношеской команды ЦСКА. И вот в виде наказания за плохо сделанную зарядку заставил нас Кулагин бежать 20 кругов по стадиону. Все ребята были на четыре года старше меня, они без труда справились с таким заданием, а я десять кругов пробежал и больше не могу. Умру сейчас, упаду без сил. Ребята говорят Кулагину:

— Пожалейте Владика. Молод он еще...

— Вот если выдержит Третьяк, будет из него хоккеист, — отвечает им невозмутимо тренер.

Все-таки я добежал тогда до конца. Ума не приложу, как смог.

Значит, не забыл Кулагин тот случай. Я опять неизвестно почему улыбаюсь. Пора вставать, кончился перерыв...»

С таким же счетом 3:1 наши ребята спустя два дня одолели и шведов. В воротах опять стоял Третьяк. Это был последний матч для нашей сборной на том турнире. Она снова завоевала «золото», а Третьяк показал отменный результат: отстоял 8 матчей и пропустил 12 шайб (Сидельников защищал ворота в трех играх и пропустил 6 голов). В итоге Третьяк впервые был назван лучшим вратарем турнира (хотя в символическую сборную включили другого вратаря — шведа К. Ларссона).

Вернувшись в Москву, Третьяк угодил с корабля на бал. Под последним подразумевается 17-й съезд ВЛКСМ, делегатом которого оказался герой нашего рассказа. Причем делегатом не бессловесным, а самым что ни на есть говорящим — он выступал с приветственной речью. И во время этого мероприятия с ним, по его же словам, случилась следующая история:

«Мне было поручено обратиться к делегатам и одновременно приветствовать находившихся в президиуме руководителей страны во главе с Брежневым. Понятно, что вручили для этого заранее подготовленный текст. Начинаю его читать с трибуны, и вдруг за моей спиной раздается громкий шепот: «Владик, какой же ты молодец!» Через мгновение снова: «Владик, молодец!» Честно, никогда в жизни я не испытывал такой растерянности, ведь сзади сидел не кто иной, как генеральный секретарь ЦК КПСС, который обращался к выступавшему весьма странным образом. В ту минуту совершенно не представлял, как реагировать: прервать выступление, обернуться и поблагодарить? Или сделать вид, что не расслышал?...»

Главный хоккейный болельщик в СССР — Леонид Ильич Брежнев.
Болел за ЦСКА и очень любил Владислава Третьяка

Суперсерия-74

В сентябре-октябре 1974 года состоялась вторая Суперсерия игр между сборными СССР и Канады. На этот раз последнюю представляли профессионалы из ВХА, а эта лига была послабее НХЛ, хотя в ней и играли бывшие игроки из последней. Поэтому шапкозакидательских заявлений, как это было два года назад, на этот раз со стороны канадцев не было. Более того, многие канадские специалисты были уверены в том, что их хоккеисты эту Суперсерию проиграют.

Вратарями нашей сборной были Третьяк и Сидельников. Поскольку первый был основным, ему и выпала доля отстоять львиную долю из тех восьми матчей. А началась эта серия 17 сентября матчем в Квебеке. Вспоминает В. Третьяк:

«Матч начался атаками хозяев. Они повели — 1:0. В перерыве мы получили такую установку: «укатать» соперников. Темп, темп, темп! Итог встречи — ничья 3:3. Работать мне пришлось так много, что если спросить, как проходила игра, то я вряд ли смогу обстоятельно рассказать о ней: весь матч для меня слился в почти непрерывающийся обстрел. Будто на площадке была не одна, а по меньшей мере с десятков шайб, которые канадцы непрерывно швыряли в мои ворота. Думаю, впрочем, что похожее чувство испытал и канадский вратарь Джерри Чиверс. Он играл блестяще!

Запомнилось несколько эпизодов. Бернье из выгоднейшего положения бросает по воротам, я отбиваю шайбу, а соперник в досаде ломает о борт свою клюшку. Будто клюшка виновата. За 34 секунды до финального свистка кто-то из канадцев, кажется Ф. Маховлич, неожиданно выходит со мной один на один, но я по своему обыкновению стремительно выкатываюсь ему навстречу, Маховлич теряется и мажет. Два гола забил мне Бобби Халл. Не зря про него рассказывают легенды. Вот это бросок! Я почти не видел шайбы. Очень надежный защитник — Трамбле. А у нас лучшим, безусловно, был Харламов. Его стремительные проходы надо было

снимать на киноплёнку и как наглядное пособие показывать во всех хоккейных командах — от «Золотой шайбы» до высшей лиги...

...Матч окончен. Мы сидим в раздевалке, расслабленные и опустошенные. Абсолютная тишина. «Ну и баня! — думаю я. — Похоже, эти встречи будут потруднее прежних. Кто говорил, что в Канаде нас ждет легкая прогулка?»

Пришли запасные игроки. Они во время игры сидели на трибунах, среди зрителей. Вид у них чрезвычайно возбужденный. Вратарь Володя Полупанов изумлен до глубины души:

— Вот это матч! Это... — Он никак не может подыскать слова, способные выразить все его чувства. — Это фантастика какая-то!

А мы сидим и молчим. Дай отдышаться, Володя.

— Я еще никогда не видел такого хоккея! — кричит с порога Юрий Сапелкин.

— Ну, Владик, сколько раз ты спасал команду! — Это мой дублер Саша Сидельников подошел.

А мы сидим и молчим. Сил нет.

Вечером Бобби Халл выступал по телевидению:

— У русских хорошая команда. Она, как взвод в армии, дисциплинирована и дружна. Каждый знает, за что он в ответе. А мы сегодня слишком нервничали. Маккензи признался мне, что перед выходом на площадку у него от волнения дрожали

колени. Но уж теперь-то мы возьмем себя в руки. Наши парни выиграют эту серию.

— Посмотрим, посмотрим, — сказал Сидельников, выключая телевизор.

По обыкновению, мы снова живем с ним в одном номере. Говорим мало. Не потому, что нам не о чем поговорить. Нет, причина в другом. Я вообще перед матчами замыкаюсь в себе, становлюсь молчаливым и отрешенным. Саша знает об этом и старается не докучать мне досужими разговорами...»

Второй матч проходил в Торонто два дня спустя. В нем канадцы оказались сильнее, забив в ворота Третьяка четыре шайбы (две уже в первом периоде), на которые наши хоккеисты ответили лишь одной. В том матче Третьяку пришлось туго, поскольку игра у наших защитников явно не шла. Особенно это касалось Валерия Васильева и Александра Гусева, которые совсем не страховали друг друга. После второго периода, при счете 3:1 в пользу канадцев, Третьяк даже заявил тренерам: «Не знаю, хватит ли сил...» Но те ему в ответ: «Потерпи, Владик. На тебя вся надежда».

В третьем периоде он пропустил всего лишь одну шайбу. Большого канадцы добиться не смогли, поскольку действовали уж больно прямолинейно. Выходят к воротам и бросают. Нет чтобы обмануть вратаря, обвести, выманить из ворот. Вместо этого — выходят и лупят изо всех сил. Будто хотят пробить Третьяка насквозь. Но его таким образом не пробьешь — его обмануть надо. Вот и во время исполнения буллита канадец Уолтон не стал мудрствовать лукаво и бросил по воротам, едва Третьяк выкатился ему навстречу. В итоге шайба была отбита. Короче, в тот день канадцы выиграли, но с небольшим разрывом — 4:1. Разрыв мог быть и меньшим, но судья Браун не засчитал гол, забитый Владимиром Петровым.

Джерри Чиверс и Владислав Третьяк

А в третьем матче, который проходил в Виннипеге, уже наши ребята разыгрались не на шутку. Забили канадцам восемь шайб, а в свои пропустили пять. Причем три они забили Третьяку в последнем периоде. В четвертом матче, в Ванкувере, счет оказался ничейным — 5:5. Причем все пять шайб Третьяк умудрился пропустить в первом периоде. А потом два периода отстоял «насухо». Впрочем, послушаем рассказ самого В. Третьяка:

«С первых же минут встречи я понял, что наши форварды, как говорится, в ударе. Они смяли канадцев. Соперники, как я и предполагал, не смогли вытянуть до конца свою слишком высокую ноту, они начали сбавлять темп.

Во втором периоде Уолтон так сильно бросил шайбу мне в живот, что я скривился от боли. К горлу подступила тошнота. Сел на лед. Голова кружится. А игра идет. И Хендерсон рвется к воротам. Держись! В перерыве наш доктор дал мне какие-то пилюли, чтобы боль унять. Счет к третьему периоду был 7:2 в пользу сборной СССР (на самом деле 4:2 — Ф. Р.). Ну, думаю, раз игра сделана, значит, теперь в ворота поставят Сидельникова. Но нет, вышло опять мне... Десять минут промучился, ни одной шайбы не пропустил. Потом подъехал к нашей скамейке — там доктор уже нашатырь приготовил. Понюхал я ватку, посмотрел украдкой на тренеров: может, теперь заменят? Нет, мне доигрывать. А самочувствие у меня совсем скверное. Вот-вот потеряю сознание. В той последней десятиминутке я пропустил сразу три шайбы.

Первую забил Хендерсон. Интересно получилось. Он в том матче несколько раз выходил к воротам и тут же самым примитивным образом делал бросок. Хендерсону бы «подергать» вратаря, не торопиться, переправить шайбу партнеру... Он же бросает себе, как заведенный. А я без особого труда парирую шайбы. И вот он снова мчится на мои ворота. Смотрю: защита наша очень некстати «вздремнула», значит, надеяться надо только на самого себя. А справа от Хендерсона летит другой канадец, и его положение для атаки еще более удобно. Ну, думаю, теперь-то Хендерсон уж точно отдаст шайбу партнеру. Нельзя не отдать! Глупо не отдать! И я стал смещаться в сторону второго канадца, «приоткрыв» ближний угол. А Хендерсон, оказывается, и теперь не думал никому пасовать. Опять бросил сам. И как раз попал в тот самый угол.

Снова больше всего волнений доставил мне Бобби Халл. Бывало, после его бросков я вообще не видел шайбу — он выстреливал ее, словно пулю. Но это еще не все. Обычно, когда хоккеист бросает или щелкает шайбу, он делает замах, по которому опытный вратарь может определить многое: и направление полета шайбы, и силу броска. Долю секунды длится замах у классных мастеров, но я вполне успеваю прикрыть то место в воротах, куда целит форвард. Халл же швырял шайбу без замаха. Свой страшный бросок он совершал одной кистью, как бы небрежно. Он забивал много голов. Но вот что любопытно: все остальные играли только на Халла.

Вот Маккензи и Лякруа рвутся вперед. Они действуют напористо, быстро, смело. Но, откровенно говоря, я почти не обращаю на них внимания. Я ищу глазами Халла. Где он? Ага, Халл, как обычно, медленно

крадется к моим воротам. Маккензи и Лякруа перекидывают шайбу друг другу, но, ручаюсь, никому из них и в голову не придет бросать по воротам. У них какая-то магическая вера в Бобби Халла. Бить должен он, только он. Вот Халл наконец выходит на ударную позицию, и тут шайба адресуется ему. Бросок...

Это в Москве он забьет только одну шайбу — там Бобби будут очень зорко сторожить, — а в Канаде на его счету шесть голов. От матча к матчу я пытаюсь найти контрманевр против канадца и в конце концов прихожу к такому выводу: надо выходить на Бобби Халла не тогда, когда он уже в нашей зоне, а сразу, лишь только шайба попала к нему. Так я и делал в последних играх.

Пятый гол забил в мои ворота Уолтон. Бросок был очень сильный. Я поймал шайбу, но она каким-то непостижимым образом выскользнула из ловушки и, как живая, впорхнула в сетку...»

Последний матч в Канаде (четвертый в Суперсерии-74) проходил в Ванкувере. И снова история повторилась: в первом периоде Третьяк пропустил пять шайб, а потом два периода стоял «насухо». Счет — 5:5.

Вспоминает В. Третьяк: «...Мне нравился вратарь Джерри Чиверс. Хорошо он играл: храбро, умело, спокойно. Очень сильный вратарь. И человек на редкость славный. Перед матчем обязательно подъедет, постучит клюшкой по моим щиткам: мол, желаю всего хорошего. Но вот я никак не мог принять того, что Чиверс курит. Даже перед самой игрой его можно было встретить у раздевалки с толстой сигарой в зубах. Однажды я спросил:

— Джерри, зачем ты куришь?

— Это помогает мне снять волнение, — ответил он.

А в контракте у Чиверса оговорено, что во время перерывов между периодами он может пить пиво. Удивительно! По-моему, это так же безрассудно, как и выходить на площадку без шлема...»

Кстати, в споре двух вратарей — советского (Владислав Третьяк) и канадского (Джерри Чиверс) победа не досталась никому — была зафиксирована ничья: оба пропустили по 17 шайб. Зато в Москве...

Пятая игра прошла 1 октября во Дворце спорта в Лужниках. Наши выиграли 3:2. В шестой игре победа наших была куда более внушительной — 5:2. А в седьмой была зафиксирована ничья 4:4. На этом выступлении Третьяка в Суперсерии-74 закончились, поскольку в последнем, восьмом матче, наши тренеры решили поставить в ворота Сидельникова, которому тоже хотелось попробовать свои силы в игре против канадских профессионалов. Проба оказалась успешной. Сидельников пропустил всего по одной шайбе в первом и третьем периодах. А наши ребята забili Чиверсу на одну шайбу больше. Итог — 3:2.

В последнем, восьмом, матче ворота сборной СССР защищал Александр Сидельников

Эту Суперсерию из 8 игр наши хоккеисты выиграли: 4 победы, 1 поражение и 2 ничьи. Третьяк стоял в семи матчах и пропустил 25 шайб (Сидельников пропустил 2 шайбы). Итог по шайбам — 32:27 в пользу советской команды.

Как свитер Третьяка оказался в канадском музее

В ноябре-декабре 1974 года был Приз «Известий», где наша сборная снова была сильнейшей: выиграла семь матчей подряд, а игру со сборной ЧССР свела вничью 3:3. Но последнюю, девятую игру, наши ребята чехословакам уступили — 3:4. В воротах нашей сборной в этих матчах стояли Третьяк (6 игр), Сидельников (1 игра и один раз выходил на замену), Владимир Шеповалов (1,5 игры). Почему 1,5? Дело в том, что в первой игре с чехословаками в ворота встал Шеповалов, но играл неуверенно: если в первом периоде пропустил всего одну шайбу (2:1), то во втором позволил сопернику поразить свои ворота дважды (получилось, что в том случае выводы Н. Пучкова относительно того, что его воспитанник может хорошо сыграть против чехословаков, не оправдались). Поэтому на 33-й минуте Шеповалова заменили Третьяком. Тот отстоял «насухо», а наши сумели-таки забить одну шайбу и свести игру к ничейному результату.

На Новый год ЦСКА отправился в Канаду, где провел серию игр против тамошних любительских команд. Армейцы предполагали, что это будет несложная, в чем-то увеселительная прогулка, поскольку играть предстояло не с профессионалами. Однако на деле оказалось, что это не так — игры выдалась сложные. И хотя все семь матчей армейцы выиграли, однако сил потратили не мало. И Третьяк в этом турне работал, как ломовая лошадь.

Во время пребывания в Торонто армейцы посетили знаменитый Музей хоккейной славы. И увидели в нем много интересных экспонатов. Например, герой нашего рассказа обнаружил за стеклом свой собственный свитер, который таинственным образом пропал из раздевалки в Ванкувере во время сентябрьских матчей Суперсерии-72. Получалось, что свитер специально похитили: либо сами работники музея, либо кто-то из болельщиков, чтобы потом продать его музею.

Вскоре после возвращения на родину к Третьяку после тренировки подошел незнакомый мужчина, который, представившись работником

издательства «Прогресс», протянул ему пакет со словами: «Здесь книга канадского вратаря Кена Драйдена (он защищал ворота сборной Канады во время Суперсерии-72), которую мы издали на русском языке. Нам бы хотелось услышать о ней ваше мнение». Придя домой, Третьяк залпом прочитал книгу. И нашел в ней немало интересного, в том числе и про себя. Вот лишь один такой отрывок:

«Во время тренировки нас поразила не техника русских, а их физическая подготовка. Как нам и говорили, они находятся в прекрасной спортивной форме и при всей нагрузке даже нисколько не вспотели. Третьяк удивил Эдди Джонстона своими акробатическими трюками, которые он выполнял всякий раз, когда шайба оказывалась на противоположном конце катка. Он плюхался грудью на лед и без помощи рук рывком вновь вскакивал на ноги, и так восемьдесят раз. «Ты можешь себе представить, чтобы это проделал Гамп Уорсли?» — заметил Эдди. Или, добавим, Кен Драйден.

Зал хоккейной славы в Торонто. Экспозиция, посвященная Владиславу Третьяку

По окончании тренировки Третьяк остался в зале, чтобы посмотреть, как работаем мы. Он очень похож на молодого Стэна Микиту. У него румянец во всю щеку, который со временем сойдет от ежедневного применения бритвы. Он, вероятно, является «звездой», появившейся в результате осуществления программы ускоренной подготовки выдающихся вратарей. Дело в том, что в Советском Союзе было мало хороших вратарей, потому что у них почти нет игр, где спортсмен должен что-то ловить. Большинство вратарей НХЛ в прошлом играли в бейсбол, как я, например, выступая когда-то за команду Корнельского университета. В СССР же в бейсбол не играют. Зато там очень популярен футбол, и, быть может, поэтому Третьяк так ловко орудует ногами...»

Провал в Москве и триумф в Дюссельдорфе

В марте 1975 года в сборной СССР появился новый второй голкипер — Виктор Криволапов из «Спартака» (моя любимая команда в том году показывала отменный хоккей — много забивала и мало пропускала, хотя год назад заняла лишь 4-е место). Вот тренеры сборной (Б. Кулагин, К. Локтев и В. Юрзинов) и решили привлечь Криволапова в команду. Он дебютировал во время товарищеской игры со сборной ФРГ 9 марта, выйдя на замену Третьяку на 41-й минуте (наши тогда уже вели 8:1). В итоге новичок пропустил всего лишь одну шайбу (итог — 10:2). После этого его взяли на заключительный этап Приза «Известий», который проходил в том же марте в Праге. Однако наши сыграли плохо: уже в первом же матче против чехословаков уступили с разгромным счетом 1:6. Причем в воротах у нас стоял Третьяк. Он же занял место в «рамке» и во второй игре против чехословаков, где мы снова уступили — 2:4. Короче, наш герой тогда находился не в лучшей форме (впрочем, как и вся команда). Поэтому в игре против шведов тренеры выставили Криволапова. Наши победили 7:4. А в следующем матче со шведами в воротах снова встал Третьяк, но мы «скатали» игру вничью — 3:3. В итоге Приз «Известий» в тот раз достался сборной ЧССР.

В апреле на чемпионате мира и Европы в Мюнхене и Дюссельдорфе (ФРГ) наши ребята должны были реабилитироваться в глазах многомиллионной армии советских болельщиков.

В первом матче (3 апреля) сборной СССР противостояла команда США. В наших воротах стоял Третьяк, но умудрился пропустить целых 5 шайб. Правда, наши ребята забили в два раза больше, что позволило нашей команде записать в свой актив первые два очка. Затем еще два очка было записано после игры с финнами, где наш герой пропустил четыре шайбы (8:4). А вот в третьем матче, против сборной Польши, наши тренеры поставили в ворота Виктора Криволапова. Он «размялся» на «отлично»,

пропустив всего две шайбы, причем обе влетели в его ворота в заключительном периоде, когда наши уже окончательно расслабились. Итог — 13:2.

Четвертый матч был принципиальный — с командой ЧССР, поэтому в наших воротах встал Третьяк. И сдал экзамен на «отлично», позволив чехословакам только дважды (в первом и последнем периодах) зажечь красный фонарь за своими воротами (5:2). А в следующей игре, против шведов, Третьяк пропустил всего лишь одну шайбу (4:1). Та же история случилась и в игре против сборной США, которую наши снова выиграли с крупным счетом — 13:1. А с финнами Третьяк пропустил две шайбы (5:2). После чего ему дали передышку перед матчем против сборной ЧССР. К тому же это была вторая игра против поляков, а это были «клиенты» Криволапова. И снова он не подкачал — «зевнул» лишь один раз (во втором периоде). Счет — 15:1 в нашу пользу.

Турнир на Приз газеты «Известия». 74–75 гг. Значок

17 апреля наши ребята играли против чехословаков, и Третьяк, в очередной раз опровергая мнение Н. Пучкова, проявил себя самым блестящим образом — пропустил лишь одну шайбу (во втором периоде). Наши победили 4:1. А два дня спустя, уже в ранге чемпионов мира и Европы, советская сборная играла свой заключительный матч турнира против сборной Швеции. Игра эта по сути уже ничего не решала (догнать нас никто не мог), поэтому наши ворота сначала защищал Третьяк, а в середине второго периода, когда счет уже был 8:1 в нашу пользу, на лед вышел Криволапов. И пропустил всего три шайбы (13:4). Так наши стали чемпионами. Они выиграли все 10 матчей, а Третьяк пропустил 18 шайб

(его сменщик Криволапов сыграл 3 матча и пропустил 5 шайб). Лучшим вратарем турнира был назван чехословак Иржи Холечек, а Третьяк вошел в символическую сборную мира. Однако тогда еще никто не подозревал, что впереди нас ждут тяжелые времена — два года поражений на мировых чемпионатах.

В заокеанском турне

В конце мая 1975 года закончился чемпионат СССР по хоккею. ЦСКА тогда сумел вернуть себе чемпионское звание. Третьяк сыграл 35 матчей и впервые пропустил больше 100 шайб — 104 шайбы. Его сменщик Николай Алдонин отстоял один матч целиком и несколько раз выходил на замену — пропустил 18 шайб.

После завершения чемпионата СССР хоккеисты уходили в долгожданные отпуска. О том как, а также с кем он их проводил, вспоминает сам В. Третьяк:

«Мы компанией — Харламов, Лутченко, Волчков... — уезжали на юга и неделю отрывались по полной программе. Но я оставался самым трезвым. Мне давали деньги, документы: был казначеем. Доверяли. Я никогда не доходил до степени опьянения, когда уже не помнят, что делают. Может, и поэтому ребята меня уважали, выбирали комсоргом, потом парторгом...

А в сборной я дружил со спартаковцами: Володей Шадриным и Сашей Якушевым. Почему с ними? Сам не знаю. Иногда на матчах чемпионата СССР сталкивались, и они мне: «Ты что, Владик?» Но на площадке нет друзей.

А в жизни мы дружили. Наверное, со своими армейцами из года в год одно и то же. А с ребятами из «Спартака» были какие-то отношения, интересы...»

В ноябре 1975 года в сборную СССР вернулся Александр Сидельников (вместо Виктора Криволапова) и отправился с Третьяком в Прагу, где наша команда провела две игры с чехословаками. В одном матче в воротах у нас стоял Третьяк (5:3 в нашу пользу), во втором — Сидельников (4:1). А в декабре в Москве прошел Приз «Известий», где наши ребята стали сильнейшими — выиграли все три матча. Третьяк стоял в двух играх: против финнов (6:2) и чехословаков (3:2). Сидельникова тренеры поставили лишь однажды — против шведов, и то сменили его на 51-й минуте, поскольку Александр «поплыл» и позволил противнику сравнять счет. Но

как только место в нашей «рамке» занял Третьяк, советская сборная почувствовала привычную уверенность и переломила ход матча — 5:3. Таким образом завершался для Третьяка 1975 год. Очень удачный для него во всех отношениях год. По его же словам:

«1975 год получился вовсе не плохим. Я мог считать свою спортивную программу выполненной на сто процентов. В Кремле мне вручили орден «Знак Почета». Спортивные журналисты снова, во второй раз подряд, назвали меня лучшим хоккеистом сезона в СССР. Мой сын Дмитрий уже научился всю орудовать клюшкой и теперь требовал, чтобы я с ним играл в хоккей. Мне по-прежнему приходили письма с почтовыми штемпелями разных городов мира. В этих письмах были поздравления с победами, напутствия, просьбы, но больше всего в них было вопросов о хоккее.

Случались и забавные эпизоды, связанные с моим именем. В Детройте, например, прошел слух, что будто бы я собираюсь подписать контракт с клубом «Ред уингс». Там действительно обнаружили человека, выдававшего себя за Третьяка и якобы говорившего с русским акцентом. Проверка показала, что фамилия этого самозванца Тарлифф и что к хоккею он имеет такое же отношение, как я к игре на арфе. Не знаю, что дальше стало с этим мошенником, но говорят, будто до своего разоблачения он сумел крупно заработать, эксплуатируя чужую фамилию.

Команда ЦСКА — победитель чемпионата СССР по хоккею 1975 г.

Другой похожий случай произошел в Бирмингеме. Там, как я слышал, некий «Третьяк» почти месяц жил в доме биржевого маклера, развлекая его историями о своих подвигах на льду.

Приходится только удивляться простодушию американцев, так легко позволяющих себя одурачивать...»

Между тем в самом конце декабря ЦСКА отправился в свое первое турне по Канаде и США (как и «Крылья Советов»), чтобы встретиться с клубами НХЛ (как мы помним, с любителями армейцы встречались год назад). Третьяк отправился в это турне в прекрасной физической форме. В ЦСКА даже по этому поводу шутили: дескать, он заново родился. На одной из тренировок произошел показательный случай. Разделившись на две команды, армейцы играли друг против друга. Одни ворота защищал Третьяк, другие — Алдонин. Так вот, команда Третьяка уверенно выигрывала. На что один из нападающих противоположной команды — Владимир Викулов — в сердцах заметил: «Конечно, у вас Третьяк стоит, а ему не забить». Услышав это, другой Владимир — Петров, заявил: «Дело не в Третьяке — играть надо лучше. Если хочешь, можем махнуться вратарями». Решили махнуться. И что же? После смены вратарей шайбы стали снова влетать в ворота Алдонина, а Третьяк стоял почти «насухо». Короче, он тогда был в очень хорошей спортивной форме.

Первый матч ЦСКА проводил в Нью-Йорке 28 декабря против «Нью-Йорк рейнджерс». Встретили их там неважно: долго не могли разместить в отеле, не торопились накормить ужином. Как будто специально накручивали перед матчем. И ведь «накрутили», но не в свою пользу. Выйдя на лед, разозленные армейцы начали, что называется, рвать и метать. Особенно старался молодой игрок Борис Александров, которого канадцы назвали лучшим игроком того матча. Третьяк тоже не подкачал — пропустил всего три шайбы. Счет — 7:3.

Вторая игра (31 декабря) была против «Монреаль канадиенс» — сильнейшего клуба НХЛ (на тот момент он 18 раз владел Кубком Стэнли). В отличие от «Рейнджерс», где играл постаревший Фил Эспозито, в «Канадиенс» делами заправлял молниеносный Ги Лефлер. Поэтому матч выдался на удивление интересным и упорным. В первом периоде Третьяк пропустил две шайбы, а наши не забили ни одной. Соотношение бросков по воротам — 10:4 в пользу канадцев.

Второй период армейцы начали в меньшинстве (был удален Жлуктов), и канадцы имели все шансы закрепить свой успех, забив третью шайбу. При

таком раскладе догнать их было бы весьма проблематично. Но здорово сыграла наша защита и Третьяк на последнем ее рубеже.

Короче, забить канадцам так и не удалось. А вскоре армейцы «размочили» счет: гол забил Борис Михайлов.

Но затем снова отличились канадцы, воспользовавшись тем, что у нас были удалены сразу два игрока — Солодухин и Гусев. Гол забил Курнуайе после мощнейшего щелчка. Третьяк этого броска не видел из-за свалки перед своими воротами. 3:1 в пользу канадцев. Но они радовались недолго. Вскоре Валерий Харламов забил гол-красавец! Он со сверхзвуковой скоростью проскочил между двумя защитниками, хладнокровно обыграл вратаря Драйдена и завершил свой потрясающий рейд точным броском. 3:2.

В третьем периоде канадцы нарастили темп, надеясь сломить сопротивление армейцев. Одна атака следовала за другой, но успеха хозяевам это не приносило. Зато наши сумели отличиться. Гол забил юркий и бесстрашный Борис Александров. Вот как об этом талантливом игроке пишет сам В. Третьяк:

«Канадцы считали открытием суперсерии Бориса Александрова. Ну, для нас-то он не был никаким открытием. Еще года два назад на тренировках Борис забивал мне больше шайб, чем даже Харламов. Он «леворукий» — к такому форварду нам, вратарям, очень трудно приспособиться. Кроме того, он, безусловно, одарен от природы и настойчив. На льду Александров непрерывно импровизировал, все время «гнул» свою хитроумную линию, а заметив малейшую щель в воротах, бросал без промаха. Этот хоккеист мог бы стать достойной заменой Валерию Харламову.

Мог бы... Но увы. Постоянные нарушения дисциплины помешали развиваться его таланту...»

Тот матч с «Монреаль канадиенс» завершился ничейным результатом — 3:3. Отметим, что канадцы просто перебросали армейцев: сделали 38 бросков против 13 наших. Но забить и те, и другие смогли поровну, что явно говорит в пользу нашего вратаря — Третьяка. Поэтому он и был назван в числе лучших игроков того знаменитого матча (такowymi также были названы и два канадца: Пит Маховлич и Иван Курнуайе).

На следующее утро наш герой прочитал в одной из местных газет следующее: «Скотти Боумен — тренер монреальцев — утверждает, что ни в одном матче этого сезона его команда не имела столько возможностей для бросков по воротам, как во встрече с ЦСКА. Он же говорит: «Любому другому вратарю пришлось бы вынимать из своей кожи осколки пропущенных шайб, как шrapнель. Любому другому, но только не Третьяку. Этот русский лейтенант украл у нас победу».

8 января 1976 года ЦСКА встречался с «Бостон брюинз» — еще одним именитым клубом НХЛ.

Накануне хоккеисты из Баффало («Баффало Сейбрз») разгромили московские «Крылья Советов» 12:6, поэтому бостонцы тоже были намерены не ударить в грязь лицом и поддержать почин своих земляков. В те дни вся Америка гадала — выйдет ли на лед легенда их хоккея Бобби Опп. У него было травмировано колено, однако он все эти дни исправно ходил на тренировки. Увы, но травма оказалась сильнее. В итоге этот замечательный хоккеист так ни разу и не вышел на лед в играх против советских хоккеистов: ни в 72-м году, ни в 74-м, ни в 76-м. Сам он в те январские дни 1976 года говорил следующее: «Тут говорят, что я просто испугался советских хоккеистов и, чтобы не уронить свой престиж, отказываюсь участвовать в матче. Но это неправда. Я долго мечтал об этой встрече. Кто же знал, что так получится!..»

Тренер «Монреаль канадиенс» Скотти Боумен:

«Любому другому вратарю пришлось бы вынимать из своей кожи осколки пропущенных шайб, как шrapнель. Любому другому, но не

Третьяку. Этот русский лейтенант украл у нас победу»

Матч начался с яростных атак хозяев поля. Однако великолепная игра нашей обороны и Третьяка не позволила бостонцам забить в первом периоде хотя бы одну шайбу, хотя бросков было предостаточно — целых 19. Впрочем, не смогли этого сделать и советские хоккеисты.

А вот начало второго периода осталось за хозяевами площадки: они открыли-таки счет. Причем помог им это сделать... сам Третьяк. Игрок «Бостона» Форбс бросил издали, и шайба, попав в край щитка, отскочила прямо в наши ворота. Стоило Третьяку чуть-чуть ослабить внимание, упустить из виду шайбу, и вот, пожалуйста, она уже трепыхается в сетке. Давно наш голкипер так не ошибался...

Однако эта шайба вдохновила не бостонцев, а армейцев. Именно они один за другим стали яростно атаковать ворота соперника. В итоге второй период закончился в нашу пользу — 3:2. А в последнем мы забили две безответные шайбы. Итог — 5:2. Сотворить то, что сделал «Баффало» с «Крыльями», бостонцам не удалось — сами оказались биты.

Последнюю игру ЦСКА играл 11 января в Филадельфии против «Филадельфии флайерс». Однако матч был испорчен безобразным поведением хозяев.

Вот как об этом вспоминает В. Третьяк:

«Увы, последний матч испортил наше хорошее настроение.

Я думаю, хозяева льда все отрепетировали заранее. Еще на приеме, за два дня до игры, они дали нам понять, что не намерены церемониться с советскими хоккеистами. Обладатели Кубка Стэнли продемонстрировали свое если не враждебное, то откровенно недружественное отношение. Никто не подошел к нам, не поздоровался. Даже местных журналистов покорило такое явное негостеприимство.

Что было дальше, даже вспоминать не хочется. Хоккея не получилось. Игру «Филадельфии флайерс» нельзя считать чистой, а победу — заслуженной.

Кстати, примерно таким же образом высказались после этого матча и многие заокеанские хоккейные авторитеты. Например, Бобби Халл сказал, что он возмущен игрой филадельфийцев.

— Ключики даны нам не для того, чтобы устраивать побоища, а чтобы доставлять зрителям удовольствие игрой, — справедливо заметил Халл.

Газета «Нью-Йорк таймс» назвала встречу «триумфом террора над стилем». А ведь эту газету никак не заподозришь в симпатиях к русским!

И только тренер «Филадельфии флайерс» Фред Шеро, когда-то приезжавший в Москву учиться хоккейной методике, изо всех сил старался

представить дело так, будто победа досталась его питомцам вполне заслуженно. В его рассуждениях абсолютно отсутствовала объективность. «Игроки команды «Филадельфия флайерс», — писал он, — это не банда головорезов. Мы — лучшая хоккейная команда мира. Нас критиковали... за то, что мы самая лучшая команда... Просто у нас больше храбрости, чем у любой другой команды».

Такой откровенно хвастливый монолог Ф. Шеро произнес не в какой-нибудь теплой компании. В таком тоне выдержана вся его статья, напечатанная в то время в одной из крупнейших американских газет. В ней есть и еще масса забавных строк.

«Мы мастерски провели матч с русскими. Он показал, из какого материала сделаны наши игроки. Мне эта игра принесла большее удовлетворение, чем выигрыш Кубка Стэнли...»

В последние несколько недель я разъяснял игрокам, как следует играть с русскими, основой была выдержка... Наша выдержка была вознаграждена, и я думаю, это сбilo русских с толку. Именно потому, мне кажется, они покинули поле в первом периоде...»

Ну уж нет, увольте, мистер Шеро. Что же такое в вашем понимании выдержка? Удары исподтишка, пинки, подножки, грубые столкновения? Вы пишете, что «русские были в полном смятении», потому что филадельфийцы играли «дисциплинированно и очень терпеливо». Да, мы действительно не понимали того, что происходит. Но совсем по другой причине. Просто раньше никто из нас не знал, что кучка головорезов, надев коньки, на глазах тысяч зрителей безнаказанно может охотиться за хоккеистами.

Когда тренеры в первом периоде увели нашу команду с катка, не считая возможным продолжать матч в таких условиях, мы были уверены, что больше не выйдем на лед. Ни один хоккеист из ЦСКА не хотел играть с филадельфийцами. Каждого из нас могли ударить сзади, подцепить клюшкой, пнуть коньком — ну какой же это спорт? Это ничего общего не имеет со спортом.

Не забывайте еще и о том, что меньше чем через месяц после Филадельфии нам предстояло участвовать в олимпийском турнире. Тренеры строго-настрого запретили игрокам ввязываться в стычки. Мы должны были вернуться домой в полном здравии, а не покалеченными.

Только после долгих заверений хозяев в том, что игра будет продолжаться в рамках правил, наша команда вернулась на площадку. Вернулась без всякого настроения. У нас словно все погасло внутри, мы не

играли, а доигрывали. Филадельфийцы добились своей цели (выиграли со счетом 4:1 . — *Ф.Р.*), но разве можно их победу считать справедливой?..»

Травмированный Вячеслав Анисин. Чемпионат мира в ФРГ. 1975 г.

Итак, и ту Суперсерию советские хоккеисты выиграли. ЦСКА одержал победу в двух матчах, одну игру свел к ничьей и одну проиграл. Третьяк пропустил 12 шайб (наши забили канадцам 16). Выиграли свою серию и «Крылья Советов»: три победы и одно поражение. Второй вратарь сборной Александр Сидельников (основной вратарь в «Крылышках») пропустил 19 шайб («Крылышки» забили столько же).

Вторая Олимпиада — второе «золото»

В феврале 1976 года состоялись зимние Олимпийские игры в Инсбруке (Австрия). Вторые игры в судьбе Третьяка, который отправился на них в качестве основного голкипера. Запасным вратарем взяли все того же Александра Сидельникова из «Крыльев Советов», которого поставили в ворота в первой же игре — со сборной Австрии. Наши их раскатали «под орех» со счетом 16:3. В следующей игре — против сборной США — место в воротах занял уже Третьяк (6:3). А Сидельников вышел в третьей — против поляков (16:1). На этом его выступление на той Олимпиаде закончилось: в трех оставшихся играх «рамку» защищал Третьяк, причем очень здорово. От сборной ФРГ он пропустил 3 шайбы (7:3), от Финляндии — 2 (7:2). А в историческом матче против сборной ЧССР... Впрочем, расскажем о нем более подробно.

Этот матч до сих пор стоит у меня перед глазами. В феврале 1976 года мне исполнилось 14 лет, но я уже несколько лет был хоккейным фанатом и сам играл в хоккей на первенство Москвы за команду Бауманского района Москвы. Все матчи нашей сборной я смотрел, невзирая ни на какие препоны в любое время дня и ночи. Вот и ту легендарную встречу тоже. И запомнил ее на всю жизнь, поскольку в ней был такой драматизм, такая интрига, какие бывают у редких спортивных событий. Впрочем, так считаю не только я. Для чего и предлагаю послушать разговор Третьяка и спортивного журналиста Леонида Трахтенберга, где они вспоминают тот самый матч СССР — ЧССР на Олимпиаде-76 в Инсбруке.

«В. Третьяк: — А ведь перед матчем — об этом, кстати, до сих пор никто не знает — соперники подходили к нам и слезно умоляли: мы устали, у нас семь человек заболели гриппом, пожалуйста, не забивайте нам много. «Да не слушайте вы их — они вас просто-напросто расслабляют!» — не уставал повторять старший тренер сборной Борис Павлович Кулагин. Но, видимо, пропаганда, которую вели в преддверии решающего матча чехословацкие хоккеисты, все-таки на нас подействовала. Мы предполагали,

что «забюллетенившие» соперники, образно говоря, будут ползать по льду. А они вышли и с первой секунды сражались за победу, как львы.

Л. Трахтенберг: — Но ведь и нам нужна была одна победа. Одна на всех. Во Дворец «Тиволи» пришли многие из наших олимпийцев. В первом ряду за скамейкой запасных сидели Ирина Роднина и Александр Зайцев. На балконе, за воротами, рядом с фотокорреспондентами стояли лыжники и биатлонисты. «Мы понимаем, — сказал биатлонист Николай Круглов, — без этой золотой медали победа наша будет неполной». И он показал на лед.

В. Т.: — Хоккеисты первыми начинают борьбу за награды на Белых Олимпиадах и последними ее завершают. Наш успех или неудача, конечно же, всегда влияли на впечатления от выступления всех советских спортсменов. И если даже в общекомандном зачете кто-то оказывался впереди, но хоккеисты становились первыми — страна ликовала и гордилась. Мы понимали это, и нам как никому нужна была поддержка фигуристов, лыжников, конькобежцев, биатлонистов, прыгунов с трамплина... Проиграть — значит, подвести их. Ведь мы — одна команда. И когда видишь на трибунах счастливые лица ребят и девчонок, уже завоевавших золото, стыдно ударить лицом в грязь. К тому же они болели за нас, как за себя, и это придавало сил в переломные моменты.

Инсбрук был дважды столицей зимних Олимпийских игр (1964 и 1976 гг.)

Л. Т.: — Нет. Невозможно это передать на бумаге. Или надо после каждого слова ставить восклицательный знак, чтобы вы, хоть на миг, испытали частицу того напряжения, в котором хоккеисты держали зал все шестьдесят минут. На последней тренировке чехословацкой сборной нападающий Иван Глинка сказал мне: «Жаль, что я не видел ваших матчей с клубами НХЛ. Но я читал: вы здорово сыграли. Особенно Третьяк. Это правда?»

В. Т.: — В истории хоккея есть две великие вехи. Первый матч нашей сборной с легендами НХЛ 1 сентября 1972 года и матч «Монреаль Канадиенс» и ЦСКА 31 декабря 1975 года. Это были мои звездные часы. Как, впрочем, и у моих партнеров. Кстати, если с «Монреалем» мы сыграли

вничью — 3:3, то 9 января обыграли «Бостон» — 5:2. Бобби Orr, помню, вышел на разминку, отмерил несколько кругов, а затем беспомощно развел руками и покинул лед: давало о себе знать больное колено. В том турне ЦСКА разгромил еще «Рейнджерс» — 7:3. Да и «Крылья Советов», усиленные спартаковской пятеркой Шадрина, как и мы, наделали за океаном много шума, отозвавшегося гулким эхом в Европе. И хоккеисты Чехословакии лучше других сознавали, что в Инсбруке главным претендентом на медали будет сборная СССР. Но дарить их нам вовсе не собирались.

Л. Т.: — 16-я минута. Глинка — 2:0. Что с нами происходит? Михайлов опускается на лед, набирает снега в ладони и прикладывает к лицу — шайба задела. Кулагин вроде бы спокоен, только пальцами впился в борт, не оторвешь. Локтев что-то говорит ребятам, руками показывает, кто и где ошибся. Юрзинов почти без остановки пишет в общую тетрадь. Что с нами происходит? Мальцева ставят в первую тройку вместо Петрова. А зал восторгается: «Хо-ле-чек!» Капустин бросает с острого угла, а он отбивает. А на 27-й минуте двое дебютантов Жлуктов и Бабинов уехали на скамейку штрафников. На льду остались три полевых игрока: Ляпкин, Цыганков, Шадрин, и счет 2:0 не в нашу пользу.

В. Т.: — Кулагин оставил на льду тех, кто лучше всех играет в защите. Он знал, что они самоотверженные, цепкие, хладнокровные. Он верил, что они выстоят. Хотя любая тактика обречена на провал, если у соперника на два игрока больше. Это в теории. А на практике порой получается иначе. Ведь умение обороняться — это такое же искусство, как забивать. К слову, далеко не все снайперы владеют этим искусством. Но как бы то ни было, а тогда на льду «Тиволи» я пережил две, быть может, самые страшные минуты в моей карьере. От одной мысли, что будет, если пропустим третью шайбу, у меня в горле пересохло. В этом случае точно не отыгрались бы.

Л. Т.: — Но за две минуты чехословацкие хоккеисты не смогли зажечь на табло ничего нового. Наши выстояли, выдержали. А теперь надо самим идти вперед. 33-я минута. В атаке вторая пятерка. Ляпкин бросает, Шалимов добивает, Холечек бросается под шайбу, и Шадрин открывает счет. Наш счет. 1:2 — это все-таки полегче. Когда мы проигрывали 0:2, советские туристы подняли над трибунами плакат: «Верим! Ждем победы!» Теперь они достали другой: «Еще шайбу!» Петров выполнил их просьбу. В страшной суете среди коньков, перчаток, клюшек он нашел шайбу и воткнул ее в угол. Как шар в лузу.

В. Т.: — Холечек был отличный вратарь. Но я видел из противоположных ворот, как ему забивали. Да, при счете 2:2 дыхание стало ровнее. И игровое преимущество стало нашим. Но я ни на секунду не

расслаблялся. Вратарю в этом плане тяжелее, чем всем остальным. У них есть минута, чтобы перевести дух на скамейке. А мне приходилось быть предельно собранным и сконцентрированным на игре все три 20-минутки. К тому же я, как и ребята, понял, что уговоры и просьбы «чехов» не громить их в заключительном матче — своеобразный трюк, который должен был ослабить наш эмоциональный порыв. Зато перед третьим периодом у нас был уже такой настрой, что, казалось, ни одна команда не в состоянии сдержать атакующий натиск любого из наших звеньев.

Л. Т.: — Третий период мы опять начали в меньшинстве. Теперь чехословацкие хоккеисты не играли от обороны и не выстраивались на линии у входа в свою зону. Были моменты, когда в атаке они забывали о защите. Но нам не везло: шайба Якушева попала в штангу, шайба Мальцева — во вратаря. Нет, везение в тот вечер было на стороне соперников. Поэтому шайба Новака попала в защитника, рикошетом отлетела к воротам и упала за спиной Третьяка. Шесть минут до сирены. Никого не осталось на чужой скамейке — все побежали на лед обнимать Новака.

После матча Николай Круглов скажет: «Почему мы чемпионы? Потому что мы выигрываем тогда, когда уже никто не может выиграть. Когда победа нереальна».

В. Т.: — У нас была первоклассная дружная команда. И у нее были свои лидеры. Они могли не настроиться на матч с австрийцами или японцами, но в принципиальных матчах с командами НХЛ, с ведущими сборными на чемпионатах мира и Олимпиадах вожаки делали свое дело, спасая команду в самые тяжелые минуты. Это под силу далеко не всем. Это под силу только великим спортсменам.

Л. Т.: — И Якушев забрасывает третью шайбу. Теперь уже наша команда в полном составе обнималась на льду. Тут же Харламов забил красивый четвертый победный гол. Потом он рассказывал: «Первый раз в жизни боялся не попасть в пустые ворота. Кинул верхом, и мне показалось, что шайба пойдет выше — никогда бы себе не простил. А она влетела под штангу».

В. Т.: — В таких матчах рано или поздно наступают точки кипения. В той незабываемой игре точка кипения пришлось на последние минуты. И я не удивляюсь, что такой выдающийся хоккеист, как Харламов, занервничал, завладев шайбой перед воротами, в которых не было вратаря. Занервничаешь, когда судьба команды в твоих руках. В аналогичной ситуации на Олимпиаде в Саппоро-72 затряслись руки, по его собственному признанию, даже у нашего самого стойкого бойца Жени Мишакова. А теперь представьте себе, каково мне в воротах. Что суждено испытать вратарю, который под занавес может пропустить шайбу — и золотые медали

уплывут к соперникам! Если один нападающий не забьет, его оплошность может исправить другой. Меня выручать некому.

Советская сборная по хоккею — чемпион зимних Олимпийских игр. 1976 г.

Л. Т.: — 4:3. Осталось три минуты до Олимпа. Три минуты до вершины, на которую поднимались четыре года. Все? Михайлов барабанил клюшкой по бортику. Этот стук заглушил сирену. Третьяк сорвал маску. Все. Победа! Когда президент МОК Лорд Килланин вручал им золотые медали, они наклонялись, чтобы ему помочь. И зрители видели плечи красных свитеров, почерневших от пота. Бесконечные усталые плечи победителей.

В. Т.: — После матча, когда мы вернулись в олимпийскую деревню, Сергей Павлов, председатель спорткомитета, собрал нас и торжественно произнес: «Вы все герои, вы все сделали невозможное. И по этому случаю прошу каждому налить по стакану водки!» Я, человек в общем-то непьющий, залпом осушил бокал, дабы снять напряжение. И у меня глаза полезли на лоб! Признаться, никогда ни до, ни после я такими дозами не баловался...»

Итак, на той Олимпиаде Третьяк пропустил 11 шайб в четырех матчах, Сидельников — 4 шайбы в двух матчах.

Провал после триумфа, или Польский позор

23 марта 1976 года завершился чемпионат Советского Союза по хоккею. Впервые после семилетнего перерыва (1969) чемпионом стала моя любимая команда — московский «Спартак» под руководством Николая Карпова. Вот я радовался: ходил по школьным коридорам и кричал речевку: «В Союзе нет еще пока команды лучше «Спартака». ЦСКА был вторым. Третьяк отстоял в 33 матчах и пропустил 100 шайб (в играх против «Спартака» он пропустил тогда 19 шайб). Его сменщик Николай Алдонин целиком отстоял 3 матча (и несколько раз выходил на замену) и пропустил 16 шайб.

А 8 апреля в Катовице (Польша) начался очередной чемпионат мира и Европы, где советская сборная вступила в полосу поражений. А началось все в день открытия турнира, когда наши ребята неожиданно проиграли хозяевам турнира полякам со счетом 4:6. Причем, как и раньше, в воротах против этой сборной с первых же минут стоял второй вратарь — Сидельников. Но уже в начале второго периода, когда счет был 3:0 в пользу поляков, Сидельникова сменил Третьяк. Но это не помогло — наша сборная была не похожа на саму себя. Говорю это как очевидец — я был в шоке от того, как играла наша некогда непобедимая команда, у которой почти ничего не получалось. А польские хоккеисты творили настоящие чудеса (в том числе и их вратарь Анджей Ткач). Послушаем рассказ В. Третьяка:

«Со скамьи запасных мне хорошо видны все ошибки моих товарищей. Защитники стоят на месте. Нападающие вяло перебрасывают шайбу. В действиях команды нет ни свежести, ни задора. Ужас...

Когда очередная шайба влетела в наши ворота, тренеры заменили Сидельникова. В ворота встал я. Поздно. Мы уже проиграли.

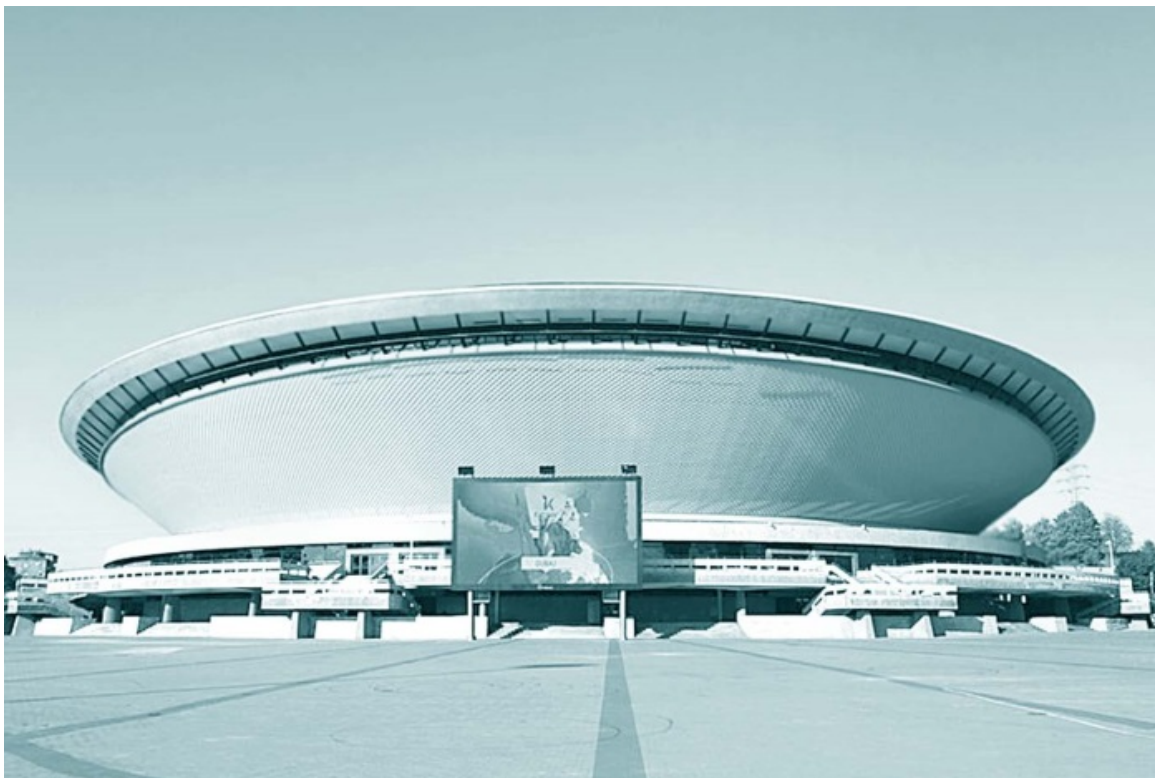
Еще ни на одном первенстве наша сборная не дарила очки командам, которые бы не считались ее основными соперниками в борьбе за первое место. И вот...

Хозяева не просто умело, а я бы сказал — замечательно построили свою игру на контратаках. Они провели в наступлении не более восьми минут из шестидесяти. Преимуществом, причем подавляющим, владели мы, а шайбы забивали наши соперники. Что это было?...

— Это была сенсация, — сказал на пресс-конференции после матча старший тренер польской команды Йозеф Курек. — Только на последних минутах встречи, когда счет стал 6:4 и арбитр наказал соперников малым штрафом, я почувствовал, что мы, кажется, победили. Накануне я призывал ребят думать только об обороне, чтобы не пропустить ни одной «лишней» шайбы. Но мои парни не только уверенно оборонялись, но и были удачливы в атаке.

Не знаю, какую оценку поставил после игры своему вратарю польский тренер, но 30-летний Анджей Ткач, безусловно, был главным героем в тот вечер. Отлично провел свой первый ответственный международный матч и 22-летний дебютант сборной Польши Веслав Иобчик, забивший три гола в наши ворота...»

Это поражение стало предвестником последующих — от сборных ЧССР (2:3) и Швеции (3:4). Как итог — советская сборная заняла 2-е место, пропустив вперед себя чехословаков. Лучшим вратарем турнира стал их же вратарь Иржи Холечек (он вошел и в символическую сборную мира). Что касается наших вратарей, то их статистические показатели выглядели так: Третьяк — 10 игр, 19 пропущенных шайб, Сидельников — 1 игра, 4 пропущенные шайбы.

«Сподек» — спортивный комплекс в Катовице (Польша). В апреле 1976 года в «Сподеке» случилась одна из самых громких сенсаций в истории игровых видов спорта.

В матче 43-го чемпионата мира по хоккею с шайбой сборная СССР проиграла команде Польши со счётом 4:6

И вновь послушаем мнение В. Третьяка: «Анализируя причины этой огорчительной неудачи, я пришел к следующему выводу: сборная в том виде, в каком она прибыла на чемпионат, не могла рассчитывать на успешное выступление. Все логично. Тренеры сделали основной акцент на подготовке к зимней Олимпиаде-76. Борьба в Инсбруке отняла у всех нас слишком много сил. Мы стали олимпийскими чемпионами, но какой ценой! Ребята были измотаны и морально, и физически. Многие вернулись из Австрии с тяжелыми травмами. Уже в Катовицах, едва начался турнир, сборная получила еще ряд серьезных «пробоин»: из-за травм команда потеряла Шалимова и Мальцева. Кроме того, в ее составе не было Петрова (его не взяли из-за строптивного характера . — *Ф.Р.*). Мне кажется, в Катовице следовало взять молодежный состав: братьев Голиковых, Балдериса (Александр Голиков и Хельмут Балдерис в Катовице выступали . — *Ф.Р.*), перспективных защитников... Игроков, которые год спустя все равно вошли в состав сборной. Не хочу сказать, что молодежь обязательно

победила бы в Польше, но, наверное, она сыграла бы не хуже. А проверку прошла бы — лучше не придумаешь...»

Кубок Канады: поражение сборной и победа Третьяка

После этого провального чемпионата мира наши хоккеисты были отпущены в отпуска. Наш герой вместе с женой проводил его в Крыму. А в июле его вызвали в Комитет по физической культуре и спорту и объявили: «Готовься, возможно, в сентябре поедешь за океан, на Кубок Канады».

Услышав это, Третьяк испытал двойственное чувство. С одной стороны, ему снова хотелось сразиться с профессионалами — этими искушенными мастерами хоккея. Но с другой стороны, были и некоторые сомнения. И главное — тот состав сборной, который определили для поездки в Канаду, — в ней не было ведущих игроков. Например, Валерий Харламов выбыл по причине травм, которые он получил в мае в автокатастрофе. Однако в эту сборную не взяли и коллег Харламова по звену — Бориса Михайлова и Владимира Петрова. Кроме них, в команду не попали Александр Якушев и Владимир Шадрин — лидеры «Спартака» и сборной. Не было в ней и защитника ЦСКА Геннадия Цыганкова. Впрочем, все это объяснялось просто. Старший тренер сборной Борис Кулагин решил взять тайм-аут, поэтому к руководству сборной временно привлекли новых тренеров — Виктора Тихонова («Динамо», Рига), Бориса Майорова (в 1974–1976 он возглавлял финскую команду «Йокерит») и Роберта Черенкова («Кристалл», Саратов), которые решили привезти на Кубок Канады экспериментальную команду, где можно было бы посмотреть в деле перспективную молодежь. Среди последних были: З. Билялетдинов, В. Крикунов, А. Куликов, В. Кузнецов, В. Ковин, А. Скворцов, В. Белоусов, В. Репнев. При этом в Спорткомитете, напутствуя команду, заявили: «Ваша задача — войти в тройку призеров». А ведь раньше всегда нацеливали исключительно на победу, на первое место. В этот раз, видимо, понимали, что стать первыми вряд ли удастся.

Поскольку канадцы боялись советской сборной в любом виде — хоть экспериментальную, хоть настоящую, — они заранее позаботились о том,

чтобы усложнить ей жизнь на турнире. И в первой же игре свели ее с одним из фаворитов турнира — сборной ЧССР (3 сентября). И уже в первом же периоде Третьяк пропустил в свои ворота две безответные шайбы. В итоге наши тот матч проиграли со счетом 3:5.

Потом была игра со шведами. И снова в первом периоде Третьяк пропустил две безответные шайбы. История повторилась. Однако в дальнейшем нашим хоккеистам удалось взять себя в руки и практически до последних минут вести в счете — 3:2. Но удержать победу так и не сумели. Что же случилось? Сергей Капустин передал шайбу прямо на клюшку шведу из профессионального клуба «Торонто Мейпл Лифс» Б. Сальмингу, защитник Александр Куликов в это время замешкался, а другой шведский профессионал, Хедберг, получив пас, вышел с Третьяком один на один и лишил нашу сборную победы.

Как вспоминает В. Третьяк: «Канадский арбитр Лагасс чересчур строго отнесся к нашей команде. Дважды полевые игроки оставались втроем. У меня создалось такое впечатление, что арбитр явно хотел оказать влияние на исход матча. Ведь что такое остаться на площадке втроем? Никакой тактики игры «трое против пяти» не существует. Оставить хоккеистов втроем — значит, по существу, наказать их голом.

Владислав Третьяк с женой Татьяной и дочкой Дашей

Досаду после матча слегка скрасил приз, который мне, как лучшему игроку встречи, вручил Жак Плант. Он назвал меня первым вратарем в мире. Конечно, такая высокая оценка из уст легендарного Планта была очень лестной, но, право, было бы куда приятней услышать похвалу, адресованную всей команде...»

Только в третьей игре, с финнами, нашим ребятам удалось, наконец, победить — 11:3. В воротах у нас снова стоял Третьяк.

Потом был матч с американцами и еще одна победа. В этом матче наш герой отстоял «насухо» — 5:0. А 11 сентября состоялся решающий матч СССР — Канада. И снова дебютанты нашей команды не смогли справиться со своими нервами. Они, конечно, старались, но волнение будто опутывало их по рукам и ногам. Счет на 8-й минуте открыл канадец Перро, затем Викулов провел ответную шайбу. Перед самым перерывом Халл снова вывел своих вперед. 2:1 в пользу канадцев после первого периода.

Во втором периоде канадцы увеличили разрыв — это сделал Барбер. Как наши ни старались, но изменить этот счет им так и не удалось. В итоге

поражение — 1:3. Виноваты в этом были сами игроки сборной СССР. Взяв в начале игры быстрый темп, потом перешли на медленную, тягучую игру, что оказалось на руку хозяевам турнира. В итоге тот первый Кубок Канады завоевали канадцы, одолевшие в финале и сборную ЧССР.

Что касается Третьяка, то он провел на турнире пять матчей и пропустил 14 шайб.

Горечь от поражения нашему вратарю подсластила победа в так называемом шоу-даун, которое проходило в Канаде в те же самые дни. Что такое шоу-даун? Это своеобразное состязание голкиперов и форвардов, которое проводится канадским телевидением в США каждый год. В нем участвуют лучшие игроки профессиональных клубов. А в 1976 году в нем приняли участие и европейские вратари, которые приехали на Кубок Канады. Все они собрались в небольшом поселке близ Торонто: восемь вратарей и шестнадцать полевых игроков. Вратари: Вашон, Бушар, Реш и Стивенсон (Канада); Холечек (ЧССР), Леппинен (Финляндия), Эстрем (Швеция), Третьяк (СССР). Среди полевых игроков были такие звезды профессионального хоккея, как Кларк, Лярош, Жильбер, Лефлер (он последние два сезона забивал в НХЛ больше всех шайб), а также сильнейшие форварды-любители. Из советских хоккеистов, кроме меня, в Торонто приехали динамовец Александр Мальцев и спартаковец Виктор Шалимов.

Согласно жребию, Третьяку пришлось противостоять Лярошу из «Питсбург Пингвинз» (чуть позже он перейдет в «Монреаль Канадиенс») и Потвину из «Нью-Йорк Айлендерс». Причем последний, вытянув бумажку с фамилией Третьяка, бросил ее потом на пол — так был недоволен тем, что ему достался столь сильный противник. Впрочем, не везло и самому Третьяку, который вытянул бумажку, где значилось время 8.30 утра — то есть именно ему предстояло открывать турнир. Далее послушаем его собственный рассказ:

«Сначала полевые игроки состязались в искусстве обводки, быстроте действий и точности броска. По условиям турнира форвардам предстояло выполнить ряд очень тяжелых упражнений, требующих безупречного владения клюшкой, снайперской меткости... Редко кому удавалось сделать все, как надо. Судьи учитывали даже скорость полета брошенной по воротам шайбы: ее измеряли специальным радаром.

Затем наступил черед вратарей. Первым мои ворота атаковал Потвин. Волнение, как обычно, улетучилось, едва я занял свое место на льду. Судья дал свисток. Потвин изо всех сил понесся на меня, а я, в свою очередь, выскочил метра на четыре вперед, навстречу канадцу. Тот, видно испугавшись, раньше времени бросил шайбу, и она попала прямо мне в

ловушку. Все три попытки кончались одинаково: шайбы я брал. Лярош был более удачлив: две шайбы из трех он сумел забросить в мои ворота. Сначала он сделал сильнейший бросок издали, при этом у канадца сломалась клюшка, что сбilo меня с толку. Пока я выискивал глазами шайбу среди обломков клюшки, она медленно заползла в ворота. Таким образом, счет стал 4:2 в мою пользу. А хорошо это или плохо, я не знаю. Ведь никто из других вратарей еще не выходил на лед. Радоваться мне или огорчаться?

Переодевшись, я пошел наверх. Там из-за стеклянной перегородки был виден каток и все происходящее на нем. Я взял кофе, устроился в кресле и стал ждать, что будет дальше.

На лед вышел Холчек. Он был бледен, очень волновался. Сначала чехословацкий вратарь пропустил три шайбы, потом еще две. Итого — пять. Мне стало ясно, что последним я уже не буду. Затем наступила очередь шведского вратаря Эстрема. Ему забили три из шести. Эстрему, пожалуй, не повезло больше других: по его воротам бросали очень сильные снайперы — Кларк и Жильбер. Финн Леппинен тоже пропустил три из шести. Ему предстояла переигровка с Эстремом. Швед оказался более удачлив и вышел в полуфинал.

Мы пообедали, а затем опять была жеребьевка. Я вытащил бумажку с именем Ситтлер. Ого, думаю, ничего себе! Ситтлер только что Холчеку три из трех забил. Этот форвард из «Торонто мейпл лифс» очень силен. (Кстати, чуть позже он подтвердил свою высокую репутацию в матчах Кубка Канады.) А меня «вытащил» Грант, капитан «Детройта», победитель двух последних «шоу-даун».

Но зато теперь я уже знал, что не так страшен черт, как его малюют. Все шайбы, брошенные Ситтлером, я взял. 3:0 в мою пользу. Грант забил только один гол. Значит, окончательный счет 5:1. Чтобы попусту не тратить нервную энергию, уйду в раздевалку ждать итогов соревнований Эстрема против Ляроша и Кларка. И вот дверь открывается, входит Эстрем. Вижу, радостный. Неужели он взял все шесть шайб и обошел меня? Эстрем подходит ко мне. «Сколько?» — спрашиваю я. «Три», — показывает он на пальцах. Три из шести? Все бросились меня поздравлять: я вышел в финал. Из европейских форвардов финалистом стал чех Глинка. У канадцев в финал вышли вратарь Стивенсон и нападающий Грант.

1975 год. «Поющие клюшки».

С «клюшками» (гитарами): Владимир Лутченко, Владислав Третьяк и Валерий Харламов

В финале первым в ворота встал Стивенсон. Глинка забил ему две шайбы, Грант — одну. Меня это почему-то окончательно успокоило. Я вышел на лед и подумал: «А ведь тебе ничто не мешает установить рекорд: шесть из шести. Вперед!» И действительно, все шесть попыток окончились моей победой. Я завоевал первый приз среди вратарей, Иван Глинка — среди нападающих. Так закончилось это необыкновенное соревнование...» И еще одно радостное событие случилось с Третьяком после Кубка Канады-76. Как лучшему вратарю организаторы турнира подарили ему... двухместный автомобиль «Тойота» желтого цвета. Причем об этом призе наш герой узнал, сидя у телевизора. Он чуть с кресла не упал, услышав эту приятную новость. Правда, вышла небольшая накладка. Когда автомобиль прислали в СССР, его обложили пошлиной в 8 тысяч рублей. Солидные деньги по тем временам, которых у Третьяка не было. Тогда Министерство внешней торговли СССР пошло ему навстречу: разрешило взять «Тойоту» беспошлинно с условием, что он пять лет не будет ее продавать. Однако Третьяк выдержит только два года. В 1978 году, продав «Тойоту», он с женой купит дачу.

Дважды отец и... Венский позор

В декабре 1976 года в Москве проходили игры на Приз газеты «Известия». В воротах сборной СССР стояли Третьяк (три игры) и Сидельников (одна игра). Наш герой пропустил 8 шайб (больше всего шайб — четыре — влетело в его ворота в игре против канадского клуба из ВХА «Виннипег Джетс»), Сидельников — 3 (в игре против финнов, где мы победили 8:3). Тот турнир наши ребята выиграли, как и год назад.

Но это было не последнее радостное событие того декабря 1976 года. Именно тогда он во второй раз стал отцом — у них с Татьяной родилась дочь Ирина (как мы помним, сын Дмитрий появился на свет три года назад).

19 марта 1977 года завершился чемпионат СССР по хоккею. ЦСКА сумел вернуть себе чемпионский титул, отобрав его у «Спартака» (тот выступил весьма неудачно, откатившись на 6-е место). Третьяк сыграл в 35 матчах и пропустил 98 шайб. Его сменщик Николай Алдонин сыграл один матч целиком и несколько раз выходил на замену. Пропустил 15 шайб.

А в апреле Третьяк в составе сборной отправился на чемпионат мира и Европы в Вену (Австрия), но там добиться золотых медалей уже не удалось: второй год подряд советская команда их упустила, причем на этот раз их ожидало позорное 3-е место. Хотя начиналось все более чем прекрасно.

В первом же матче, против сборной ФРГ, Третьяк отстоял «насухо» — 10:0. Во втором матче, против финнов, Третьяк отстоял почти два периода и снова «насухо» — его заменили Сидельниковым на 51-й минуте при счете 8:0 в нашу пользу. Итог матча — 11:6.

В третьем матче нашим ребятам противостояли канадцы. В воротах у нас весь матч отстоял Третьяк и пропустил всего лишь одну шайбу (11:1). А вот в следующем матче, против сборной Румынии, наши ворота всю игру защищал Сидельников. И пропустил всего лишь одну шайбу в последнем периоде. Наши выиграли с разгромным счетом — 18:1.

28 апреля сборная СССР встречалась с командой ЧССР. Вспоминает В. Третьяк:

«Вот когда я почувствовал себя не в своей тарелке. Да и все остальные тоже. Слишком памятливы были поражения, которые мы потерпели от команды ЧССР на минувшем чемпионате мира в Катовицах и в турнире на Кубок Канады... Тренеры тщетно пытались снять напряжение:

— Успокойся, успокойся, Владик. Все будет хорошо.

— Я спокоен, — отвечал я не столько им, сколько самому себе. — Да, я спокоен.

Но вот мы вышли на лед. Пожалуй, соперники нервничали еще больше. Вратаря сборной ЧССР Холечека окружила вся команда — что-то говорят ему, хлопают по щиткам клюшками. На первой же секунде сильный бросок по моим воротам сделал Эберман. Я отбил.

Затем с глазу на глаз со мной вышел Бубла, он бросил, я подставил клюшку и сразу грудью упал на шайбу. Момент был напряженный. Много зависело от того, кто откроет счет. К счастью, это удалось нам. На 6-й минуте Капустин стремительно прошел вдоль борта за ворота Холечека, затем выдал пас назад, и Жлуктов с ходу забросил шайбу в ворота. Вскоре Мартинец, когда чехи играли в большинстве, швырнул шайбу издалека. Я был закрыт игроками и не среагировал на бросок. Счет сравнялся — 1:1.

ЧМ по хоккею в Вене (1977). Матч сборных СССР — ЧССР. Фото из журнала «Стадион» № 22, 1977 г.

В. Третьяк: «На первой же секунде сильный бросок по моим воротам сделал Эберман. Я отбил.

Затем с глазу на глаз со мной вышел Бубла, он бросил, я подставил клюшку и сразу грудью упал на шайбу»

На второй период мы вышли с совсем другим настроением: мы чувствовали, что сильнее соперников, что можем убедительно выиграть. Так и случилось. Капустин (дважды), Михайлов и Бабинов довели счет до 5:1, а в третьем периоде Якушев поставил точку — 6:1.

После игры ко мне подошел чехословацкий игрок Новак.

— Все правильно, — сказал он, — Вы сильнее, вы будете чемпионами.

— Посмотрим, — уклончиво ответил я. Когда мы шли в душ, Эберман, явно опечаленный неудачей, сказал:

— Ну что ж, мы чуть не выиграли Кубок Канады, а вы выиграете звание чемпионов мира. Так будет, вот увидишь...

— Ты, наверное, шутишь, — перебил я его. — Вся борьба на чемпионате еще впереди.

Я действительно думал так, как говорил. Но этого отнюдь не скажешь о некоторых других наших хоккеистах и тренерах. Они, кажется, поверили в то, что «золото» нам уже обеспечено. Слишком рано поверили... Смелые интервью журналистам, преждевременные выступления перед болельщиками, которые приехали в Вену, самоуверенность — все это было совершенно не в стиле нашей команды. Возможно, это и подвело нас...»

2 мая наша сборная скрестила клюшки на льду со сборной Швеции. Этот матч мог для нас стать решающим: выиграй его сборная СССР, и она досрочно завоевывала золотые медали чемпионата мира. Причем многие наши игроки не сомневались в том, что шведов они одолеют. Ведь всего три недели назад мы играли с ними товарищескую игру в Стокгольме и выиграли 4:2, причем уже в первом периоде «накидали» им три безответные шайбы. Однако эта расхожденность сыграла с нашей сборной злую шутку.

На первой же минуте у Харламова был прекрасный шанс открыть счет, но он им не воспользовался. Потом в течение короткого времени шайба могла еще трижды влететь в ворота «Тре крунур», но этого не случилось. В итоге сработал принцип «не забиваешь ты, забивают тебе». И первый период закончился в пользу шведов — 1:0.

В раздевалке наши тренеры провели необходимую беседу с игроками, объяснили им, что надо не сбавлять оборотов — атаковать и атаковать. Во втором периоде наши ребята так и сделали, но в воротах шведов стоял Еран Хегюста, который буквально творил чудеса (не случайно после чемпионата его назовут лучшим вратарем, а также включают в символическую сборную мира). Да и защитники бились на последнем рубеже самоотверженно. А наши игроки обороны, наоборот, как будто оцепенели — у них ничего не получалось. Как итог — во второй двадцатиминутке в ворота Третьяка влетели еще две безответные шайбы. Это было уже похоже на мини-разгром — 3:0.

И снова в перерыве наши тренеры бросились объяснять игрокам, что нельзя так играть. Те согласно кивали. Но когда снова вышли на лед, все повторилось. Даже когда наша сборная играла в большинстве, у нее ничего не получалось. Соперники легко лишали наших хоккеистов возможности атаковать ворота, а при первом же удобном случае немедля контрнаступали.

И третий период мы опять проиграли, хотя и с минимальным счетом — 1:2. Но общий итог матча был удручающим для сборной СССР — 1:5. Вот так: выходили на лед с мечтой о золотых медалях, а оказались сами биты самым жестоким образом.

Вспоминает В. Третьяк: «И сразу же атмосфера в команде переменялась. На смену благодущию пришло нервическое ощущение потери. Как будто нам теперь предстояло участвовать в погоне за чем-то украденным.

И посыпалось с разных сторон: «вы должны», «вы обязаны», «вам надо», «должны, должны, должны»... Человек посторонний, услышав все это, мог, наверное, решить, что, если мы не выиграем первого места, настанет конец света. Такая «накачка» не сулила ничего хорошего — это подтвердил уже следующий матч, с чехословацкой командой...»

Тот матч состоялся 4 мая 1977 года. На этот раз чехословаки вместо Иржи Холечека поставили в ворота ветерана Владимира Дзуриллу (это будет его последний мировой турнир перед ходом на пенсию). И уже в первом периоде соперники буквально задавили нашу сборную: «накидали» Третьяку три безответные шайбы. Наши защитники (Цыганков, Гусев, Бабинов, Лутченко, Васильев, Первухин) в тот день играли из рук вон плохо. Впрочем, и сам Третьяк выручал не так часто, как раньше. Вот почему после окончания первого периода его догнал в коридоре Владимир Петров и высказал свое недовольство: дескать, ты кончай шайбу вперед отбивать. На что вратарь ответил: «А ты лучше бы обороне помогал». Эти разборки внутри команды ничего хорошего не сулили.

Второй период начался с того, что чехословаки забросили нам еще одну шайбу. Счет стал просто угрожающим — 4:0 в пользу соперника. Однако далее произошло то, что обычно случается, когда какая-то из команд начинает крупно выигрывать — она успокаивается, расслабляется. Именно это и произошло со сборной ЧССР. Наши ребята этим воспользовались. Они проснулись от своего оцепенения, взвинтили скорости и забросили во втором периоде три шайбы (это сделали игроки первого звена Михайлов, Харламов, а также Балдерис из третьего звена). После этого требовалось еще немного поднажать в третьем периоде, и наши ребята могли склонить судьбу матча на свою сторону. Но чехословаки не позволили этого сделать, надо отдать им должное. И третий период закончился со счетом 0:0. Общий итог — 4:3 в пользу чехословаков. Так наша сборная после беспроигрышной серии из шести матчей проиграла вторую встречу подряд. Но еще не все было потеряно.

ЧМ по хоккею в Вене (1977). Матч СССР — Канада.

Схватка у канадских ворот. В то время как канадские игроки за грубую игру отправлялись на скамью штрафников, наши забивали в их ворота одну шайбу за другой.

В итоге 8:1 в нашу пользу

6 мая сборная СССР встречалась с командой Канады. Это была их вторая игра на этом турнире (как мы помним, первую наша сборная выиграла с разгромным счетом 11:1). Мы и в этот раз разбили канадцев в пух и прах (8:1), но какой ценой. Вспоминает В. Третьяк:

«К этому времени канадцы стали неузнаваемы. Видимо, в них разыграло самолюбие, вспомнили они о своей профессиональной гордости. Да и реакция канадских болельщиков, ругавших свою сборную на чем свет стоит, видно, возымела определенное действие. Профессионалы сыграли вничью (3:3) со сборной ЧССР, затем разнесли (7:0) шведов. Они явно покончили с анархией и, кажется, всерьез решили претендовать на главные трофеи. Забегая вперед, скажу, что, конечно, они заслуживали более высокого места, чем четвертое, но подвела «кленовых листьев» слишком грязная игра. Я всякое видывал на льду, однако то, что иногда вытворяли в Вене канадцы, было и для меня открытием. За такие дела у нас надолго отбирают клюшку. Пэйман, Маккени, Рассел и их приятели хулиганили не переставая, и судьям

ничего не оставалось, как постоянно отправлять их на скамью штрафников. А соперники в это время забивали шайбы.

Матч СССР — Канада, который мы сыграли 6 мая, в этом смысле не стал исключением. Он напоминал то, что полтора года назад произошло в Филадельфии (в матче ЦСКА — «Филадельфия Флайерс» в январе 1975 года. — *Ф.Р.*). Канадцы, не будучи уверенными в своем мастерстве, решили запугать нас. Точно так же ранее они запугали шведов. «Психическая атака» началась еще до игры. «Если мне придется прыгнуть и схватить кого-нибудь за горло, чтобы выиграть матч, я сделаю это», — заявил Ф. Эспозито корреспонденту австрийской газеты «Нойе кронен цайтунг». Во время разминки шайба из канадской зоны случайно попала к нам. Гена Цыганков — добрейший парень, наш защитник — только прикоснулся своей клюшкой к этой шайбе, чтобы переправить ее обратно, как на него коршунами налетели профессионалы. Канадцы были готовы затеять драку уже сейчас, на разминке, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в том, какие они страшные и кровожадные.

Разминка кончилась, и тут кто-то из соперников демонстративно швырнул шайбу прямо в меня. Признаться, я был потрясен. Сколько играю — такого еще не случалось. Но это еще не все. Мы отправились по своим раздевалкам, и здесь нам пришлось услышать из уст канадцев все самые грязные ругательства, которые существуют за океаном. Случись это на улице, всю канадскую команду немедленно отправили бы в полицию. Но это происходило во... Дворце спорта и называлось «психологической обработкой» соперников.

Право, зрелище было мерзкое. Злобные, перекошенные лица, пена на губах. В это трудно поверить, но это так. После матча я подошел к своему старому приятелю, бывшему профессионалу, Аги Кукуловичу, который долгое время работал в московском представительстве авиакомпании «Эр Канада».

— Аги, что же это за банду привезли в Вену?

— Мне самому за них стыдно, — ответил он.

Счет в этой встрече открыл Цыганков. Вскоре канадцы забили ответную шайбу, и здесь снова произошло то, о чем до сих пор я вспоминаю с отвращением. Соперники подкатывали к моим воротам и орали прямо в лицо: «Что, съел, проглотил шайбу?!» Они хотели вывести меня из равновесия, но добились обратного. Я сказал себе: «Все, этот гол последний в твоих воротах». Так и получилось.

Больше они мне не забили.

Их бесило то, что наши игроки не поддаются на мелкие провокации, не отвечают ударом на удар. Канадские хоккеисты были просто вне себя. План

по запугиванию провалился. Судьи проявили твердость, не прощая ни одну из их выходок. Удаления назначались одно за другим. Канадцы сорвали голоса, ругаясь с арбитрами, но все было напрасно. Нарушителей отправляли на скамью, а мы в это время забивали шайбы.

Грубиян Пэйман, приставленный глядеть за Якушевым, выполнял свою миссию весьма «оригинально»: он цеплял Сашу крюком за шею. Рассел орудовал своей клюшкой, как оглоблей в деревенской драке, а когда его наказали, он устроил на скамье штрафников настоящую истерику: швырнул на землю шлем и разразился потоком брани.

После sireны, известившей о том, что профессионалы проиграли со счетом 1:8, Маккени в бессильной злобе ткнул клюшкой в живот Шадрина...

Кстати, когда матч закончился, некоторые из канадцев во время исполнения нашего гимна тоже повели себя неприлично: не сняли шлемов, стояли, демонстративно опершись на клюшки. Всем своим видом они показывали пренебрежение к победившей команде. Конечно, это не по-спортивному.

На что они надеялись? На то, что судьи закроют глаза? На то, что мы испугаемся? На то, что их выходки понравятся публике? Но судьи были тверды. А нас еще никто и никогда не мог запугать. Публика же стала презирать эту команду. Недаром австрийские болельщики скандировали: «Канада, гоу хоум!»...»

8 мая состоялась встреча между сборными СССР и Швеции. Успех в этой игре выводил нашу сборную в чемпионы, а поражение отбрасывало на третье место. Естественно, лишний раз «накачивать» советских хоккеистов надобности не было — все понимали важность этой игры. Однако именно чрезмерное волнение нас и подвело. Уже в первом периоде наши ребята стали много ошибаться: защитники позволяли сопернику «расстреливать» Третьяка, а нападающие не могли обыграть ни защитников (лучшим у шведов в тот день был Рональд Эриксон), на вратаря (Еран Хегюста снова творил чудеса). Однако первый период закончился вничью — 1:1.

ЧМ по хоккею в Вене (1977).

Раздевалка сборной Швеции после матча СССР — Швеция 1:3 (1:1,0:2,0:0). 8 мая 1977 г.

А вторую двадцатиминутку наши ребята проиграли подчистую: в ворота Третьяка залетело две безответные шайбы. И заключительный период наша команда начала при счете 1:3. Естественно, наши бросились отыгрываться, но шведы заперлись у себя в зоне, поставив перед своими воротами, что называется, «автобус». В итоге мы проиграли 1:3. Как пишет В. Третьяк:

«Разве можно было действовать в решающем матче (да и во всех других) так бескрыло и неизобретательно?! В этом матче со всей отчетливостью обнаружилось, что обеднел творческий арсенал сборной СССР. Шведы, по сути дела, опять поймали нас на ту же уловку: они использовали тактику «отката», мы же снова напоминали рыб, которые тщетно бьются о бетонную плотину, хотя рядом — чуть поищи — сколько угодно лазеек. Разве мы были слабее, чем «Тре крунур»? Нет, сильнее! Но наша команда, составленная из звезд, вдруг разучилась выполнять элементарные вещи. Для нее стало проблемой войти в зону соперников, реализовать численное преимущество... Мы не продемонстрировали в Вене ни новых комбинаций, ни оригинальных тактических построений.

Трудно, согласитесь, представить, чтобы чемпион мира по шахматам ехал на ответственный турнир, не имея в своем творческом багаже никаких новинок, «сюрпризов» для соперников. С нами же произошло именно так. А конкуренты не спали. Я из ворот примечал и хитрости новых чемпионов мира с участием Ивана Глинки, и «домашние заготовки» шведов...»

Лучшим вратарем турнира был назван швед Е. Хегюста (его команда взяла «серебро»). Что касается Третьяка, то он сыграл на турнире 9 матчей и пропустил 17 шайб (больше всего ему набросали шведы, выигравшие у нас 5:1). У Сидельникова было 4 игры и 7 пропущенных шайб.

Рассказывает В. Третьяк: «После чемпионата, уже в Москве, мне довелось услышать мнение одного психолога по поводу наших неудач в Вене. Оно не было неожиданным, подтвердило мои собственные мысли.

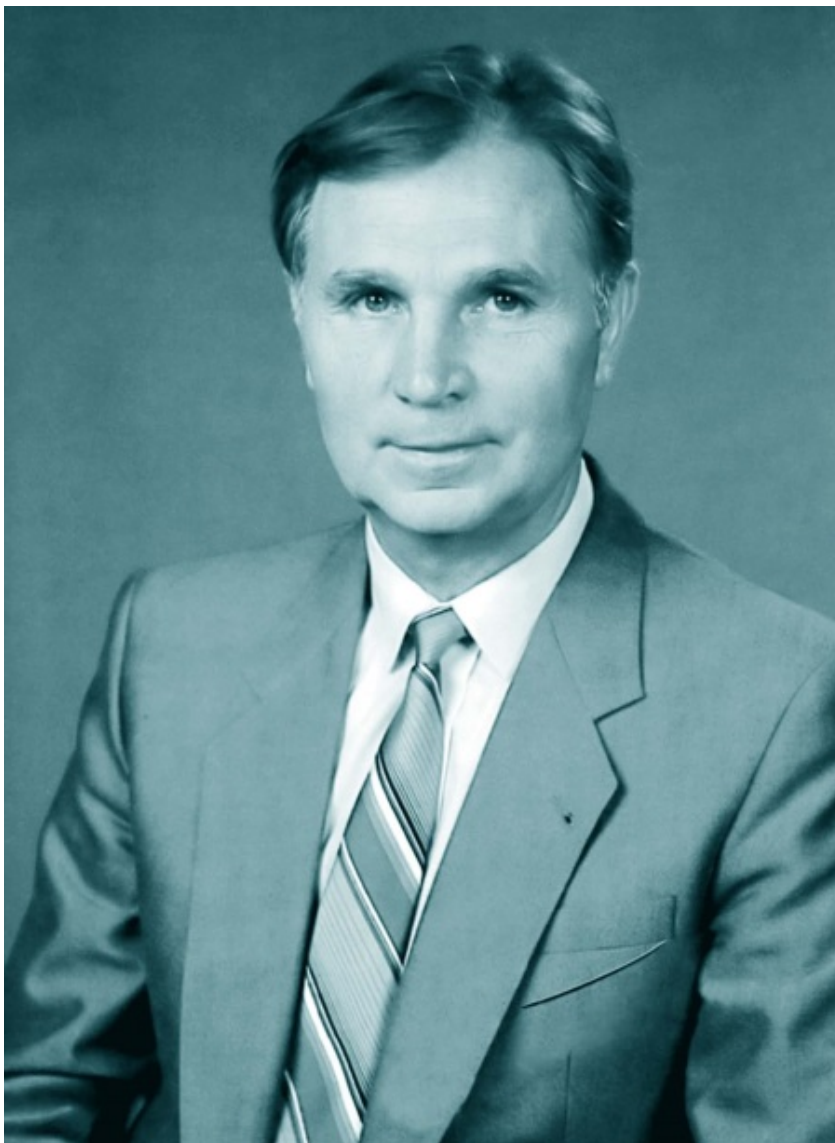
— Вы разучились проигрывать, — сказал психолог. — Уступая в счете, вы начинаете паниковать и забываете свою игру. Каждый лихорадочно делает то, что он считает нужным. Каждый вроде бы лезет из кожи вон и тратит все силы, но на льду нет команды, нет сплоченного коллектива. Преимущество в матчах со шведами было на вашей стороне, а победу праздновали соперники (вторую игру мы проиграли им 1:3 . — *Ф.Р.*). Это же абсурд! Думаю, что и тренеры (Б. Кулагин, К. Локтев и В. Юрзинов . — *Ф.Р.*) не были способны разумно руководить игроками в тяжелые моменты. Вместо того чтобы сплотить сборную, они занялись поисками виновных...»

Новая метла, или Возвращение триумфа

Итак, сборная СССР на чемпионате мира и Европы в Вене заняла 3-е место, что считалось настоящим провалом. Такого не случилось с далекого 1961 года. После этого на тренерском мостике сборной СССР произошла рокировка — главным тренером был назначен Виктор Тихонов (вторым тренером стал Владимир Юрзинов, который до этого был третьим тренером), а вице-президентом Федерации хоккея СССР стал Анатолий Тарасов. Началась настоящая встряска в советском хоккее, которая должна была вернуть нас на лидирующие позиции в мире уже в ближайшее время. И ведь вернула!

Тренерский тандем Тихонов — Юрзинов опробовал себя в сентябре того же 1977 года в играх 1-го розыгрыша на Приз газеты «Руде право» в Праге (Чехословакия), где наша сборная выступила относительно удачно. Почему относительно? Мы заняли там 1-е место, однако опередили чехословаков только из-за лучшей разницы в забитых и пропущенных шайбах (у обеих команд было по 6 очков). Третьяк сыграл три матча и пропустил 9 шайб. Вторым вратарем в сборной был 22-летний Владимир Мышкин из «Крыльев Советов», который отстоял две игры (с «Цинциннати Стингерс») и пропустил 3 шайбы.

После провала в Вене к руководству сборной пришел новый тренер — Виктор Васильевич Тихонов

Однако спустя три месяца (в декабре) ситуация поменялась. После своего поражения дома на турнире «Руде право» чехословацкие хоккеисты приехали в Москву, на Приз «Известий», за реваншем. Они не скрывали своих намерений и в открытую заявляли об этом. В Москве этому верили мало, поскольку тихоновская сборная показывала хорошую игру и тоже была нацелена на победу. Но правы оказались гости, которые уже с первых секунд игры прочно захватили инициативу в свои руки. Чехословацкие хоккеисты играли легко, с выдумкой, в то время как наши выглядели на льду как сонные мухи. У советской сборной игра не ладилась по всем линиям: проваливались и защитники, и нападающие. В итоге голы в ворота Третьяка

сыпались как горох: на 10-й минуте счет открыл Бубла, затем его удвоил Мартинец. Вторая двадцатиминутка тоже началась с гола в ворота героя нашего рассказа: шайбу провел Штясны. Четвертую шайбу гости умудрились и вовсе забить в меньшинстве — это сделал Глинка. А Поузер довел счет и вовсе до разгромного — 5:0. Игра была, по сути, сделана. И хотя нашим хоккеистам удалось забросить в третьем периоде три шайбы, однако и гости забили столько же. Итог — 3:8 в пользу гостей. И это при том, что перед матчем с Третьяком работал психолог! Вот как сам вратарь вспоминает об этом:

«Перед матчем пожаловал к нам в сборную психолог. Фамилии уже не помню — помню только, что он с космонавтами раньше занимался. И с ходу: «Неправильно работаете!» — «А как надо?» — «Дайте мне одного игрока — я вам его подготовлю!» Виктор Васильевич Тихонов и отвечает: «К Третьяку идите, он у нас самый мнительный...» Провел он со мной собеседование — что-то типа исповеди. На раскатке необыкновенный прилив сил чувствую: ни одной шайбы не пропустил. Ну, думаю, вот это психолог! Но, видно, в какой-то момент эта уверенность в себя переросла в самоуверенность. Пропустил я одну шайбу — и тут же расклеился. А закончилось все — 3:8. После этого случая психолог тот в команде и не появлялся...»

Шок от этого поражения испытали все советские болельщики: от простых до самых именитых. Например, шеф КГБ Юрий

Андропов (именно это ведомство курировало хоккейный клуб «Динамо» и попутно сборную) вызвал к себе для беседы старшего тренера нашей сборной Виктора Тихонова. Правда, ругать его не стал, а вежливо так поинтересовался, что произошло с командой. Спросил, сумеет ли она и дальше не опозориться. Тихонов пообещал, что таких осечек больше не произойдет. И действительно: 20 декабря наши ребята разбили финнов (7:3), а на следующий день повергли в уныние и шведов (9:2). Однако взять первое место все равно не сумели: оно досталось чехословакам, опередившим нас на одно очко (7 против 6).

Третьяк сыграл на Призе в четырех матчах и пропустил 15 шайб. Вторым вратарем был Александр Сидельников, который сыграл одну игру и пропустил 1 шайбу.

26 марта 1978 года завершился чемпионат СССР по хоккею. И снова победу одержал ЦСКА. Третьяк сыграл в первенстве 29 матчей и пропустил 72 шайбы. Его сменщик Александр Тыжных (Николай Алдонин ушел из клуба в прошлом году) отстоял в 7 матчах (и еще несколько раз выходил на замены) и пропустил 37 шайб.

В конце апреля в столице Чехословакии городе Праге начался 45-й чемпионат мира и Европы. Напомним, что шесть лет назад там уже проводился мировой турнир по хоккею с шайбой и тогда победа досталась хозяевам — сборной ЧССР. Естественно, и в этот раз чехословаки были настроены самым решительным образом повторить этот успех. Тем более, что до этого в течение двух лет им это сделать удавалось, и сборная ЧССР дважды подряд (1976–1977) становилась чемпионом мира. А тут, как говорится, сам Бог велел — чемпионат мира и Европы 1978 года волею судьбы проходил у них дома, в Праге. А ведь дома, как известно, и стены помогают. На ситуацию накладывалась и политическая составляющая. Дело в том, что в 1978 году в Чехословакии негласно отмечали 10 лет закрытия «бархатной революции-68», поэтому ледовое противостояние сборных ЧССР и СССР в том году обещало быть особенно яростным.

В первом матче турнира сборной СССР противостояла команда США. Наши ребята ее обыграли, но Третьяк пропустил в свои ворота целых 5 шайб (10:5). А потом еще четыре от сборной ФРГ (7:4). По словам В. Третьяка:

«Начали мы не очень хорошо: победы в матчах с явными аутсайдерами давались почему-то с большим трудом. Я пропускал много шайб.

— Все в порядке, Владик, — успокаивал Тихонов. — Сколько ты сейчас пропустишь — неважно. Главное, чтобы к решающим матчам ты нашел свою игру.

Мешало волнение. Рожденное ответственностью, желанием не подвести наш хоккей, оно передавалось от игрока к игроку и сковывало команду.

Перед отъездом в Прагу я сказал одному приятелю:

— Вот увидишь, мы выиграем этот чемпионат. Он с сомнением посмотрел на меня:

— Даже в лучшие для команды годы ты избегал таких обещаний.

А я был уверен! И другие ребята были уверены. Странно, да? Два года подряд мы уступали соперникам. Незадолго до того в Москве на Призе «Известий» чехословацкие хоккеисты нанесли нам сокрушительное поражение. Казалось бы, откуда такой оптимизм? Но неудачи вызвали у команды желание доказать всем, что мы сильные, что мы можем побеждать. Поражения не тяготили, а словно бы будили в нас какие-то скрытые силы. Так было с каждым. Неудачный старт вызывал в ребятах спортивную злость, мы становились грознее от матча к матчу...»

В третьем матче, против финнов, наши тренеры поставили на ворота второго голкипера — Александра Пашкова. И уже в первом периоде наши проигрывали 0:2. Но затем взяли себя в руки и победили со счетом 6:3.

ЦСКА — двадцатикратный чемпион СССР по хоккею. 1977 г.

Пашков стоял в наших воротах и в следующей игре — против сборной ГДР. И «зевнул» всего два раза (10:2).

Вспоминает В. Третьяк: «Переживаний у меня добавилось, когда дважды подряд — 30 апреля и 1 мая — Тихонов не ставил меня на матчи.

— В воротах сегодня Пашков, — просто говорил перед игрой тренер, никак не комментируя свое решение.

Наконец, видя мое подавленное настроение, Виктор Васильевич объяснил:

— Я тебя специально не ставлю в этих матчах. Отдохни. Верю, что потом не подведешь.

Полегчало на душе: все-таки верят в меня...» 4 мая сборная СССР сошлась на льду с командой Швеции. Место в воротах у нас занял Третьяк. К тому времени волнение у него уже давно прошло, поэтому стоял он, что называется, намертво — пропустил всего лишь одну шайбу, да и та влетела в его ворота в третьем периоде, когда судьба матча была уже фактически решена. В итоге наши победили 6:1.

И снова послушаем рассказ В. Третьяка: «...Тренировка. Пот заливает глаза. На льду две дюжины шайб, и чуть ли не одновременно они летят в ворота. Но разве я фокусник? Разве у меня десять рук? Эту отбил. И эту... Поймал в ловушку. Отбил. Отбил... Уф-ф! Подъезжаю к бортику, чтобы сделать глоток воды, перевести дух. Знакомый чехословацкий журналист — он стоит у скамьи — молча поднимает вверх большой палец. «Спасибо», —

киваю ему и снова еду к воротам. Юрзинов, Цыганков и старший Голиков опять как из пулемета обстреливают меня шайбами.

— Внимание! — говорит тренер. — Теперь договариваемся так: мы делаем восемнадцать бросков, и если забиваем меньше шести голов, то победа присуждается вратарю. Если шесть и больше, то выигрываем мы. Согласен, Владик?

Я молча встаю в ворота и постукиваю себя клюшкой по щиткам. Бах-бах-бах... Пять шайб в сетке. Хорошо! Мои «соперники» под смех случайных зрителей кувыркаются на льду — таково условие нашей «дуэли».

— Согласен на пять! — кричу Юрзинову.

— Ух, сейчас мы тебе покажем! — шутливо грозитя Гена Цыганков и, широко замахнувшись, делает первый бросок...

Теперь из восемнадцати четыре шайбы в воротах. Мои товарищи и тренер опять кувыркаются на льду. Я снимаю маску и еду к бортику. Пот льет с меня ручьями. Мокрые волосы слиплись. Кажется, клюшка весит целый пуд. Со скамейки и с трибун ловлю сочувственные взгляды: мол, достается же человеку...

Но усталость не мешает мне почувствовать, что шайбы постепенно становятся «дрессированными», что я близок к своей лучшей форме. А это главное. Теперь, чтобы окончательно обрести уверенность, мне нужен матч...»

Такой матч вскоре состоялся. 6 мая сборная СССР встречалась с хозяйкой турнира — командой ЧССР. Можно себе представить, какой ажиотаж царил тогда в обеих странах, особенно в Чехословакии, где вся страна, от мала до велика, переживала за своих хоккеистов. Все хотели повторения декабрьского триумфа, когда чехословаки разгромили нас со счетом 8:3.

Игра началась с бешеных атак хозяев на ворота Третьяка. Наши ребята хоть и были готовы к чему-то подобному, но все равно подрастерялись: столь мощно атаковали чехи. Как результат, на 8-й минуте Черник открывает счет. Однако спустя восемь минут Балдерис восстановил равновесие, чем оказал своим коллегам неоценимую услугу — они воспряли духом. И уже спустя минуту Первухин забивает вторую шайбу. Над стадионом имени Ю. Фучика повисла тягостная пауза. «Неужели и здесь, у себя дома, мы проиграем русским?» — думал в эти минуты каждый чехословак. Но советские хоккеисты сами упустили нить игры из своих рук.

Во втором периоде наши ребята стали неоправданно грубить, чем облегчили сопернику дело. На 22-й минуте, после удаления Фетисова, тот же Черник сравнял счет. Четыре минуты спустя Балдерис повторил ситуацию первого периода, забив свою шайбу после гола Черника. Но

последний стал поистине героем той игры. За четыре минуты до конца второй двадцатиминутки он сравнивает счет — 3:3. А через минуту Глинка впервые в этом матче выводит хозяев поля вперед.

Трудно сказать, о чем конкретно говорили в раздевалках своим подопечным тренеры команд, но приблизительный смысл этих установок мог быть таким: чехословацкие наставники требовали от своих игроков собранности, выдержки, наши настраивали игроков на решительный штурм. В итоге более восприимчивыми к словам тренеров оказались чехословацкие спортсмены. Уже на пятой минуте заключительного периода Штясны увеличивает разрыв — 5:3. После этого «поплыла» не только наша оборона, но и Третьяк стал чувствовать себя неуверенно. В итоге спустя четыре минуты Эберман окончательно хоронит надежды советской сборной, забив шестую шайбу. И хотя через полминуты Лутченко сумеет сократить разрыв, но спасти игру нашим ребятам так и не удается. Итог — 4:6. Как пишет В. Третьяк:

«У меня после этой неудачи такое ощущение, будто я чего-то недоделал, будто безвозвратно ушло что-то важное. Положа руку на сердце, могу сказать, что две из шести пропущенных шайб (третью и пятую) я, наверное, мог взять...».

Спустя два дня сборная СССР встречалась на льду с канадцами. Те прислали на чемпионат среднюю команду (в ней было всего три звезды НХЛ: Марсель Дионн, Рик Хэмптон и Робер Пикар), но и она сумела попортить нам нервы. Ведь их тренер Хауэлл еще накануне турнира пообещал, что его подопечные хотя бы одну команду из большой четверки (СССР, ЧССР, Швеция, Финляндия) обязательно обыграет (и слово свое сдержит, дважды обыграв шведов). Вот и на игру против нашей сборной канадцы выходили с намерением утереть нам нос. И ведь у них это едва не получилось. Как скажет после матча наш замечательный актер Евгений Леонов (он входил в советскую культурную делегацию, присланную на этот турнир с тем, чтобы поддержать сборную СССР): «Такую драму не напишет ни один драматург».

Вячеслав Фетисов, забив четвертую шайбу, поставил победную точку в игре с канадцами. После финальной сирены на канадцев было страшно смотреть — так они были подавлены

И действительно, сюжет этой встречи развивался крайне драматично. К 56-й минуте (практически к концу игры) счет был ничейным — 1:1. Нервы у всех были на пределе из-за «скользкости» счета. Как вдруг, за четыре минуты до конца встречи, канадец Левер выводит свою сборную вперед. Радость забившего была столь огромной, что он три раза вынимал из сетки шайбу и снова забрасывал ее в ворота, чтобы все видели: это он, именно он, Левер, забил гол. Вместе с ним ликовала и вся команда. А также почти весь стадион Юлиуса Фучика, поскольку чехословацкие зрители в тот день болели именно за канадцев. Тогда многим показалось, что судьба матча фактически решена. Но наши ребята сотворили чудо. Видя весь этот ажиотаж, они с таким энтузиазмом ринулись в бой, что канадцы были

буквально смяты. В итоге сначала Валерий Харламов сравнял счет (2:2). Потом Сергей Капустин вывел нашу сборную вперед (3:2). А затем Вячеслав Фетисов поставил победную точку в игре (4:2). После финальной сирены на канадцев было страшно смотреть — так они были подавлены.

Через два дня, волею жребия, эти сборные вновь встретились в очном поединке. Но на этот раз интриги хватило только на первый период, который закончился со счетом 0:0. Затем наши ребята переиграли канадцев, забив во второй двадцатиминутке три безответные шайбы. Общий итог встречи — 5:1 (единственную шайбу Третьяк пропустил уже под занавес игры).

Потом была игра со шведами, которых советские хоккеисты победили еще более уверенно — 7:1 (единственную шайбу Третьяк пропустил во втором периоде, когда судьба матча была уже фактически решена — наши вели 6:0).

14 апреля, в последний день чемпионата, состоялся решающий матч между сборными СССР и ЧССР. К этому моменту хозяева турнира, набрав 18 очков, лидировали, а наши отставали от них на два очка. Поэтому сборной СССР надо было обыгрывать чехословаков, причем с разницей в две шайбы. Задача была, как говаривал вождь мирового пролетариата, архисложная, поскольку у хозяев на этом турнире была самая надежная защита (они пропустили меньше всех шайб — 21). Кроме этого, им помогала группа штатных психологов, настраивая их на каждую игру. У наших ребят тоже были свои «психологи» — артисты юмористического цеха Евгений Леонов, Борис Владимиров и Вадим Тонков («комические старухи»). Накануне решающего матча произошел такой эпизод. Леонову нужно было срочно улететь в Москву, в театр, однако в вестибюле гостиницы он случайно столкнулся с кем-то из наших хоккеистов. «Вы что, уезжаете, Евгений Павлович?» — удивился спортсмен. «Да вот, пора, в Москве ждут», — развел руками артист. «А как же мы?» — последовал новый вопрос. И столько печали было в голосе спортсмена, что сердце Леонова дрогнуло. «Да гори оно все огнем!..» — махнул он рукой и отправился назад в свой номер.

Вспоминает В. Третьяк: «В воскресенье, 14 мая я проснулся в 8.30. С улицы почти не доносился шум автомобилей — верный признак выходного дня. Приведя себя в порядок, я спустился на второй этаж, где в просторной комнате рядом с рестораном столовалась наша команда. Почти все уже оказались в сборе. Завтракали молча. Я обратил внимание на лица ребят: они были, как бы это сказать, отрешенные, что ли... Или замкнутые.

Позавтракав, каждый молча вставал и спешил к дверям. Я понимал своих товарищей, потому что и сам испытывал желание побыстрее остаться один, избежать лишних разговоров. Проглотил яичницу с ветчиной и тоже

направился к себе в комнату. В коридоре меня догнал наш врач: «Ты знаешь, — сказал он, — сегодня заболел Сережа Капустин (один из лучших игроков того чемпионата, войдет в символическую сборную мира . — *Ф.Р.*). У него высокая температура». — «Играть не сможет?». Сапроненков с сомнением пожал плечами. Кажется, и сегодня спать ему не довелось: глаза у него запали, под ними — черные круги...

Перед обедом я пригласил Сашу Пашкова на прогулку. В Праге было прохладно. Белые церемонные свечи прятались в кронах каштанов. Над Влтавой сдержанно пели дрозды. Я вдруг поймал себя на мысли, что и сейчас совсем не испытываю волнения.

Пообедав, я по своему обыкновению крепко уснул. Сон был глубоким и чистым, как у младенца. Через полтора часа я встал свежим и еще более спокойным. Чем ближе был матч, тем увереннее я себя чувствовал...

Мы вышли на лед, и я сразу увидел, что наши соперники выведены из равновесия: бледные лица, скованные движения. Хозяев не взбодрило даже то, что болен Сергей Капустин. И хотя он (вот настоящий парень!) вышел на площадку, чтобы поддержать нас, соперники, конечно, знали о том, что у Сергея высокая температура...».

В том матче наши потеряли не только Капустина: по ходу игры был травмирован нападающий Александр Мальцев, а затем и защитник Владимир Лутченко (у нас на площадке играло пятеро защитников, вместо шести). Но желания победить у наших ребят все-таки было поболее, чем у хозяев. Вот и первую шайбу забили именно они: Балдерис, прозванный за виртуозное катание «балериной», филигранно проскочил между двумя чехами — Кайклом и Бублой — и забил первый гол. Как ни старались хозяева отыграть эту шайбу, ничего у них не получалось. Наши защитники и Третьяк стояли как стена на их пути. Здорово играли и нападающие. О чем свидетельствовал следующий факт: во втором периоде наши играли в меньшинстве и сумели увеличить разрыв. Все произошло неожиданно для чехов. Михайлов поймал рукой летящую по воздуху шайбу и, вместо того, чтобы отбросить ее к бортику, бросил ее себе на клюшку и переадресовал Петрову. И тот забил гол. Счет стал 2:0. Но и это была еще не победа.

Владислав Третьяк, Сергей Капустин и Владимир Мышкин (слева направо) на тренировке в учебно-тренировочном центре

На последней минуте периода, когда уже хозяева играли в меньшинстве, к нашим воротам прорвался Мартинец. Третьяк выкатился из ворот и загадал желание: мол, если отобью эту шайбу, мы — чемпионы. И ведь отбил! Вот как он сам об этом вспоминает:

«Я отразил шайбу, но в следующее мгновение Мартинец наткнулся на меня, сбил с ног, сразу образовалась куча-мала... А где шайба? Вот она миленькая, лежит в двадцати сантиметрах от линии ворот.

Соперники на всякий случай всей командой высыпали на лед, начали обниматься, а гола-то нет! «Ноу! — кричу я судье Пирсу. — Ноу!». А он и сам видит, что гола не было...».

В начале третьего периода, когда Владимир Голиков забил третью шайбу, многим показалось, что судьба матча решена. Многим, но только не чехословацким хоккеистам. Они словно проснулись после долгой спячки и ринулись на штурм ворот Третьяка. И уже спустя две минуты капитан

сборной ЧССР Иван Глинка сумел наконец «распечатать» ворота «непробиваемой двадцатки» (так называли нашего голкипера). До конца игры оставалось чуть больше 10 минут, и у хозяев появился реальный шанс испортить нам «обедню»: ведь нам нужна была победа с разницей в две шайбы и на табло был заветный результат — 3:1. И чехи решили во что бы то ни стало забить еще один гол. Для этого в бой были брошены лучшие силы. А у нас чуть ли не полкоманды было травмировано. Не играли Капустин, Мальцев, Лутченко, Васильев (прямо на скамейке у него случился сердечный приступ, который в итоге сыграет свою роковую роль — этот выдающийся хоккеист проживет всего 62 года). А тут в самом конце игры получил двухминутный штраф Билялетдинов. Трибуны буквально взорвались, требуя от своих любимцев подвига. Это был, наверное, самый драматичный момент игры. Как вспоминает все тот же В. Третьяк:

«Я никогда не смотрю на табло во время матча, не считаю оставшегося времени. А тут, каюсь, не выдержал, поднял голову — осталось продержаться пятнадцать секунд. Пятнадцать секунд, и все — мы чемпионы. Только пятнадцать... Это были самые длинные секунды в моей жизни. Я считал про себя: «...три, две, одна».

А когда прозвучала сирена, я на мгновение потерял контроль над собой — клюшку разнес о лед вдребезги. Я что-то кричал, и нам что-то кричали.

А на скамейке, не стыдясь, плакал Тихонов...».

В те минуты плакал не только тренер нашей команды, но и многие из советских болельщиков, кто смотрел эту трансляцию по телевизору. Я сам не смог сдержать слез восторга, после того, как сирена возвестила о том, что наши ребята стали чемпионами. Да что там я, сам Брежнев, как мальчишка, орал и свистел от восторга на своей даче после этой грандиозной победы, чем здорово напугал своих домочадцев. Говорят, на следующий день генсек приехал в Кремль и первое, что сказал своим соратникам: «С победой, товарищи!». Некоторые из членов Политбюро, кто не интересовался хоккеем и не знал о вчерашней игре, удивился: «С какой победой, Леонид Ильич?». «С нашей победой, — ответил генсек. — Вчера наши хоккеисты выиграли чемпионат мира. И я думаю, что будет правильным, если мы по достоинству их за это наградим. Возражения есть?». Возражений, естественно, не было. Когда наши хоккеисты вернутся на родину, их наградят орденами «Знак Почета» и «Дружба народов». А двое игроков — Борис Михайлов и Владислав Третьяк — впервые в истории за победу на чемпионате мира будут удостоены орденов Ленина.

Так, после двухлетнего перерыва, золотые медали достались советской сборной, которая из десяти матчей одержала победу в девяти (в итоге наша команда набрала столько же очков, что и сборная ЧССР — 18, но у нас была

лучшей разница забитых и пропущенных шайб). Третьяк провел 8 игр и пропустил 21 шайбу. Александр Пашков отстоял 2 игры и пропустил 5 шайб. Однако лучшим вратарем турнира стал Иржи Холечек (ЧССР), он же вошел и в символическую сборную мира.

Между тем, если брать мировую славу, то она у Третьяка была, конечно же, поболее, чем у Холечека. А в родной стране его именем даже детей называли, мечтая, естественно, о том, что это принесет им удачу. Вот как сам В. Третьяк вспоминает об этом:

«Вертолетные лопасти со свистом замедлили свое кружение. Двигатель стих. Летчик рывком распахнул дверь и выбросил наружу короткую металлическую лестницу. «Прибыли. Можно выходить».

Кругом была глухая забайкальская тайга. Я спрыгнул на землю и... тут же попал в объятия какого-то местного богатыря-первопроходца.

— Вот уж никогда не думал, что увижу настоящих Мальцева и Третьяка! И где? В глухомани, за много тысяч километров от Москвы! — кричал он.

Его глаза сияли:

— У меня сегодня двойной праздник — утром сын родился. Ну и денек!

— От души поздравляю, — говорю. — А как сына назовешь?

— Еще не решил. По командировке ЦК ВЛКСМ мы приехали к строителям

Байкало-Амурской магистрали. Тренеры Тихонов, Юрзинов, хоккеисты Мальцев, Шалимов и я.

Александр Пашков, в первом ряду справа (вратарь в белой форме).

На ЧМ-78 тренер В. Тихонов заменил Пашковым Владислава Третьяка в игре с финнами, после того как последний пропустил в двух предыдущих матчах 9 шайб. Это была первая игра Пашкова на ЧМ

Поделившись на две группы, разъехались в разные стороны: одни — к монтажникам, другие — к тоннельщикам. Через два дня встретились на вертолетной площадке, чтобы возвращаться, как там говорят, на «большую землю». И опять ко мне тот строитель-богатырь подошел с крошечным ребенком, завернутым в голубое одеяло.

— Вот он, мой сын, — говорит. — Специально из родильного дома забрал, чтобы ему вас показать. Вырастет мальчишка, и я ему расскажу, что родился он в тот день, когда на БАМ Третьяк приезжал.

Я был тронут. Мы тепло попрощались, обнялись. Я уже пошел к вертолету, когда счастливый парень снова окликнул меня:

— А чего же не спрашиваешь, как я сына-то назвал?

— Как?

— Владислав! Конечно, Владислав! Помни об этом! Ну разве можно забыть!..»

Отметим, что Третьяк занимался и активной общественной жизнью. Так, на двух комсомольских съездах (1974, 1978) его избирали членом

Центрального Комитета ВЛКСМ. Причем он не собирался быть «свадебным генералом» — по мере сил старался пропагандировать среди молодежи физическую культуру и спорт, достижения нашего хоккея. По командировкам ЦК ВЛКСМ он побывал на многих ударных комсомольских стройках, встречался с шахтерами, металлургами, тоннельщиками, гидростроителями...

Очередные победы, или От «Руде право» до Кубка Вызова

В сентябре 1978 года состоялся турнир на Приз газеты «Руде право». Проходил он опять же в Чехословакии (матчи проходили в Братиславе, Пардубице и Праге). Наши выиграли все три встречи и стали победителями. Третьяк стоял в воротах в двух матчах (первой и последней, решающей), Мышкин — во второй. Наш герой пропустил 6 шайб, его сменщик — 4.

Потом был Приз «Известий», который тоже достался сборной СССР. Там вторым вратарем у нас был спартаковец Виктор Дорощенко. Третьяк отстоял в 3 играх и пропустил 6 шайб, Дорощенко — в 1 игре и «прозевал» одну шайбу.

Вспоминает В. Третьяк: «Когда на турнире Приз «Известий» мы играли с канадцами (19 декабря 1978 года . — *Ф.Р.*), в перерыве после первого периода в раздевалку влетает наш спортивный министр Сергей Павлов. Вид у него очень взволнованный. «Комсорг, парторг и капитан, коньки живо снять и наверх — в правительственную ложу. Будете Леонида Ильича с днем рождения поздравлять». Васильев, Макаров и я послушно последовали за начальством и ступили на ковер брежневских апартаментов. Ильич там был вместе с Черненко. Павлов перед ними вытянулся: «Вот, Леонид Ильич, наши славные хоккеисты хотят вас сердечно поздравить с днем рождения». Мы вручили генсеку сувенир и клюшку с автографами игроков, пообещали, что непременно выиграем этот матч. «А почему это у вас фамилии на свитерах по-английски написаны? — поинтересовался, прощаясь, вождь. И пошутил: — Вы же не англичане». Объяснять, что таковы правила международных турниров, никто не рискнул. Более того, завтра на наших формах все фамилии были изображены по-русски...»

В феврале 1979 года в Канаде состоялся турнир Кубок вызова, в котором соревновались две сборные — СССР и Канады, сыгравшие между собой три матча. Основным голкипером у нас накануне турнира был Третьяк, а запасным все тот же Виктор Дорощенко. Перед Кубком наша

сборная провела три товарищеские встречи в Голландии со сборной этой страны. В первой ворота у нас защищал Третьяк, который уже в первом периоде пропустил три шайбы (наши ответили таким же количеством голов). Больше Третьяк в той игре «плюх» не пропускал, а на 51-й минуте уступил место в воротах Дорощенко. Тот отстоял «всухую». Счет — 13:3.

Во второй игре наши ворота защищал Дорощенко и пропустил пять шайб, причем три из них в последнем периоде (10:5). Его игра была признана тренерами неуверенной, из-за чего он потеряет место в сборной на Кубке вызова — туда поедет Владимир Мышкин из «Крыльев Советов». Но это будет чуть позже, а пока в третьем матче голландского турне в ворота встал Третьяк и «зевнул» лишь однажды в последнем периоде. А общий счет был разгромным для голландцев — 18:1.

Первая игра на Кубке вызова состоялась 8 января 1979 года в Нью-Йорке. Ажиотаж был невероятный, поскольку в последний раз советская сборная встречалась со сборной НХЛ три года назад, на Кубке Канады, да и то там, как мы помним, от нас играла экспериментальная сборная, в которой не было ряда ведущих игроков (В. Харламова, Б. Михайлова, В. Петрова, А. Якушева, В. Шадрин). Двух последних и в этот раз не было (их время в хоккее, увы, закончилось), зато харламовская тройка была в полном составе.

Встречи советских и канадских хоккеистов всегда отличались упорной силовой борьбой

Уже в первом периоде Третьяк пропустил от канадцев три шайбы. Наши ответили лишь одной. Во второй двадцатиминутке герой нашего рассказа пропустил еще один гол. Общий счет — 4:2 в пользу канадцев.

Вторая игра состоялась два дня спустя. В этот раз наши играли лучше, хотя Третьяк «зевнул» все те же четыре раза. Зато наши игроки забили на одну шайбу больше. Счет — 5:4. Впереди команды ждала последняя, решающая встреча, в которой должен был определиться обладатель заветного Кубка.

Эта игра прошла тоже в Нью-Йорке, 11 февраля. Причем в этот раз наши тренеры (Тихонов и Юрзинов) решили пойти на смелый эксперимент и поставили в наши ворота не Третьяка, а Владимира Мышкина, против

которого канадцы никогда раньше не играли. Увидев его в воротах, они обрадовались, полагая, что этому вратарю они забьют столько, сколько их душе захочется. А что получилось? Получился полный разгром канадских профессионалов. Наши забили им шесть шайб, а они Мышкину — ни одной. Наш 23-летний дебютант творил в воротах такие чудеса, что ему начал аплодировать весь стадион. Короче, это был его подлинный бенефис. Поэтому именно Мышкина тренеры сборной взяли на чемпионат мира и Европы, который должен был проходить в апреле 1979 года в Москве. Но прежде наша сборная совершила товарищеское турне по Скандинавии (Финляндия, Швеция), где провела четыре матча со сборными этих стран.

В первой игре против финнов (28 марта) наши ворота защищал Третьяк. И пропустил всего лишь одну шайбу, да и ту в третьем периоде, когда матч нами был уже выигран (8:1). А во втором матче в наши ворота встал Мышкин, и та игра далась нам с трудом. В наши ворота влетело две шайбы, а мы забили всего четыре. Разгрома не получилось.

Потом наша сборная переехала в Стокгольм (Швеция) и сыграла еще два матча, но уже с местной национальной сборной. В первой игре Третьяк отстоял полчаса и пропустил три шайбы. Затем его сменил Мышкин, в ворота которого влетели еще две «плюхи». Но наши в итоге все равно победили — 7:5. А во второй игре шведам вообще ни разу не удалось «пробить» Третьяка. Счет — 8:0.

Победа в Москве

Чемпионат мира и Европы в Москве открылся 14 апреля. В первой игре нашим ребятам противостояли хоккеисты сборной Польши. В воротах у нас стоял Третьяк и опять «насухо» (7:0). А вот в матче против сборной ФРГ на лед вышел Мышкин, и в первом периоде отстоял «насухо», а во втором пропустил две шайбы. Вообще этот матч оказался для нас весьма сложным, хотя до этого мы всегда громили западных немцев с большим счетом. А тут буквально вымучили победу со счетом 3:2. Как будто играли с канадцами или чехословаками. Но два очка не мытьем, так катаньем все же заработали.

В игре против шведов в наши ворота встал Третьяк. И противник был разгромлен со счетом 9:3. Затем шла сборная Канады, с которой мы встретились два дня спустя — 19 апреля. Третьяк снова не подкачал, пропустив всего две шайбы (5:2).

Наконец, 21 апреля сборная СССР встретилась на льду Дворца спорта в Лужниках с командой Чехословакии. У нас в воротах Третьяк, у них — Иржи Кралик. Игра, естественно, вызвала огромный ажиотаж, на матч приехал сам Леонид Брежнев (при этом отметим, что днем он пропустил важнейшее мероприятие — торжественное заседание по случаю дня рождения В. Ленина). Обе команды вышли на лед, преисполненные желания сыграть на пределе своих возможностей, поскольку исход его мог серьезно повлиять на дальнейший ход чемпионата. Как выяснилось, лучшим настрой был у наших хоккеистов. И в споре двух голкиперов победил Третьяк. Выглядело это так.

Владислав Третьяк в матче со шведами 23 апреля 1979 г. стоял в воротах как неприступная скала. Как-никак это был его 27-й день рождения. Итог этой игры — 9:3 в пользу сборной СССР

Уже с первых же минут матча игроки советской сборной прочно захватили инициативу и практически не упустили ее до финальной сирены. Шайбы посыпались в ворота Кралика одна за другой. Первым отличился на 7-й минуте игры Александр Голиков. Через три минуты Сергей Макаров увеличил разрыв. На 15-й минуте у гостей последовало удаление, которым наши игроки тут же воспользовались: гол забил Хельмут Балдерис. Прошло всего лишь 20 секунд, и уже Зинатулла Белялетдинов вновь зажег красную лампочку за воротами гостей — 4:0. После этого в воротах чехословаков место Кралика занял другой вратарь — Марцел Сакач. Но и он оказался бессилен перед натиском нашей сборной. Шла третья минута второго периода, когда Виктор Жлуктов «распечатал» и Сакача — забил пятую шайбу в ворота гостей. К концу второй двадцатиминутки гости уже проигрывали с позорным счетом 9:1. А общий итог игры — 11:1 в пользу сборной СССР. Так крупно чехословаки нам еще никогда не проигрывали.

Потом наши ребята почти с таким же счетом разгромили шведов — 11:3. Затем была игра против канадцев — решающая. В случае победы,

наши ребята досрочно завоевывали золотые медали турнира. Поэтому с первых же минут сборная СССР буквально осадила ворота канадцев. Результат не заставил себя ждать: на 4-й минуте Валерий Харламов открывает счет. Проходит всего лишь две минуты, и вот уже вторая шайба влетает в ворота гостей: гол забил Александр Голиков. Канадцы делают робкие попытки переломить ход игры, но Владислав Третьяк стоит в воротах как зверь. И это понятно: как-никак у него сегодня (25 апреля) день рождения — ему исполнилось 27 лет. А наши продолжают наращивать темп игры. Канадцы откровенно не успевают за нашими нападающими и шайбы в их ворота продолжают влетать одна за другой. На 10-й минуте Сергей Макаров делает счет 3:0, а спустя три минуты забивает гол капитан команды Борис Михайлов. Итог этой игры — 9:2 в пользу сборной СССР. Наши хоккеисты в 16-й раз завоевывают «золото» чемпионата мира.

А потом была последняя игра с чехословаками — 27 апреля. Несмотря на то что догнать нас соперник уже не мог, наши ребята вышли биться против него до последнего, поскольку это был соперник принципиального характера. Ведь именно чехословаки всегда были нашими главными раздражителями на всех ледовых площадках мира. В итоге наши «возились» с ними лишь в первом периоде, который закончился со скользким счетом 2:1 в нашу пользу. В двух последующих Третьяк не пропустил ни одной шайбы, а его партнеры забili чехословакам четыре шайбы. Итог — 6:1.

Третьяк провел на турнире 7 матчей и пропустил 12 шайб. Мышкин отстоял в 2 играх и прозевал две «бабочки». В итоге Третьяк стал лучшим вратарем мирового первенства, а также вошел в символическую сборную мира. Такого с ним еще ни разу не случалось. До этого он либо провозглашался лучшим вратарем чемпионата (1974), либо входил в символическую сборную мира (1975). А в 1979-м его удостоили сразу двух «титолов».

В начале мая 1979 года закончился всесоюзный чемпионат, в котором победу снова праздновал ЦСКА. Третьяк отстоял в 40 матчах и пропустил 111 шайб (его сменщик Александр Тыжных сыграл 4 полных матча и несколько раз выходил на замену и пропустил 20 шайб).

Отметим, что в сезоне 1970/1971 Третьяк уже играл 40 матчей, но тогда за его спиной красный фонарь зажигался 81 раз. А здесь он пропустил на 30 шайб больше. Почему? Во-первых, и возраст был уже не тот (молодая прыть от него постепенно уходила), да и хоккей изменился — стал более скоростным, резким.

В роли студента

Тем же летом Третьяк стал студентом заочного отделения Военной академии (закончит ее спустя три года в звании майора). Вот как он сам вспоминает об этом:

«Очередной сезон закончился, а мои волнения теперь приобрели новую окраску: приближалась пора вступительных экзаменов в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Мне предстояло отвечать по педагогике и психологии, истории, тактике, уставам Вооруженных Сил СССР.

Ни для кого из друзей мое решение учиться в академии не было неожиданным. Все знали, что мне нравится работать с людьми, быть в гуще общественной жизни, меня волнуют вопросы воспитания гармонично развитой, социально активной личности.

Ох, и поволновался я тем летом, штудирюя учебники, наставления и уставы!

И вот еду на первый экзамен. Месяцы ушли на подготовку, а не хватило, как всегда, самой малости: последнюю ночь не сомкнул глаз, просидел над книжками. Еду и думаю: лучше с канадцами сыграть, чем эти экзамены... Не поверите, колени дрожали — так волновался в то утро.

Сел я в коридоре, неподалеку от аудитории, дожидаясь своего часа. Открыл учебник по педагогике, сто раз читанный-перечитанный, стал его листать, и вдруг показалось: да ведь я ничего не помню, ни-че-го! Ну, думаю, лучше домой уехать, чем так вот мучиться... А тут мимо какой-то генерал проходит.

Третьяку к лицу не только хоккейная амуниция, но и военная форма

— Вы когда сдаете экзамен?

— Через час, товарищ генерал, — вытянулся я.

— Хорошо. Я обязательно приду — послушаю вас.

Час от часу не легче...

Наконец вызвали меня. За столом — два генерала и полковник — профессор, мой экзаменатор. Смотрят доброжелательно, но испытующе: мол, что ты за птица такая? Как ты шайбу ловишь, мы видели. А теперь посмотрим, как ты умеешь соображать.

С трепетом беру со стола билет. Ну, теперь прочь волнение! Это как в матче — занял свое место в воротах и уже думаешь только о том, как не сплеховать. Первый вопрос касается общих проблем педагогики, во втором

требуется назвать характеристики внимания. Про себя вздыхаю облегченно — повезло!

Слушают меня внимательно, с интересом.

Даю определения, привожу примеры, в том числе из своей вратарской практики.

На следующий день кто-то в вестибюле вывесил плакат: «Третьяк выиграл 5:0»...»

Кто-то спросит: дескать, зачем Третьяку академия? Один диплом уже есть, зачем второй? Ответ был прост. К тому времени Третьяку было уже понятно, что его хоккейный век заканчивается. И что же дальше? Эксплуатировать свою былую славу? Жить старыми заслугами? Нет, наш герой такого пути для себя не хотел. Он рассчитывал и после завершения ледовой карьеры жить интересной, полноценной и содержательной жизнью. Чтобы люди ценили его не как бывшего чемпиона, а как знающего специалиста, в данном случае в области идеологической работы. Без скидок за прошлые заслуги.

Однако до ухода Третьяка из большого спорта еще несколько лет, а пока он продолжает выходить на лед.

Провал в Лэйк-Плэсиде, или за что Тихонов снял Третьяка

В сентябре 1979 года сборная СССР выиграла Приз «Руде право» в Праге. Из четырех игр Третьяк отстоял в трех и пропустил 9 шайб. Мышкин провел одну игру (с финнами) и пропустил одну шайбу (4:1).

На Призе «Известий» в декабре 1979 года он защищал ворота сборной СССР в двух важнейших матчах (против шведов и чехословаков), а его сменщик Владимир Мышкин становился в ворота, когда против нас играли соперники послабее (финны и канадцы).

Во всех этих матчах победила сборная СССР и выиграла Приз. Третьяк на этом турнире пропустил 3 шайбы (одну от шведов и две от чехословаков), Мышкин — 5 (три от финнов, две от канадцев).

В конце того же декабря ЦСКА отправился в свое второе турне по Канаде и США, где провел пять игр против тамошних сильнейших клубов (еще четыре игры провели динамовцы). Третьяк отстоял все четыре игры (армейцы победили в трех играх и две проиграли) и пропустил 18 шайб.

Тем временем в феврале 1980 года подоспела зимняя Олимпиада в Лэйк-Плэсиде (США). Третья в спортивной судьбе героя нашего рассказа, причем две предыдущие он в составе сборной СССР выиграть сумел. А вот эту... Впрочем, расскажем обо всем по порядку.

Перед Олимпиадой сборная СССР провела три товарищеские игры на выезде — в ФРГ (в Гармиш-Партенкирхене и Крефельде) и США (в Нью-Йорке) против сборных этих стран. В первой игре против сборной ФРГ у нас в воротах стоял Третьяк и пропустил четыре шайбы (три во втором периоде). Наши тогда победили со счетом 7:4. Во второй игре в наши ворота встал Мышкин, который уже в первом периоде пропустил две шайбы. Но затем стоял «насухо». Итог — 4:2 в нашу пользу. Короче, не самый блестящий результат показала наша команда в игре против заведомо слабого соперника.

А вот в матче против американцев сборная СССР, что называется, разыгралась — забила 10 шайб. А Третьяк в свои ворота пропустил всего лишь три. Короче, наши ребята разгромили американцев. И скажи им тогда, что спустя всего 13 дней (матч игрался 9 февраля) эти же американцы станут олимпийскими чемпионами, обыграв в том числе и нас, никто бы не поверил. Но это случилось. Почему? Этому есть разные объяснения. Кто-то утверждает, что американцы были под воздействием допинга. Кто-то говорит, что сыграли свою роль плохие условия проживания, которые были у спортсменов на этой Олимпиаде. Кто-то уверен, что сборная США просто оказалась удачливее, чем все остальные. Наконец, некоторые убеждены, что во всем виновата сама сборная СССР, которая недоценила соперника. Короче, мнений на этот счет много. Но факт остается фактом — на тех зимних Олимпийских играх была прервана победная поступь сборной СССР по хоккею, когда она выиграла четыре Олимпиады подряд (1964, 1968, 1972, 1976). Но вернемся к зимней Олимпиаде в Лэйк-Плэсиде.

Зимние Олимпийские игры в Лейк-Плэсиде, США (1980). Памятная золотая монета

Начнем с того, что на ней всех спортсменов поселили на территории бывшей... тюрьмы. Поэтому жильё было весьма специфическое: узкая, похожая на купе спального вагона комната, двухэтажные нары, крохотное окно, забранное металлическими прутьями. Под потолком работает вентилятор. Как вспоминает В. Третьяк:

«Я считал, что меня уже ничем нельзя удивить. Где только не играл за эти годы, в каких отелях не жил! Но, прибыв в Лейк-Плэсид, мы с первого и до последнего дня не переставали изумляться. Этот посёлок, расположенный в глуши горного массива Адирондак, в пяти часах езды от Нью-Йорка, является, по-видимому, одним из самых не приспособленных на земле мест для проведения зимних Олимпийских игр. Деревенская тишина, запустение. Какие-то сарайчики, крохотные мотели. Главная улица длиной не более двухсот метров. Пресс-центр в школьном спортзале. А под Олимпийскую деревню американцы оборудовали новенькую, с иголки тюрьму.

— Неужели это была самая настоящая тюрьма? — недоверчиво спрашивали меня после возвращения из Соединенных Штатов многие люди. — Может быть, это гипербола?

Приходилось объяснять: да, тюрьма, самая настоящая, с двумя рядами колючей проволоки, с тесными камерами без окон, с насквозь простреливаемой площадкой для прогулок заключенных. Каморки, в которых мы жили по двое, были настолько крохотными, что если один человек заходил, то второму приходилось или выходить, или ложиться на нары — иначе не разойтись. Звукоизоляция практически отсутствовала: стоило Петрову в камере рядом чихнуть, как мой «сокамерник» Крутов говорил ему, не напрягая голоса, «будь здоров!». Ночами нас донимал страшный холод, приходилось спать под тремя одеялами. К тому же сну мешал надсадный вой вентиляционных моторов. Это напоминало пытку.

Камеры располагались по окружности в два яруса, а внутри круга, на площадке, которую я несколькими строками выше назвал «холлом», был устроен импровизированный клуб нашей делегации. Вообще-то это место предназначалось для надзирателей. Теперь здесь поставили несколько телевизоров, видеомагнитофон, киноустановку, проигрыватель. Здесь же с утра и до отбоя коротали время спортсмены, свободные от стартов и тренировок. Не в камерах же сидеть! Мы, хоккеисты, особенно в дни матчей, привыкли после обеда час-полтора поспать — это своеобразная форма настройки на предстоящую борьбу. Но разве уснешь, когда за стальной дверью в трех метрах от тебя, то крутят кино, то шумно чествуют чемпионов!...»

Первый матч наша сборная проводила против команды Японии. В первом периоде советские ворота защищал Третьяк и сохранил их в неприкосновенности. А его партнеры забили японцам аж восемь шайб. Потом в ворота у нас встал Мышкин, который тоже отстоял «насухо». Итог — 16:0 в нашу пользу. Хорошее начало!

Спустя два дня нам противостояли игроки сборной Голландии. Тоже легкий для нас соперник. Поэтому в воротах у нас всю игру простоял Мышкин. И пропустил четыре шайбы. А наши забили 17. Снова разгромный счет.

Потом на нашем пути возникла сборная Польши. В воротах — Третьяк. В первом периоде он пропускает всего одну шайбу, но наши забивают целых пять. Оставшиеся два периода поляки «пробить» Третьяка уже не могут. Счет — 8:1. Тоже неплохо.

Наконец, 18 февраля на нашем пути возникает первый серьезный соперник — сборная Финляндии. В воротах, естественно, Третьяк. И уже первый период мы заканчиваем 0:1 не в свою пользу. Но потом берем дальнейшее развитие матча под свой контроль и выигрываем 4:2. С трудом, но очередные два очка оказываются в нашей копилке.

Два дня спустя наша сборная играет матч с канадцами. В воротах снова Третьяк. Это была упорная игра. В первом периоде была зафиксирована ничья 1:1, а второй наши ребята проиграли 1:2. Однако в заключительной двадцатиминутке советские хоккеисты все-таки сумели переломить ход игры и забросили четыре шайбы против одной канадской. Счет — 6:4. Уф, пронесло!

Кстати, сборная Канады так и не сможет выйти в финальную стадию Игр, как и сборная ЧССР (сенсация!).

22 февраля 1980 года на лед Дворца спорта вышли сборные СССР и США. Из памяти наших ребят еще не успел выветриться результат игры, которая проходила 13 дней назад и где мы победили 10:3. И эта память сыграла с нами злую шутку, поскольку на этот раз на лед вышли совсем другие американцы. Нет, внешне они были теми же, но вот внутренне...

Американцы вышли на эту игру, имея в своем пассиве всего одно очко (ничья со шведами — 2:2). Поэтому настрой у них был победный. Как напишут чуть позже в своей книге «Один гол» Д. Пауэрс и А. Каминский: «Американцы играли так, будто на карту была поставлена их жизнь. Они сознавали, что уступают в мастерстве нашим хоккеистам, но решили компенсировать это «фантастическим желанием свалить русского медведя». В этой же книге говорится, что тренер Г. Брукс перед началом матча толковывал своим игрокам: «Вы не должны увлекаться физическим единоборством. Помните, каждый штраф лишает нас шансов на успех.

Смело принимайте приглашения русских к скоростной игре. Только не позволяйте им делать длинных прострельных передач и ни в коем случае не допускайте небрежностей в обороне. Сдается мне, что ключевым местом игры станет середина площадки».

И американские хоккеисты строго следовали этим установкам: они избегали силовых единоборств и играли в быстрый, комбинационный хоккей. Хотя поначалу игра складывалась не в их пользу: на 9-й минуте счет открыли наши хоккеисты — это сделал Владимир Крутов (лучший игрок в нашей сборной на Олимпиаде, забьет 6 шайб). Однако прошло всего лишь пять минут, как американцы восстановили равновесие: отличился Шнайдер, бросивший с острого угла и попавший в «девятку». Третьяк к такому броску оказался не готов.

Владимир Семёнович Мышкин.

Заслуженный мастер спорта СССР, вратарь. Чемпион мира 1979 года, 1981–1983 годов, 1989 года, 1990 года, бронзовый призер чемпионата мира 1985 года и 1991 года, чемпион зимних Олимпийских игр 1984 года, 1988 года, серебряный призер зимних Олимпийских игр 1980 года. Обладатель Кубка Канады 1981 года

Вдохновленные этим голом, американцы бросились в атаку. Но забиили в итоге наши — это сделал Сергей Макаров. 2:1. Но американцы не сдались. Чего не скажешь об игроках нашей сборной. Когда до конца периода

оставалось меньше минуты, им вновь сопутствовала удача. С центра поля сильно бросил Кристиан. Третьяк отбил шайбу, но не очень ловко — прямо перед собой. Правда, перед ним никого из соперников не было. Однако первым у этой шайбы, которая уже успела доскользить почти до синей линии, оказался американец — Джонсон. Он подхватил шайбу и тут же бросил по нашим воротам. И застал Третьяка врасплох. 2:1. И это за пару секунд до конца периода! Именно поэтому наши защитники застыли на синей линии и не остановили Джонсона: они думали, что он не успеет бросить. А вышло вон как.

Как пишут все те же Д. Пауэрс и А. Каминский: «Это был ключевой момент матча и всего олимпийского турнира. За десять секунд до конца первого периода Морроу подобрал шайбу в своей зоне и передал Дэйву Кристиану, находившемуся на синей линии.

Он крикнул ему, чтобы тот просто бросил в сторону Третьяка. Дескать, время периода все равно уже истекло. Кристиан сделал ничего не значивший бросок. Шайба, попав в щитки Третьяка, отскочила недалеко в поле. Оставалось три секунды. Марк Джонсон, который находился на синей линии, уже повернулся, чтобы отправиться в раздевалку. Но тут он услышал рев трибун и понял, что надо что-то делать. Он увидел расслабленные лица Первухина и Билялетдинова. В мгновение ока он прошмыгнул между ними и, оказавшись один на один с советским вратарем, сумел обыграть его кистевым броском.

Но что это? Гол или не гол? Красный сигнал почему-то не зажегся. Однако судья указывает, что гол засчитан. Оказывается, красный фонарь не зажегся, потому что уже горел зеленый, показывающий конец периода. Потом выяснилось, что надо доиграть еще одну секунду. Русские уже покинули площадку. Арбитр вновь приглашает их на лед, хотя это просто формальность. Они возвращаются... без Третьяка. Эрузионе подъехал к Бруксу: «Мышкин в воротах!». Эта новость поразила всех. Нам и в голову не приходило, что русские способны заменить Третьяка. Все были воодушевлены. Соперники, сами того не подозревая, подарили нам сильный допинг».

Да, наш тренер Виктор Тихонов, видимо, был настолько разозлен оплошностью Третьяка, что принял решение заменить его прямо на глазах у публики, всего за две секунды до конца первого периода. Это был явно демонстративный шаг, который указывал на то, что в советской сборной не все хорошо в психологическом плане. Все-таки такие поступки опытный тренер не должен допускать. Это дает моральное превосходство сопернику и в то же время деморализует твою собственную команду. Короче, в тот момент хорошие психологи наверняка сделали однозначный вывод: с таким

взаимоотношением между тренером и игроками выиграть игру невозможно. Вот тренер американцев Брукс вел себя совершенно иначе. Он сумел стать для своих игроков настоящим партнером и советчиком.

Вспоминает В. Третьяк: «Тренер заявил под горячую руку, что я подвел команду. Столько лет был незаменим, а тут «подвел»...

Конечно, я сыграл не лучшим образом, однако кто может сказать, что это было следствием моей безответственности, безволия! Я оказался не в самой боевой форме, но ведь это может случиться с каждым спортсменом (и с кем не случалось!). Быть все время в форме — это как балансировать на лезвии бритвы. Тогда, в Лэйк-Плэсиде, в силу каких-то причин обрести это состояние я не сумел. И вот за секунду до конца первого периода меня сняли с игры. Теперь я наблюдал за всем происходившим со скамейки запасных. Впервые за много лет судьба золотых медалей совсем не зависела от меня...»

Итак, второй период начался при счете 2:2. Но скоро наши снова вышли вперед — шайбу забросил Александр Мальцев. Как ни старались американцы сравнять счет, им это сделать так и не удалось. И вторая двадцатиминутка закончилась в нашу пользу. В тот момент многим показалось, что силы американцев на исходе, они ломались. Но заключительный период напрочь опроверг это мнение.

В третьем периоде американцы попросту переиграли советских хоккеистов. Они были так заряжены на победу, что остановить их было невозможно (вот почему некоторые специалисты потом предположат, что американцы находились под влиянием каких-то стимуляторов — допинга). Равновесие в игре восстановил все тот же Марк Джонсон. 3:3. А спустя всего полторы минуты (!) Майк Эрузионе вывел свою команду вперед. Наши ребята бросились отыгрываться, но, поймавшие в тот день кураж американцы, не дали им ни малейшего шанса. Отметим, что сборная СССР произвела по воротам соперника 39 бросков (против 16), однако реальных голевых ситуаций создала слишком мало.

Вспоминает В. Третьяк: «...Стиснув голову, я долго сидел в одиночестве, снова и снова переживая все случившееся.

Вернулся с ужина Володя Крутов, но когда увидел мое состояние, деликатно вышел из нашей общей каморки, оставив меня одного.

«Можно ли было взять пропущенные шайбы?» — спрашивал я себя. Да, они явно не входят в число тех, которые считаются «мертвыми», я должен был их брать. Что же произошло? Может быть, нас, ветеранов, подвело слишком сильное желание стать трехкратными олимпийскими чемпионами? Так бывает: излишнее старание сковывает, превращается в свою противоположность...

Радость американцев — они забили гол в ворота великого Владислава Третьяка. После этого гола В. Тихонов совершит роковую ошибку — сменит Третьяка и сборная СССР потеряет последний шанс выиграть Олимпиаду

Это ужасно, когда ты не оправдываешь надежд множества людей. Это так больно...

Я думал о том, что зря меня заменили после первого периода. Не мог я больше ошибиться в том матче, уверен — не мог. Володя Мышкин — превосходный вратарь, но он был не готов к борьбе, не настроен на американцев. Выходить на замену всегда очень тяжело, а в таком матче — особенно...»

После этого поражения у нашей сборной был призрачный шанс на то, что олимпийское «золото» окажется у нее. Для этого нам надо было выиграть последний матч у сборной Швеции, а американцы должны были проиграть финнам. Свою игру мы выиграли с разгромным счетом 9:2, причем в воротах у нас стоял Мышкин. Однако сборная США не собиралась упускать шанс, который им так милостиво предоставило Провидение. Поэтому финнов они обыграли 4:2. И стали чемпионами впервые после 20-летнего перерыва (с Олимпиады в Скво-Вэлли в 1960 году). Нашим досталось «серебро». Но это по тогдашним меркам было сродни поражению. Поэтому, когда советские олимпийцы вернулись на родину, в

аэропорту счастливые болельщики подхватили на руки лыжника, золотого медалиста Николая Зимятова, а хоккеистов толпа встречающих просто оттерла в сторону.

В заключение отметим, что на той Олимпиаде Третьяк сыграл три полных матча и два неполных (по периоду) и пропустил 9 шайб. Мышкин провел два полных матча и два неполных (по два периода) и пропустил 8 шайб.

Как признается уже в наши дни В. Тихонов: «Я, к сожалению, послушал тех, кто советовал мне после ошибки Владислава Третьяка на последней минуте первого периода заменить его на Владимира Мышкина. Потом я извинился перед Владиславом. Впрочем, после первого пропущенного гола комментаторы АВС отметили, что у Третьяка была не очень хорошая форма на турнире. По итогам соревнований у него оказался самый низкий процент отраженных бросков среди вратарей 6 лучших команд турнира: 84 % (42 из 50 бросков)».

В апреле 1980 года в Гетеборге (Швеция) и Хельсинки (Финляндия) впервые проводился Кубок Швеции. Туда наша сборная отправилась с Третьяком и Мышкиным, причем последний был назван тренерами первым вратарем, а наш герой — запасным. Такой сильной была обида Тихонова на Третьяка за поражение от сборной США.

Первая игра — СССР — Швеция. В воротах у нас — Мышкин. Два периода он отстоял «насухо», а в третьем пропустил две шайбы. Но наши выиграли — 7:2.

Во втором матче нам противостояла сборная Канады. В воротах советской сборной — Третьяк. Он пропустил в первом периоде одну шайбу и больше уже не пропускал. Счет — 4:1.

В третьем поединке нашей сборной противостояла команда ЧССР. Самый сильный и принципиальный соперник. На эту игру наши тренеры выставили в роли вратаря Мышкина. Он не подвел — пропустил всего лишь одну шайбу (во втором периоде). Наши с трудом, но выиграли со счетом 2:1. И выиграли Кубок Швеции.

Итак, на том турнире Мышкин и Третьяк отстояли по 2 игры: первый пропустил 3 шайбы, второй — 4.

10 мая завершился чемпионат СССР по хоккею. Чемпионские медали снова достались армейцам Москвы. Третьяк провел в том первенстве 36 матчей и пропустил 85 шайб. Александр Тыжных отстоял в 8 играх (и несколько раз выходил на замену), пропустив 33 шайбы.

Отец двух детей

После завершения чемпионата СССР хоккеисты уходили в отпуска. Не стал исключением и Третьяк, который со всей своей семьей отправился в Крым. К тому времени его дети уже успели подрасти: сыну Дмитрию было семь лет, дочери Ирине — три года. О том, как они с Татьяной их воспитывали, наш герой вспоминает следующее:

«Своих детей мы приучали убирать за собой. Это не всегда получалось. Однако мы относились к детям с уважением. Я никогда их не бил, хотя иногда, конечно, хотелось... Единственный раз трехлетнего Диму за ушко потрепал за то, что дорогу на красный перебежал. Дима до сих пор помнит. Поставили в угол — это было самым сильным наказанием... А меня в семье и ремнем били, и в углу я с палкой стоял. Поднимешь линейку или карандаш вверх и стоишь. Попробуйте вот так пять минут — руки отекают. Но я благодарен отцу за то, что он меня приучил к дисциплине, труду...

Я настаивал на том, чтобы жена не работала, занималась детьми. Татьяна, преподаватель-филолог по профессии, всю жизнь посвятила сыну и дочке. Мои дети, как и я, никогда не ходили ни в ясли, ни в детсад. Я считаю, что лучше мамы никто не воспитает. Дима и Ира учились в музыкальной школе. Сын играл в баскетбол, немножко в теннис, занимался фигурным катанием. Потом Татьяна сказала: «Мне хватит дома одного спортсмена». Не хотела, чтобы дети профессионально занимались спортом — слишком тяжелая работа. Но я и не стремился, чтобы они спортсменами стали. Главное, чтобы на улице не болтались и здоровые были.

Не только отличный спортсмен, но и семьянин. С женой Татьяной, сыном Димой и дочкой Дашей (на руках)

Это сейчас в НХЛ спортсмены живут вместе с женой и детьми, а я с семьей бывал два-три раза в месяц. Всегда подарки из-за границы привозил: вещи красивые, игрушки, бананы, киви. Три «Ролекса» продал, чтобы купить детям что-нибудь. Мы получали за матчи по пять этих часов, каждые стоили 3–4 тысячи долларов. Но мы даже таких цен не знали. Сейчас кто услышит, что я свои за 200–300 долларов отдал, скажет: «С ума сошел»... Мы с Татьяной сразу сказали: у нас не будет любимчиков. Дочку вроде и хотелось бы больше любить: девочка, младшая, к ней больше нежности. Но мы никого не выделяли... Обязательно надо воспитывать в детях человеческое отношение к животным. У нас было пять кошек и две собаки...»

Снова в игре, или Травма на ровном месте

В сентябре 1980 года сборная СССР проводила товарищеское турне по Финляндии, Швеции и Чехословакии, где провела семь матчей со сборными этих стран. На этот раз Третьяк поехал в это турне уже в качестве основного голкипера, а Мышкин был запасным. Наши выиграли шесть матчей и одну сгоняли вничью. Третьяк отстоял в четырех играх и пропустил 6 шайб, Мышкин в трех матчах пропустил 7 шайб.

В декабре был Приз «Известий», где из четырех встреч Третьяк отстоял в большинстве — в трех. В первой игре, с финнами, он отстоял «всухую» — счет был 10:0 в нашу пользу. Однако во второй игре, против сборной ЧССР, тренеры решили выпустить Мышкина. Но не потому что не доверяли Третьяку — с чехословаками у нас на турнире было две встречи, поэтому Третьяка решили приберечь на последнюю. А ту первую игру, где стоял Мышкин, наши проиграли 4:5.

В третьей игре, со шведами, в воротах снова появился Третьяк, и сборная СССР победила 2:0. А в последний день турнира, 21 декабря 1980 года, во Дворце спорта в Лужниках состоялась решающая встреча: СССР — ЧССР. На этот раз в ворота у нас встал Третьяк. И наши «раскатали» чехословаков со счетом 6:2.

Таким образом, Третьяк на том турнире пропустил в трех матчах всего 2 шайбы, а в двух играх отстоял «насухо». Короче, порох в пороховницах у него еще был.

Кстати, сразу после «Известий» наша сборная отправилась в товарищеское турне по Голландии, где провела со сборной этой страны четыре матча. Третьяк стоял в трех из них и опять сыграл «насухо» — не пропустил ни одной шайбы (11:0, 7:0, 8:0). А вот Мышкин один раз вышел на замену (в первой игре, тоже не пропустил), а вторую игру отстоял «от звонка до звонка» и пропустил две «плюхи» (10:2).

Полтора месяца спустя, когда ЦСКА играл календарную игру чемпионата СССР в Горьком, Третьяк получил травму. Причем не в матче, а,

что называется, на ровном месте. Выходя из автобуса, который привез армейцев к Дворцу спорта, Третьяк правой ногой резко шагнул вниз и вдруг почувствовал резкую боль в ступне. Оказалось, что нога со всего маха угодила... в яму. Играть в тот день он не смог. А когда сделали рентгеновский снимок, он показал — перелом. И это за два месяца до очередного мирового чемпионата. Наш герой, естественно, огорчился, зато его жена обрадовалась: хоть в таком виде, но муж целый месяц будет сидеть дома. Но она радовалась. Третьяку скучно было сидеть дома, поэтому он каждый день заказывал из клуба «скорую помощь» и ездил в ЦСКА, где в гимнастическом зале специально для него установили хоккейные ворота. Он садился на табурет, брал ловушку, а его партнер Виктор Кулькин швырял по воротам ракеткой теннисные мячи. Так они тренировались ежедневно по час-полтора. Кроме этого, дома у Третьяка установили гребной тренажер, и он работал на нем с механическими веслами по несколько часов. Короче, полноценным отдыхом тот месяц назвать было трудно.

Третьяк со своим сыном

Продолжение триумфа, или Победа в память Харламова

На чемпионат мира и Европы в Стокгольме (Швеция) в апреле 1981 года в качестве вратарей отправились Третьяк и Мышкин. И первая же игра там оказалась против той же Голландии. В воротах у нас стоял Третьяк. И вот здесь голландцы его все-таки «размочили» — забили одну шайбу. Хотя общий счет был не в их пользу — 1:10.

Во втором матче, против финнов, в наши ворота вновь встал Третьяк. И пропустил всего лишь одну шайбу, да и ту в последнем периоде. Счет — 7:1 в нашу пользу.

Потом нашим соперником была сборная Канады. И снова у нас в воротах стоял Третьяк. На этот раз фонарь за его спиной зажигался дважды. Наши победили 8:2.

Следом мы играли против шведов. Третьяк в воротах и «зевает» всего лишь один раз, в третьем периоде. Итог — 4:1.

Наконец, 20 апреля 1981 года на льду сошлись сборные СССР и ЧССР. Естественно, в воротах советской сборной стоит Третьяк. И пропускает три шайбы (по одной в каждом периоде). А его партнеры забили целых восемь. Таким образом, в пяти матчах сборная СССР одержала пять побед. Блестящий результат!

Спустя два дня наши ребята встречались с канадцами. Мышкин опять в запасе, а Третьяк в воротах. И уже в первом периоде пропускает две шайбы. Потом еще две. Та игра выдалась на редкость упорной и завершилась ничейным результатом — 4:4.

Зато матч со сборной Швеции сложился для нашей сборной на удивление легко. Только в первом периоде шведы сопротивлялись (0:0), после чего, что называется, «поплыли». И проиграли с разгромным счетом 1:13 (единственную шайбу Третьяк пропустил под занавес игры).

А 26 апреля сборная СССР снова встретила команду ЧССР. Но поскольку к тому моменту наши ребята уже досрочно завоевали золотые

медали и эта игра ничего не решала, в ворота был поставлен Мышкин. И отстоял хорошо — пропустил всего лишь одну шайбу. Правда, и наши забили столько же. В итоге — 1:1.

На этом турнире Третьяк, который чуть больше двух месяцев назад ходил с загипсованной ногой, был назван лучшим вратарем (хотя в символическую сборную вошел не он, а швед П. Линдмарк). Наш герой отстоял в 7 матчах и пропустил 13 шайб. Его сменщик Мышкин, как мы помним, появился в воротах лишь однажды и пропустил одну шайбу.

17 мая завершился чемпионат СССР по хоккею. Чемпионом стал ЦСКА, а Третьяк, сыграв всего в 18 матчах (из-за травмы), пропустил 32 шайбы. Его сменщик Александр Тыжных отыграл 26 матчей и пропустил 66 шайб.

В августе в Праге состоялся очередной турнир на Приз «Руде право». Победили опять наши, выиграв все четыре матча. Третьяк отстоял в трех и пропустил всего 4 шайбы (Мышкин сыграл один матч и пропустил 3 шайбы).

А в конце того же августа сборная СССР отправилась за океан — на 2-й розыгрыш Кубка Канады. Спустя несколько дней (27 августа) из Москвы прилетело трагическое известие: в Москве в автомобильной катастрофе погиб Валерий Харламов. Один из друзей Владислава Третьяка — они вместе начинали играть в ЦСКА в середине 60-х. По словам Третьяка:

«Мы начинали с Валерой еще в юношеской команде — он и там был ярче всех. Его талант, как говорят, от Бога. Сколько раз я с восхищением наблюдал за тем, как легко он обводит соперников. Харламову удавалось буквально все: и скоростной маневр, и хитроумный пас, и меткий удар. И все это будто играючи — легко, изящно...»

Тот Кубок Канады наша сборная выиграла, посвятив эту победу памяти Валерия Харламова.

Первая игра состоялась 1 сентября, причем противником нашей команды была сборная ЧССР. Игра выдалась упорной. Только во втором периоде команды обменялись шайбами, после чего голов больше не случилось. 1:1.

Затем наши играли со шведами. У нас в воротах стоял Третьяк. И свою первую шайбу в этой игре пропустил только во втором периоде. Потом пропустил еще две. Но в итоге наши победили со счетом 6:3.

Следом шла игра против сборной США. И снова Третьяка его соперники сумели «распечатать» лишь во втором периоде, да и то единожды. И наши выиграли 4:1.

Одну шайбу наш герой пропустил и в матче против сборной Финляндии, где он снова был «пробит» только во второй двадцатиминутке.

Итог — 6:1 в нашу пользу.

Наконец, 9 сентября 1981 года на льду сошлись сборная СССР и Канады. В воротах у нас стоял Мышкин, а Третьяку дали отдохнуть. И уже в первом периоде Мышкин пропустил одну шайбу. Во втором — еще одну. Короче, к третьему периоду счет на табло был ничейный — 2:2. Однако в последней двадцатиминутке наши ребята дрогнули, и за воротами Мышкина фонарь зажигался аж пять (!) раз. Итог матча — 7:3 в пользу канадцев.

Спустя два дня наши ребята вышли играть против чехословаков. Еще одна принципиальная игра, но она сложилась для нас не столь драматично, как предыдущая. Ворота у нас защищал Третьяк, который свою единственную шайбу пропустил лишь под занавес игры. Наши выиграли 4:1.

Победу в Кубке Канады-81 сборная СССР посвятила памяти трагически погибшего Валерия Харламова.

На фото он изображен в минуту своего триумфа на Суперсерии-72

А 13 сентября состоялась решающая игра турнира между командами СССР и Канады. Естественно, что в наших воротах появился Третьяк. И первый период отстоял «насухо» — 0:0. Во второй двадцатиминутке он «зевнул» лишь однажды, но его партнеры огорчили канадского голкипера трижды. А в третьем периоде почти зеркально повторилась история из первого матча с канадцами, но уже в противоположную сторону. Теперь уже наши ребята «напихали» канадцам пять шайб, не пропустив в свои ворота ни одной. Итог встречи — 8:1. Полный разгром хваленых канадских профессионалов. Победа в знак памяти Валерия Харламова состоялась.

Вспоминает В. Третьяк: «В 1981 году мы играли на Кубок Канады. Финальный матч, у нас шикарная команда. Побеждаем канадцев 8:1. Объявляют: лучшему нападающему — перстень в 10 тысяч долларов, с бриллиантами. А я лучший игрок турнира, ну, думаю, что же дадут? Блин, какие-то часы. Фирма «Картье», президент вручает. Я расстроенный. Ну, думаю, Гретцки — перстень, а иностранца можно и обидеть, ерунду дарят. Кто-то из наших ребят в раздевалке сказал, что часы стоят 12 тысяч долларов, но не поверил и только в аэропорту убедился — там в магазине такие же на витрине были выставлены...

Уже дома, в Москве, меня встретила во дворе старушка соседка.

— Ой, сынок, да ты ведь Третьяк?

— Да, бабуля.

— Дай я тебя поцелую. Я ведь, когда вы играли с этими супостатами, телевизор крестила. А когда вы их одолели, даже заплакала. Это же надо, наш советский гимн где пели!..»

Мировое «золото»

В декабре 1981 года подоспел Приз «Известий». И снова Третьяк был основным вратарем. Наши ребята выиграли все четыре матча, а Третьяк отстоял в трех — пропустил 6 шайб. Мышкина поставили лишь однажды (против шведов), он пропустил 2 шайбы (4:2).

Потом было турне по Голландии, где Третьяк уже не смог отстоять в «сухую», как в прошлом году — в трех своих встречах пропустил-таки три шайбы (Мышкин в трех играх «прозевал» 6 голов).

А в феврале игрались матчи турнира на Приз чехословацкой газеты «Руде право». Игры проводились в Праге, их было два и оба против сборной хозяев турнира. В первой игре у нас в воротах стоял Третьяк. И уже в первом периоде пропустил две шайбы, в то время как наши забили только одну. Но два следующих периода наши ребята провели гораздо лучше. В том числе и Третьяк, пропустивший всего лишь одну шайбу. Итог — 5:3 в нашу пользу.

Во второй игре наши тренеры доверили честь защищать ворота сборной СССР Мышкину. И он в каждом периоде пропустил по одной шайбе. Но его партнеры забили в два раза больше. Счет — 6:3. Приз достался советской команде.

В апреле 1982 года Третьяк отправился на свой 12-й по счету чемпионат мира и Европы. На этот раз он проходил в Финляндии (Хельсинки, Тампере).

Первая игра — против сборной Италии. Третьяк отстоял два периода, не пропустив ни одной шайбы, Мышкин — последние 15 минут, пропустил две «плюхи». Счет — 9:2.

Потом был матч со шведами. В воротах у нас Третьяк. Пропускает две шайбы в первой двадцатиминутке (2:2), затем еще одну под занавес игры. Наши победили 7:3.

А в третьей игре турнира нам досталась команда ЧССР. Третьяк пропускает в первом периоде (одну шайбу) и во втором (две). Затем стоит

как непробиваемая скала. И сборная СССР побеждает 5:3.

На игру против финнов наши тренеры снова выставили Третьяка. И держали его в воротах даже тогда, когда к третьему периоду счет стал 6:1 в нашу пользу. Наши выиграли 8:1.

Даже в следующем матче, против сборной США, Мышкин продолжал сидеть на скамейке запасных, а Третьяк пахал на льду. К третьему периоду наши вели 5:2, но Третьяка опять не заменили. Так он и отстоял до финальной сирены, а счет на табло был 8:4 в пользу советской команды.

Еще более удивительным было то, что и на матч против ФРГ выставлен был Третьяк. И стоял все шестьдесят минут, не пропустив ни одной шайбы (7:0).

А впереди был матч с канадцами — один из самых для нас трудных на турнире. Естественно, что наши ворота защищал все тот же Третьяк — седьмую игру подряд. И пропустил одну шайбу в первом периоде и две в третьем. Наши с трудом одолели родоначальников хоккея со счетом 4:3. А на следующий день (25 сентября) жребий снова свел их вместе. И снова игра выдалась упорной. К началу третьего периода счет был весьма шаткий — 4:3 в нашу пользу. Но в последнем периоде выяснилось, что у наших ребят мастерства побольше. Они и выиграли со счетом 6:4.

Плакат «Великолепная пятерка». СССР

И только в девятом матче сборной СССР на турнире в наших воротах появился Мышкин. И то потому, что к тому моменту наши уже сумели стать досрочными победителями турнира. Это была игра против шведов. Наш голкипер отстоял превосходно и ни разу не позволил зажечь фонарь за своими воротами. Табло зафиксировало победу сборной СССР со счетом 4:0.

А 29 апреля состоялась игра между сборными СССР и ЧССР. У нас стоял Мышкин по той же причине — все было уже решено: у сборной СССР

было 18 очков, у чехословаков — 11. Это была самая нерезультативная игра между этими командами за всю историю. Счет был футбольный — 0:0.

Итак, Третьяк на том турнире отстоял в 7 играх и пропустил 13 шайб. Владимиру Мышкину досталась всего лишь две игры, в которых он пропустил один гол. Для Третьяка это было уже девятое «золото» мирового чемпионата, для Мышкина — третье.

Последнее мировое «золото» Третьяка

В мае 1982 года закончился чемпионат СССР по хоккею. ЦСКА снова был сильнейшим. Наш герой провел 41 игру и пропустил 65 шайб. Его сменщик Тыжных отстоял полностью три игры (и выходил на замены), пропустив 22 шайбы.

А в сентябре сборная СССР отправилась в Прагу, где начался первый этап очередного турнира на Приз «Руде право». Первая игра была против хозяев, сборной ЧССР. У нас в воротах Третьяк.

На этот раз футбольного счета не получилось, поскольку обе команды были хорошо мотивированы. В первом периоде Третьяк «зевнул» лишь один раз, но во втором это случилось уже трижды. И к началу третьего периода счет был 5:4 в нашу пользу. Хозяева были настроены самым решительным образом и рассчитывали в заключительной двадцатиминутке дожать наших. Но им помешал это сделать Третьяк, который стоял в воротах как скала. В итоге его так и не «пробили», а наши забили еще две шайбы. Счет — 7:4.

Во второй игре против сборной ЧССР наши ворота защищал Мышкин. И пропустил всего лишь две шайбы. А наши забили четыре. Вторая победа на турнире.

Продолжение турнира состоялось в первой половине декабря, на этот раз в Швеции. Так, в городе Евле сборной СССР противостояла команда Швеции. Место в наших воротах занял Третьяк. И пропустил всего лишь две шайбы во втором периоде. Наши, в свою очередь, забили шведам четыре. Третья наша победа на турнире.

На следующий день состоялась еще одна игра между этими же соперниками. Теперь наши ворота защищал Мышкин. И пропустил три шайбы. Столько же забили и его партнеры. 3:3. Продолжение турнира должно было проходить в следующем году. А пока в том же декабре в Москве прошел другой «газетный» турнир — на Приз газеты «Известия».

В первом матче нам досталась в соперники команда ФРГ. В ворота встал Третьяк. И пропустил две шайбы в первом периоде. Больше немцы его

«пробить» не смогли. Счет — 6:2.

В игре против финнов наши ворота защищал Мышкин. И пропустил три шайбы (по одной в каждом периоде). Наши выиграли со счетом 6:3.

Потом была игра со шведами. Соперник серьезный, поэтому в наши ворота встал Третьяк. Ох, и досталось же ему. В первом периоде он отстоял «сухим» (1:0), зато в двух последующих шведы забили ему по две шайбы. И наши с трудом победили 5:4.

22 декабря состоялась решающая игра — со сборной ЧССР. Но она получилась менее драматичной. Уже в первом периоде наши забили четыре шайбы, а чехословаки смогли забить Третьяку лишь одну. Во втором периоде наши вели 6:4. А в заключительной двадцатиминутке сопротивление сборной было сломлено окончательно тремя безответными шайбами. 9:4. Приз «Известий» в очередной достался нашей сборной. В 13-й раз (трижды его получали чехословаки).

На «Известиях-82» Третьяк стоял в трех матчах и пропустил 10 шайб. Мышкину досталась одна игра (с финнами) и три пропущенные «плюхи».

В феврале 1983 года состоялся второй этап турнира на приз «Руде право». Он проходил в Финляндии. Сборная СССР сыграла два матча со сборной этой страны. В первой игре была зафиксирована ничья 3:3 (у нас стоял Третьяк), во втором наши выиграли 7:3 (стоял Мышкин).

Владислав Третьяк. 1984 г.

А в апреле подоспел чемпионат мира и Европы, который проходил в Дортмунде, Дюссельдорфе и Мюнхене (ФРГ). Вратарями туда поехали все те же Третьяк и Мышкин. Причем накануне этого турнира советская сборная провела две товарищеские игры со сборной ФРГ на ее территории — в Гармиш-Партенкирхене и Мангейме. Причем обе встречи наши ребята выиграли, но приложив к этому максимум сил. А ведь совсем недавно, в 70-е годы, западногерманская сборная считалась для нас легким соперником, которая почти никогда не доставляла нам особенных хлопот. Но в этом случае...

В первой игре, в которой наши ворота защищал Третьяк, немцы выиграли первый период со счетом 1:0. Во втором советские хоккеисты все-таки сумели склонить чашу весов в свою сторону, забив три безответные

шайбы. Но в заключительной двадцатиминутке немцы опять выиграли со счетом 1:0. Таким образом, наши хоть и победили в этом матче, но с минимальным перевесом в одну шайбу — 3:2.

Во второй игре в наших воротах стоял Мышкин. Но в этом случае наши хоккеисты сделали правильные выводы из предыдущей игры и уже в первом периоде выигрывали 4:1. Второй период остался за немцами (1:0), в третьем наши ребята выиграли с тем же счетом. Итог — 5:2 в нашу пользу.

Чемпионат мира начался для нашей команды 16 апреля с матча опять же против немцев, но уже восточных — команды ГДР. В воротах стоял Третьяк. И снова эта игра не стала легкой прогулкой для сборной СССР. Например, после первого периода счет на табло был «сухой» — 0:0. И только во втором периоде советская сборная сумела «распечатать» ворота соперников, выиграв эту двадцатиминутку со счетом 2:0. В третьем периоде мы забили еще одну шайбу. В итоге сборная СССР победила восточных немцев со скромным счетом 3:0.

С таким же счетом закончился наш матч с финнами, в котором опять стоял Третьяк. Таким образом, после двух матчей герой нашего рассказа сумел оставить свои ворота в неприкосновенности. Однако на третью игру, против канадцев, его не поставили, выпустив Мышкина. И он пропустил первые наши шайбы на том чемпионате — две штуки. Общий итог — 8:2 в нашу пользу.

Затем была игра против сборной ФРГ, и в наши ворота вновь вернулся Третьяк. И что вы думаете? Снова сохранил их в неприкосновенности. А его партнеры «накидали» соперникам целых шесть шайб (6:0).

И только 23 апреля, в Дортмунде, в игре против сборной ЧССР, Третьяка наконец «размочили». Причем случилось это в первом же периоде. Однако в двух последующих наш вратарь снова стоял как неприступная скала, не позволив больше зажечься за своей спиной фонарю. И наши выиграли 5:1.

В игре против сборной Италии в ворота сборной СССР встал Мышкин. В первом периоде пропустил одну шайбу и больше итальянцев не порадовал. Окончательный счет на табло — 11:1.

Затем на нашем пути возникла сборная Швеции. Советские тренеры решили выпустить против них Мышкина. Он пропустил три шайбы, но его партнеры забили на две больше. 5:3 — наша сборная продолжает уверенно лидировать на чемпионате.

А спустя два дня (28 апреля) жребий снова свел на льду сборные СССР и Швеции. На этот раз у нас в воротах стоял Третьяк. Вы не поверите, но он снова вышел «сухим» из этой баталии — не пропустил ни одной шайбы, хотя шведы дрались яростно. Но проиграли 0:4.

Еще через два дня наши ребята играли свою вторую игру против чехословаков. В воротах стоял Третьяк. Здесь отстоять «насухо» ему не удалось — один раз он все-таки «зевнул». Но и его визави, вратарь сборной ЧССР Иржи Кралик, поступил так же. Итог — ничья 1:1. Наши досрочно стали чемпионами. Поэтому в своей последней игре на турнире, против канадцев, могли бы и расслабиться. Но не сделали этого. У нас в воротах стоял Третьяк, который пропустил всего лишь две шайбы (в первом и последнем периодах). Наши выиграли 8:2.

Итак, на ЧМ-83 Третьяк провел 7 игр и пропустил всего 4 шайбы, Мышкин — 3 игры и 6 шайб. Герой нашего рассказа был не только назван лучшим вратарем турнира, но и вошел в символическую сборную, которая выглядела так: вратарь — В. Третьяк (СССР); защитники — В. Фетисов, А. Касатонов (оба — СССР); нападающие — С. Макаров, И. Ларионов, В. Крутов (все — СССР).

Это был последний чемпионат мира и Европы с участием Владислава Третьяка. Однако впереди была еще зимняя Олимпиада.

Сборная СССР — победитель зимних Олимпийских игр в Сараево (1984)

Четвертая Олимпиада

8 мая завершился 37-й чемпионат СССР по хоккею. Снова золотые медали достались ЦСКА. Третьяк провел 29 игр и пропустил 40 шайб. Тыжных на этот раз досталось 15 матчей, в которых он пропустил 33 шайбы.

В том 1983 году в СССР приехал знаменитый канадский бомбардир Уэйн Гретцки. Причем приехал не один, а с киногруппой: они снимали эпизоды для фильма из серии «Чемпионы». И Третьяк пригласил канадца к себе в гости — в свою квартиру на улице Правды (по сценарию, Гретцки и Третьяк должны были мирно беседовать за чашкой чая). Подходят они к пятиэтажке, а Гретцки и спрашивает: «Владислав, это весь твой дом? Зачем тебе такой большущий». Когда разобрались, то долго смеялись. И они весь вечер провели за столом, причем пили не только чай (в кадре), но и водку (за кадром).

В сентябре Третьяк в составе сборной выиграл турнир «Руде право» в Праге. Сыграл два матча против сборной ЧССР и пропустил в каждом матче по три шайбы (5:3, 4:3). А на Призе «Известий» в декабре, который наши ребята тоже выиграла, отстоял все четыре игры (Мышкин вышел лишь однажды на замену) и пропустил в свои ворота 7 шайб. Очень хороший показатель.

А в январе 1984 года, во время турне нашей сборной по ФРГ, в команду впервые был приглашен новый вратарь — Александр Тыжных, который, как мы помним, был сменщиком Третьяка в ЦСКА. Александр сыграл всего в одном матче против сборной ФРГ и пропустил 4 шайбы (12:4). Больше его в ворота не ставили, предпочитая доверять прежнему тандему в лице Третьяка и Мышкина.

В феврале в Сараево (Югославия) прошли 14-е зимние Олимпийские игры. Это была третья Олимпиада для героя нашего рассказа. Отметим, что из тех, с кем он когда-то впервые участвовал в таких соревнованиях (его первой Олимпиадой были игры в Саппоро в 1972 году), в сборной СССР

никого больше не осталось. Должен был поехать Александр Мальцев, но его в последний момент решили «открепить» по сугубо личным мотивам. Именно поэтому Третьяк был знаменосцем советской олимпийской делегации.

Кстати, на эти соревнования жена снабдила Третьяка... любовным посланием. У них была такая традиция: перед крупными соревнованиями Татьяна писала мужу письмо, а он по приезде распечатывал его, читал, и это помогало ему держать себя в нужном тоне. Чтобы читателю стало понятно, что это были за письма, приведем то из них, что Третьяк привез с собой в Сараево:

«Здравствуй, мой милый, мой любимый, мой дорогой! Сейчас ты читаешь эти строки. Еще впереди все трудности, тяжелые встречи на льду с грозными соперниками. Ты полон трепета, нетерпения. Тебе хочется броситься в бой, чтобы побыстрее закончились все предстартовые мучения. Вся борьба и радость еще впереди. Знаю, наши ребята — отважные, мужественные, волевые мужчины. Я просто не сомневаюсь в вашей трудной, но такой дорогой победе! Ты, мой любимый, не волнуйся напрасно. Все будет хорошо, даже отлично! Сейчас нет ни тени страха, тревоги в глубине моего сердца. Однако страшно переживаю, когда вижу по телевизору волнение на твоём лице. В эти мгновения мне хочется отдать все свои силы, лишь бы помочь тебе быть всегда спокойным и уверенным!

Ты далеко. Но знай, что я рядом с тобой, любовь моя! Молю Бога, чтобы Он помог тебе в трудный час. Чтобы за труды, старание, терпение, отвагу и мужество, за твою несгибаемую волю к победе, доброту и порядочность, самоотверженность от жизненных соблазнов, за твою прекрасную и чистую любовь к людям, ко мне, детям, ты, родной, был вознагражден по заслугам. Я не сомневаюсь в тебе, любимый. Как же это прекрасно, когда в человеке невозможно усомниться! Когда веришь ему, как Богу! Когда с радостью отдаешь ему всю свою жизнь без остатка! Это очень здорово, что на свете есть такое чувство, как любовь!..

Навеки твоя половинка — вечно ждущая тебя, покорная и трепетная...»

Согласитесь, редкая женщина способна вот таким образом поддерживать своего супруга. В случае с Татьяной Третьяк мы видим пример именно такой женщины. Поэтому можно смело сказать, что славой, которую герой нашей книги сумел завоевать на мировых аренах, он в значительной степени обязан и своей любящей и терпеливой супруге.

Но вернемся к Олимпиаде в Сараево, где наши хоккеисты были лучше всех и реабилитировались за провал 1980 года в Лэйк-Плэсиде. Впрочем, расскажем обо всем по порядку.

Первым нашим соперником была сборная Польши. За всю историю их встреч поляки лишь однажды сотворили сенсацию — выиграли у нас 6:4 на чемпионате мира и Европы, который проходил на их земле — в Катовице. Больше наши ребята полякам таких подарков не делали. Вот и на Олимпиаде-84 сборная Польши была бита со счетом 12:1 (единственную шайбу Третьяк пропустил в первом тайме, когда поляки еще хоть как-то сопротивлялись).

Следующая игра — против сборной Италии. Соперник такой же слабый, как и поляки, поэтому в воротах у нас стоял Мышкин. Однако их мы победили с более скромным счетом — 5:1 (единственную шайбу наш вратарь пропустил во втором периоде). После этой игры Тихонов высказал неудовольствие своим подопечным: дескать, мало забиваете. В итоге на следующей игре они это пожелание учли.

Советские болельщики на трибунах Олимпиады в Сараево

В тот день нам противостояла хозяйка Олимпиады, сборная Югославии — тоже нам не ровня. В наши ворота встал Третьяк и пропустил (опять же во втором периоде) всего одну шайбу. Зато наши ребята забили целых девять. Учли просьбу своего тренера.

Четвертый матч наша сборная играла против команды ФРГ. Третьяк снова встал в ворота и опять пропустил одну шайбу. Его партнеры по команде забили шесть голов, добыв очередную по б еду.

Следующая игра — против шведов. Первый серьезный соперник на пути нашей сборной на той Олимпиаде. Но мы этого серьезного уложили на лопатки даже легче, чем всех остальных, менее грозных. Под водительством Третьяка сборная СССР одержала победу со счетом 10:1.

Следом шли канадцы, которых наша дружина, ворота которой защищал Третьяк, победила со счетом 4:0.

19 февраля состоялся финальный матч турнира. Кстати, многие мечтали, что в финале сойдутся сборные СССР и США, повторив тем самым ситуацию четырехлетней давности. Сами хоккеисты США очень этого хотели и весьма тщательно готовились к этой Олимпиаде и к возможной встрече с советской сборной. Они сыграли около 80 матчей, в том числе и с нашими командами: второй сборной и «Крыльями Советов». В Сараево американские туристы бойко раскупали билеты на финал, уверенные в том, что там их ждет очередной триумф — сборная США «умоет» русских. Однако американские хоккеисты сами сорвали этот поединок. Они проиграли канадцам, чехословакам, а потом сыграли вничью с норвежцами, после чего от досады... разбили свои клюшки об лед. В итоге в финал вышла сборная Чехословакии, которая в своей подгруппе заняла первое место, выиграв, как и мы, все пять матчей (американцев она обыграла 4:1). И вот теперь лидеры двух групп встречались между собой, чтобы разыграть золотые и серебряные медали турнира. У чехословаков в воротах стоял молодой (24 года) вратарь Яромир Шиндел — восходящая звезда их хоккея. Однако наш опытный Третьяк оказался посильнее. Шиндел пропустил две шайбы, наш герой — ни одной.

Вспоминает В. Третьяк: «В последний день Олимпиады мы вышли на лед, зная, что наша золотая медаль, если удастся ее завоевать, позволит сборной СССР занять первое место в неофициальном общекомандном зачете. Надо было постараться.

Тихонов дал общую установку на матч. А затем отозвал меня в сторону: — Боюсь перенастроить ребят, Владик. Собери сам команду, поговори по душам, без высоких слов.

Тренеры волновались не меньше нашего. И Тихонов, и Юрзинов оба осунулись, почернели. Матч, который нам предстояло сыграть, подводил итог их напряженному четырехлетнему труду. Правильным курсом они шли или ошибались?

И вот мы собрались без тренеров. На правах самого старшего и опытного я взял слово:

— Ребята, вся Олимпиада была интересной для зрителей, но вы знаете, как ждут наши болельщики хоккейной победы. Я вижу, что многие дебютанты очень волнуются. Это естественно. Для меня эта Олимпиада

четвертая, а волнуясь, как в первый раз. Важно, чтобы мы помогали друг другу, быстро исправляли ошибки, если они появятся.

Я всматривался в знакомые лица, думая о том, что как же трудно пришлось парням в минувшие дни! С тяжелыми травмами заканчивали турнир Макаров, Ларионов, Тюменев. Врач нашей сборной сбился с ног, восстанавливая боеспособность команды. Кстати, несколько дней спустя Борис Сапроненков в интервью корреспонденту газеты «Советский спорт» скажет: «Когда-то мне довелось работать с лыжниками. Уж в чем в чем, а в терпении им не откажешь. Но у хоккеистов терпение особого свойства. Это терпение к боли, к травмам. Иному игроку наложишь в перерыве несколько швов, и он как ни в чем не бывало вновь выходит на лед. Вот такие они — наши ребята. На тривиальные синяки и шишки они просто не обращают внимания. Считается, что если их не получил, значит, играл не в полную силу».

После нашего собрания некоторые спортивные руководители тоже изъявили желание побеседовать с командой и с каждым игроком в отдельности — так сказать, для поднятия морального духа. Но это была бы уже «накачка», а она ничего хорошего не сулит. Тихонов проявил твердость, не допустив более никаких призывов и уговоров. Как опытный психолог (а хороший тренер обязательно должен быть психологом), он по нашим лицам угадал стопроцентную внутреннюю сосредоточенность каждого игрока, настрой на полную самоотдачу. «Накачка» могла вызвать раздражение, а у молодых хоккеистов — скованность. Тарасов, помню, в таких случаях не подпускал к команде никого из посторонних, какие бы высокие посты они ни занимали. Точно так же поступил и Тихонов.

Не стану подробно описывать матч: он еще у всех в памяти. 2:0 — таков его счет. Зрелищно это была не самая интересная встреча, однако по внутреннему напряжению поединок, безусловно, выдающийся. В первом периоде вратарь Шиндл стоял хорошо, но все же не уберег свои ворота от снайперского броска Кожевникова, который, кстати, был включен в олимпийскую сборную в последний момент. Во втором периоде удачным оказался кистевой бросок Крутова в дальний угол. Две ошибки защиты — два гола. А наша оборона в тот день действовала безошибочно...»

На той Олимпиаде Третьяк провел 6 игр и пропустил 4 шайбы. Его сменщику — Владимиру Мышкину — доверили одну игру, в которой он пропустил одну шайбу.

Музей-усадьба Архангельское — любимое место В. Третьяка

Последние матчи, или Коньки на гвоздь

После Олимпиады Третьяку от Министерства обороны дали ордер на новую трехкомнатную квартиру. Причем поначалу планировалась четырехкомнатная (в ЦК КПСС и в Моссовете были согласны), однако против выступило Министерство обороны: дескать, майор (а у Третьяка тогда было это звание) не может жить в четырехкомнатной — не дорос.

Тогда же ему предлагали уехать играть в Канаду, встать на драфт. Он мечтал играть в «Монреаль канадиенс» и был вполне к этому готов, поскольку считал, что у себя на родине уже всего добился: 13 раз был чемпионом СССР, дважды выигрывал Кубок СССР (1969, 1973), 3 раза — Олимпийские игры, 10 раз — чемпионаты мира и 9 раз — Европы.

В нем еще были силы лет на пять полноценной игры, но играть хотелось именно в Канаде. Однако его не отпустили, хотя канадцы предлагали советским властям хорошие деньги — миллион долларов.

Итак, не уехав в Канаду, Третьяк продолжал тренировки на родине. Правда, это уже не доставляло ему никакого удовольствия. От хоккея он откровенно устал. Даже в любимом Архангельском, где была база ЦСКА, ему становилось неуютно. По его же словам:

«В Архангельском теперь многое изменилось. Хоккеисты живут в трехэтажном кирпичном доме, где есть и сауна, и медицинские кабинеты, и видеомагнитофон. Но традиции времен Локтева и Фирсова остались прежними, и в этом — одна из причин стабильных успехов клуба.

Уже давно рядом не было никого из тех, с кем я начинал. Это тяжело, особенно когда выпадали часы отдыха. У молодых ребят свои интересы, свои любимые фильмы и мелодии. Меня уже не радовали ни рыбалка, ни шахматы, ни кино...

Обычно коротал время в разговорах с массажистом Сергеем Чекмаревым — он ближе по возрасту. Или уходил в гости к политработнику Юрию Евгеньевичу Данилову, который когда-то помогал мне подготовиться к экзаменам в Военно-политической академии...

Я прощался со старым парком в Архангельском. Ровно 16 лет назад я впервые с робостью переступил порог деревянного одноэтажного павильона, где жили тогда армейские хоккеисты (сейчас там клуб и администрация санатория).

Каждый уголок этого старинного парка мне знаком. Вот здесь, на берегу Москвы-реки, я любил сидеть с удочкой, замороженно наблюдая за поплавком. Плотва, подлещики, а в запруде карпы — рыба тут знатно клевала.

Однажды с Колей Адониным удили на живца. И поверите, такой судак у меня с крючка сорвался, что в азарте я сам за ним в реку полетел!

А вот эта горка памятна другим. Здесь Тарасов проводил тренировки по атлетизму. Утопая по пояс в снегу, бегали вверх-вниз.

Сюда, в Архангельское, любили приезжать артисты, наши верные армейские болельщики. С нами много лет дружат космонавты, писатели, ученые. Перед трудными поединками армейцев напутствуют ветераны войны, легендарные герои нашей Родины.

Это тоже была часть жизни в Архангельском. И очень важная! После таких встреч хотелось трудиться еще ответственной. Неверно думать, что именитые гости только лишь расширяли наш кругозор — нет, это не так. Общение с истинно интересными, яркими людьми всегда духовно обогащает, заставляет внутренне подтягиваться, еще строже относиться к своему делу.

Но вернусь в своих воспоминаниях на те тропинки знаменитого парка, которые вновь выведут нас к старому деревянному павильону. Там — истоки. Там — все, из чего потом выросла моя биография.

Обычно все эти годы я жил в одной комнате с кем-то из вратарей. И только в последнее время эта традиция стала нарушаться. Руководство команды старалось селить меня в одноместном номере, без соседей. Это вовсе не дань заслугам, как может показаться. Я никогда не просил для себя никаких привилегий, да и жить вдвоем веселее, чем одному. Но наш доктор решил, что так мне легче настраиваться на матчи. Доктор видел, как сдают мои нервы...»

Между тем в апреле 1984 года Третьяк в составе сборной СССР участвовал в Кубке Швеции. Тот турнир наши ребята проиграли, заняв 2-е место после чехословаков. Третьяк провел 2 игры и пропустил 8 шайб. Причем только от чехословаков их было целых 7 штук (2:7). Это было крайне неудачное выступление и сборной, и Третьяка. Хотя в чемпионате СССР ЦСКА в том же апреле в очередной раз взял золотые медали. Правда, на долю Третьяка досталось 22 матча (меньше было в 1968/1969 — 3 и в

1980/1981 — 18), он пропустил 40 шайб. Самое интересное, у его сменщика Тыжных были те же самые показатели: 22 игры и 40 пропущенных шайб.

На этой ноте Третьяк и пришел к решению повесить коньки на гвоздь.

Когда стало известно, что Третьяк завершил игровую карьеру, тренер сборной Канады 80-х годов Дэйв Кинг отозвался на это следующим образом: «Я видел хороших вратарей. Видел отличных. Но не видел голкипера, кроме вашего Третьяка, который был бы в форме всегда»

По его же словам:

«Я ушел, потому что психологически надорвался. Ничего интересного не было. Четыре Олимпиады. Я десятикратный чемпион мира. Я сказал Тихонову, что, если я буду жить дома, а не на сборах, я поиграю. Он говорит: «У нас дисциплина, никаких исключений».

16 лет в маленькой комнате в Архангельском жить — ни семьи, ни детей — очень сложно. Мы завидовали простым людям.

Мы были искусственно созданы и выращены, только чтобы играть в хоккей. Я еще такой дисциплинированный — не убегал никогда. И в 32 года устал. Если бы я поехал в НХЛ, где щадящий режим, я бы поиграл...»

Когда стало известно, что Третьяк завершил игровую карьеру, тренер сборной Канады 80-х годов Дэйв Кинг отозвался на это следующим образом:

«Я видел хороших вратарей. Видел отличных. Но не видел голкипера, кроме вашего Третьяка, который был бы в форме всегда. Любой другой при настолько надежной обороне, какой обладали русские, «поплыл» бы... Владислав всегда был готов к контратаке. Хоть, случалось, по 7–8 минут по вашим воротам бросков не делали. После чего Третьяк отражал три броска подряд, с добиванием. Это казалось невероятным. Второго такого голкипера нет».

Прощальный матч Владислава Третьяка (а также Александра Мальцева и Валерия Васильева) состоялся 22 декабря 1984 года. И вновь послушаем его собственный рассказ об этом событии:

«22 декабря 1984 года я в последний раз вышел на лед и занял место в воротах. Это был необычный матч — прощальный. Большой хоккей провожал защитника Валерия Васильева, нападающего Александра Мальцева и меня, вратаря. Мы почти одновременно стали играть в командах высшей лиги и в сборной страны. Знали друг друга больше 15 лет. И теперь вместе расставались со льдом. Естественно, каждый из нас волновался. Все-таки это был наш последний матч! И поэтому очень хотелось сыграть на уровне, блеснуть мастерством. А соперники у нас были очень серьезные. Впервые против советских хоккеистов выступала сборная Европы, составленная из лучших мастеров национальных команд континента, участвовавших в московском международном турнире на приз «Известий».

Мы знали, что нам предстоит играть в этом матче всего десять минут чистого времени. Потом игру остановят, и состоятся официальные проводы. В воротах я не стоял уже почти полгода. И чтобы теперь быть в форме, упорно тренировался несколько дней по индивидуальному плану. Ведь, что ни говори, шайба маленькая, юркая — влетит в ворота и не заметишь. Сами понимаете, что остаться в этой последней игре «сухим», непробиваемым было для меня делом особой чести.

В раздевалке побыстрее надел хоккейную маску, чтобы товарищи по команде не видели, что я волнуюсь больше обычного. Диктор по стадиону объявил: «Ворота защищает Владислав Третьяк. В защите — Валерий Васильев. В нападении — Александр Мальцев».

И вот шайба вброшена. Волчком закрутилась она на льду. Я сразу стал спокойнее. Окончательно обрел уверенность, когда отразил приличную

атаку.

Как ни старались наши соперники загнать шайбу в мои ворота — не смогли.

Васильев и Мальцев в этом последнем матче тоже не уронили марку. Валерий всегда был для нас образцом хоккейной силы. Знаменитый Бобби Халл как-то признался, что когда к нему приближался Васильев, хотелось побыстрее избавиться от шайбы. А Александр? «Если бы Мальцев стал футболистом, а не хоккеистом, он, наверное, был бы знаменит не меньше «Летучего голландца» Круиффа», — заметил однажды заслуженный тренер СССР А. И. Чернышев. В том последнем матче мы снова увидели их такими, какими знали всегда. Во второй половине десятиминутки Валерий Васильев, организуя оборону, «припечатал» к бортику настырного нападающего из сборной Европы и, отобрав у него шайбу, быстро по прямой отдал точный пас Мальцеву. Нам очень хотелось, чтобы Мальцев «взорвался», перехитрил защитника и обязательно открыл счет. Он «взорвался», перехитрил защитника. Но вместо броска по воротам неожиданно отдал шайбу Светлову, который находился в более выгодной позиции. Даже вратарь соперников не ожидал такого поворота событий. И вскоре диктор по стадиону объявил: «С подачи Валерия Васильева и Александра Мальцева счет открыл Сергей Светлов». Трибуны долго аплодировали Мальцеву. Даже в последнем матче он не изменил себе — сыграл на партнера. И эта шайба была как эстафета, которую мы передавали нашим молодым хоккеистам.

Когда десять минут истекли, известный советский арбитр В. Домбровский, для которого этот матч тоже был последним, остановил игру. Команды покинули лед, и мы втроем остались в центре площадки. Нам были вручены почетные награды ЦК ВЛКСМ, спорткомитета СССР и Спорткомитета Министерства обороны СССР, Центрального совета «Динамо», Исполкома Моссовета, Советского фонда мира, Международной федерации хоккея на льду. Нас приветствовали дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР В. Аксенов, трехкратный олимпийский чемпион пловец Владимир Сальников.

Потом слово предоставили мне. Я заранее подготовил речь, выучил ее наизусть. Но когда остался перед микрофоном на лужниковском льду, почувствовал, что нельзя в такой момент выступать по-заученному. И я решил говорить именно то, что переполняло мою душу, пусть это было и не так гладко.

Вратарь Владислав Третьяк и старший тренер сборной СССР по хоккею с шайбой Анатолий Тарасов

Мы простились с хоккеем. Наш прощальный матч закончился победой советской команды над сборной Европы со счетом 7:3. Значит, есть кому продолжать боевые традиции. Весь сбор от матча был передан в Советский фонд мира...»

Жизнь вне ворот

После того как Третьяк повесил коньки на гвоздь, началась его многолетняя тренерская работа. А началось все с того, что летом того же 1984 года Тихонов попросил его помочь подготовить к очередному Кубку Канады вратарей сборной СССР. Третьяк с радостью согласился, потому что считал: с его стороны было бы в высшей степени эгоистично, удалившись с арены, похоронить в себе опыт и знания, накопленные за многие годы.

Он старался научить молодых вратарей всему, что делал сам, передать им все свои секреты, все упражнения и приемы. Рассказывал, к примеру, как по глазам нападающего угадать, что он сделает в следующую секунду. Делился тонкостями психологической подготовки. Говорил об интуиции, без которой вратарь не может рассчитывать на успех. Вратари слушали в захлеб, тренировались охотно и быстро усваивали его уроки. Третьяк потом очень радовался за Владимира Мышкина, признанного лучшим голкипером Кубка Канады.

После этого Тихонов еще не раз обращался к Третьяку с подобными просьбами.

В 1984–1986 годах Третьяк работал сотрудником международного отдела ЦСКА, с 1986 года — заместителем начальника отдела спортивных игр. Во второй половине 80-х годов впервые стал депутатом Моссовета. Впрочем, тогда не все гладко было в его служебной карьере.

Вспоминает В. Третьяк: «Обо мне вспоминали иногда, когда что-то было плохо. Предлагали баллотироваться на пост президента Федерации хоккея, когда там был полный раздрай. Предлагали стать президентом команды ЦСКА, когда она раскололась надвое. А серьезной работы никто не давал. Правда, как-то министр спорта Граммов увидел меня где-то в коридоре и так, походя, обронил: «Третьяк, сделай нам хоккейную школу, нам надо валюту зарабатывать». Что он имел в виду, я так и не понял.

Да, еще один раз, в 1988-м, Тихонов позвал меня потренировать вратарей сборной. Я десять дней на сборах проработал, а на Олимпиаду

поехал с вратарями Александр Пашков. Я против него ничего не имею, но такого отношения к себе простить не могу. Мне даже спасибо не сказали, когда стали чемпионами...»

Кстати, в 1987 году Третьяк в последний раз вышел на лед в качестве вратаря. Это произошло в Канаде, где состоялся матч всех звезд. Однако та игра далась нашему герою слишком тяжело. Фамилия Третьяк действовала на всех, как красная тряпка на быка — все хотели ему забить. Поэтому ему пришлось «порхать» в воротах, как бабочка. А возраст-то уже был немолодой — все-таки 35 лет! Именно после того матча Третьяк пришел к окончательному выводу: больше на лед в качестве вратаря не выходить. Хотя именно тогда клуб «Эдмонтон Ойлерз», где заправлял его друг Уэйн Гретцки, предложил ему хороший контракт на несколько лет. Но Третьяка не отпустило Министерство обороны (он ведь полковником Советской Армии).

После развала СССР (1991) Третьяк на какое-то время остался без работы. Но длилось это недолго. Затем крупная канадская компания «Bombardier» («Бомбардье») пригласила его стать ее представителем в России. Третьяк ничего не продавал, а представлял ее продукцию — снегоходы.

Владислав Третьяк — гордость советского хоккея

После развала СССР

В начале 1990-х Третьяк принял предложение стать тренером вратарей клуба НХЛ «Чикаго Блэкхоукс». К тому времени он уже ушел в отставку, поэтому его никто не мог удержать. Он приезжал в Чикаго два-три раза в год на две недели, проводил занятия и уезжал.

В итоге, поработав в межсезонье с Эдом Бельфором, Третьяк сделал из него хорошего голкипера — в конце сезона 1990/1991 Бельфор получил приз «Везина Трофи», а в сезоне 1992/1993 удостоился своего второго приза.

В январе 1997 года Третьяк отправился в Канаду, где принял участие в торжественном мероприятии: вручение ему серебряного доллара, на одной стороне которого была изображена королева Англии Елизавета, а на другой — он сам собственной персоной во время игры Суперсерии-72. Правда, эпизод не очень приятный — на нем запечатлен решающий гол в наши ворота. По словам В. Третьяка:

«Вот этот доллар, который я держу в руках, я сделал сам на станке (дело происходило в Монетном дворе в Оттаве . — *Ф.Р.*). В нем двадцать семь с лишним граммов серебра. В этом году исполняется 25 лет знаменитой Суперсерии-72. На монете запечатлен момент, когда забивается последняя шайба в ворота СССР. Вот это я — в падении, вот Пол Хендерсон, который забил гол, и два хоккеиста, которые ему ассистировали — Фил Эспозито и Иван Курнуайе. Конечно, эта монета не один доллар стоит. Не уверен, сколько, но точно больше двадцати. Это коллекционная, юбилейная монета. Всего их будет где-то около 300 тысяч...»

Отметим, что на тот момент Третьяк был востребован за рубежом (работал в США, в клубе «Чикаго Блэкхоукс»), а на родине, в России, его таланту применения не было (пенсия у него была 600 тысяч рублей — не самая большая по тем временам). В одном из тогдашних интервью он по поводу своей невостребованности на родине сетовал:

«На Кубок мира в качестве почетного гостя меня пригласили канадцы... Часто спрашивают, почему я не тренирую вратарей российской сборной.

Мне стыдно сказать, что родная команда ЦСКА в моих услугах не нуждается...»

Однако в конце того же 1997 года про Третьяка наконец вспомнило и российское спортивное руководство. И он был назначен тренером олимпийской сборной России (стал тренировать вратарей). В итоге на зимней Олимпиаде в Ногано российская хоккейная сборная завоевала серебряные медали.

В том же 1998 году наш герой основал некоммерческую спортивную организацию под названием Фонд «Международная спортивная академия Владислава Третьяка». Кроме этого, он президентствовал в Обществе друзей Канады в России. Однако постоянной работы у него тогда не было, да он к ней особенно и не стремился — дел и без того хватало. Тут еще московские власти выделили ему под спортивно-культурный центр семь гектаров земли в Митине. Третьяк был намерен создать там многофункциональный комплекс для детей, в первую очередь, и взрослых. Хоккей, фигурное катание, шорт-трек, боулинг — все «крытые» ледовые виды спорта он хотел объединить под эгидой своего центра.

В ноябре 1999 года Третьяк выдал замуж свою дочь Ирину. Вот как это событие описывала «Экспресс-газета»:

«22-летняя Ирина Третьяк недавно окончила Институт права и устроилась на работу в одну из коммерческих фирм. Избранник Иры — ее ровесник, тоже занимается коммерцией... Они выросли в одном дворе в Новых Черемушках, однако роман между ними начался всего три года назад. В тех же краях, прямо напротив Третьяков-старших, молодые планируют обосноваться: жених разъехался с родителями, чтобы самостоятельно построить собственное гнездышко...

Чтобы сопроводить молодых под венец, Владислав Александрович спешно свернул мастер-класс в Чикаго, где он консультирует вратарей тамошнего клуба «Черные ястребы», и прилетел в Москву. Место для венчания выбрали не случайно. Это церковь на Люсиновской улице в Замоскворечье, которую вместе с детским приютом при ней опекает фонд «Международная спортивная академия Владислава Третьяка». Церемонию провел настоятель храма епископ Красногорский Савва — в Московской патриархии он курирует связи с армией и правоохранительными органами. Церковному обряду предшествовало гражданское бракосочетание, состоявшееся в главном столичном Дворце бракосочетаний — Грибоедовском. Согласно традиции, старшие Третьяки, Владислав и его жена Татьяна, не поехали с молодыми в загс, а всю процедуру просмотрели в видеозаписи.

После приятных формальностей кавалькада дорогих автомобилей прикатила на Арбат к подъезду ресторана Дома актера. Это местечко — традиционное для самых ответственных праздников семейства Третьяков: здесь они женили старшего сына, здесь праздновали 90-летие Татьяниной бабушки из Вышнего Волочка... На свадьбу Ирины собралось 135 человек, сотня из них — личные друзья самого известного хоккеиста страны. Владислав Александрович с нескрываемым удовольствием отметил, что с замужеством дочери его порывалось поздравить куда больше народу, да зал всех не вместил. Зато среди собравшихся наблюдались весьма экзотические гости.

После завершения карьеры хоккеиста В. Третьяк работал сотрудником международного отдела ЦСКА, затем заместителем начальника отдела спортивных игр.

Впоследствии он стал тренером вратарей в Канаде и США, в частности в команде «Чикаго».

Среди его учеников были по-настоящему великие спортсмены, такие как Мартин Бродо и Эд Белфур

Например, со старинным самоваром в качестве подарка молодым на свадьбу явился главный российский шоумен Леонид Якубович. С бокалом в руках бродил среди собравшихся седовласый телецелитель Алан Чумак...»

Итак, Третьяк в то время жил на две страны: работал в США, а на родине, не имея постоянной работы, занимался общественной деятельностью. Но поскольку его имя было достаточно популярно, то к нему стремились «примазаться» и политики, которые в преддверии выборов делали ему предложения стать депутатом от различных партий и блоков. Но он не соглашался, поскольку обстановка в России его тогда, прямо скажем, не устраивала. По его же словам, сказанным в январе 1999 года в интервью «Московскому комсомольцу»:

«Очень много нуждающихся, обездоленных и беспомощных людей. Сколько стариков и детей просят подаяние! Особенно больно, когда подходят за милостыней несчастные, неприкаянные детишки... Это шокирует...»

А вот что он заявил в декабре 1999 года в интервью другому изданию — «Комсомольской правде»:

«В преддверии выборов многие политические блоки делали мне заманчивые предложения баллотироваться от них в депутаты. Но, будьте уверены, ни в одном из списков вы моей фамилии не найдете. Не хочу идти в политику и не пойду. Зачем марать свое имя? Во-первых, мне это интересно. А во-вторых, никакой необходимости в этом не вижу. Народ меня знает, у меня и так много друзей, и едва ли я смогу сделать для России больше, чем делаю сейчас, если стану депутатом. Лучше быть свободным человеком, ведь свобода дорогого стоит...»

Однако в марте 2000 года власть в России поменялась: вместо больного и вышедшего в «тираж» Б. Ельцина президентом

страны стал относительно молодой и энергичный В. Путин. И уже очень скоро Третьяк по предложению нового президента России вошел в Президентский Совет по физической культуре и спорту. А спустя три года — в декабре 2003-го — его и вовсе избрали депутатом Государственной думы IV созыва от избирательного округа № 158 (Саратовский округ, Саратовская область). Третьяк возглавил комитет Госдумы по физической культуре, спорту и делам молодежи.

Не забывали Третьяка и спортивные руководители. Так, в конце 2001 года он вошел в тренерский штаб сборной России по хоккею, которая готовилась в зимней Олимпиаде в Солт-Лейк-Сити. На тех Играх наши ребята завоевали бронзовые медали.

А в 2004 году Третьяк снова был в составе тренерского штаба сборной, но уже на Кубке мира 2004 года. На нем российская сборная заняла всего лишь 6-е место.

Что касается политики, то Третьяк был переизбран депутатом Государственной думы V созыва от партии «Единая Россия». Он стал первым заместителем председателя комитета Государственной думы по физической культуре, спорту и делам молодежи.

Во главе ФХР, или Между двух огней

Между тем одно из важных событий в жизни Третьяка произошло в апреле 2006 года, когда его избрали президентом Федерации хоккея России. Это назначение не было случайным. Дело в том, что В. Путин, избранный на второй срок (2004), поставил целью возродить славные традиции отечественного хоккея на международной арене. Ведь последние годы наши результаты в мире были не ахти какие: в 2000 году на мировом чемпионате мы выступили просто провально, заняв (впервые в истории) 11-е место! И это случилось в родных стенах — в Санкт-Петербурге. В 2001 году мы довольствовались 4-м местом, в 2002-м — 5-м на Олимпиаде и 2-м на чемпионате мира, в 2003-м — 4-м на мировом первенстве, в 2004-м — снова откатились резко назад, на 10-е, а на Кубке мира-2004 — на 6-е, в 2005-м наше место на чемпионате мира — 3-е, а в 2006-м — 4-е на Олимпиаде и 5-е на чемпионате мира. Короче, удел середняка — такова была доля нашей хоккейной сборной. Именно эту тенденцию и предстояло переломить Третьяку, который возглавил ФХР. За него единогласно проголосовали 124 делегата. Хотя многим было понятно, что скрытая оппозиция у Третьяка есть и рано или поздно она себя обнаружит. Так и вышло.

Придя к руководству ФХР, Третьяк объявил, что отныне все деньги, полученные от телетрансляций матчей чемпионата России по хоккею, будут идти напрямую в федерацию, а не клубам. А раньше, при прежнем руководителе Александре Стеблине, ведь как было? ФХР была нищей — даже главному тренеру сборной не могли платить достойную зарплату. А в это время многие клубы жировали: «Ак Барс», «Авангард», «Магнитка», «Локомотив» из Ярославля. И на этой почве руководители этих «жирных» клубов попросту манипулировали Стеблиным, проталкивая выгодные для себя решения. Все это не шло на пользу российскому хоккею. А когда в ФХР пришел Третьяк, он это дело прекратил. Он аннулировал договор между федерацией и Профессиональной хоккейной лигой (ПХЛ), в которой в

основном работали люди Стеблина. И ФХР решила сама проводить чемпионат страны, минуя ПХЛ.

В декабре 2003 года В. Третьяк был избран депутатом Государственной Думы РФ от Саратовской области. В парламенте он возглавил комитет по физической культуре, спорту и делам молодёжи.

После стал главой Фонда и Международной спортивной академии, в 2006-м возглавил Федерацию хоккея России, а через год вновь стал депутатом

Однако делиться деньгами с ФХР клубы тоже не хотели. Поэтому ведущие клубы России активизировали переговоры с руководителем Федерального агентства по физической культуре и спорту Вячеславом Фетисовым, который предложил создать Евроазиатскую хоккейную лигу с участием девяти лучших команд из России, а также по одной из Белоруссии, Латвии и Казахстана. Но этот проект в итоге так и не состоялся.

Между тем в 2007 году сборная Россия по хоккею, к руководству которой пришли новые тренеры (Вячеслав Быков и Игорь Захаркин), заняла на чемпионате мира 3-е место. А уже год спустя и вовсе стала первой, завоевав золотые медали. Это был явный прогресс — свидетельство того, что Третьяк во главе ФХР все делает правильно. Хотя нападки на него продолжались. Особенно сильными они были в начале 2008 года, накануне

ЧМ. Вот что, к примеру, сообщала газета «Аргументы и факты» (номер от 11 января):

«Для многих остается непонятным, почему легенда советского хоккея Владислав Третьяк не был вновь назначен председателем Комитета Госдумы по физической культуре и спорту. Его сменил хоть и довольно известный, но лишь один из многих экс-фигуристов А. Сихарулидзе.

Разумеется, г-н Третьяк был весьма уязвлен таким решением однопартийцев. Но его деликатность не позволила разразиться скандалу. Тем временем имела место банальная подковерная интрига. Говорят, что одним из ее участников был руководитель Росспорта В. Фетисов. Он будто бы не сошелся во взглядах с В. Третьяком по ходу реформирования Федерации хоккея России (ФХР).

Важным оказалось и мнение «генсека» партии В. Володина. Он якобы считает г-на Третьяка сторонником своих недоброжелателей в родной Саратовской области (от нее наш герой избирался в Думу . — *Ф.Р.*)...»

В другом еженедельном издании — ««Мир новостей» (она занимала антитретьяковскую позицию) — было опубликовано интервью с сыном выдающегося советского хоккеиста Валерия Харламова (кстати, они с Третьяком дружили, играя в одной команде — в ЦСКА) Александром Харламовым, который возглавлял профсоюз игроков. Приведу из этого интервью несколько отрывков:

«Наш профсоюз официально признан новой лигой (речь идет о Континентальной хоккейной лиге . — *Ф.Р.*). В него входит большинство хоккеистов, кто будет выступать в КХЛ. Так что я сейчас говорю не только от своего имени, но и от имени игроков. Если бы вы знали, сколько ребят позвонили мне в эти дни! Хоккеисты не понимают, откуда взялось это дикое требование ХР, как пишут в газете, 50 тысяч долларов за каждый матч чемпионата. С какого потолка вообще была взята эта цифра?..

Президент ФХР Владислав Александрович Третьяк был великим хоккеистом. Трехкратный олимпийский чемпион, легенда нашего спорта. Но то, что он творит сейчас, — это дискредитирует не только его, но и саму федерацию. Может, он попал под чье-то плохое влияние?.. Политика ФХР в последние годы вызывает возмущение у многих хоккеистов. Углубитесь в историю. Что, за время президентства Третьяка наш хоккей стал гораздо лучше по организации дела? Совсем нет (повторим, что спустя полтора месяца после этого интервью российская сборная завоюет золотые медали мирового первенства, чего не случалось целых 15 (!) лет — с 1993 года . — *Ф.Р.*)...»

В конце марта топор войны между ФХР и КХЛ был зарыт: первая передала права на проведение чемпионата России второй. Правда, эти права

были переданы только на три года. Кроме этого, за ФХР остались: бюджет в пять миллионов долларов в год, возможность искать спонсоров под сборную, а также два голоса из семи в совете КХЛ. Короче, уступив в одном, ФХР выиграла в остальном.

Тем временем в 2009 году сборная России по хоккею второй раз подряд завоевала золотые медали чемпионата мира. Это был убедительный пример того, на чьей стороне все-таки оказалась правда в споре о том, правильно назначили главой ФХР Третьяка или не правильно. Сам он по этому поводу заявил следующее:

«Откровенно скажу, что я и не собирался быть президентом ФХР. Прекрасно знаю: в футболе и хоккее у нас разбираются все. Естественно, когда будет победа, все будут тебя хвалить, когда проиграешь — ругать. Но это было решение высшего руководства. Меня вызвали:

«Мы думаем, что с вашим умением, с вашим опытом...» И я сказал «да». Было тяжело. Особенно в первое время. Кого-то увольняешь, и начинается поток критики. Конечно, это неприятно, тем более мне — человеку, который, как Ширвиндт однажды сказал: «Ты можешь умирать, ты уже все сделал для страны». По-моему, все свое здоровье, силы, время отдал стране, полностью себя посвятил одному виду спорта. Стараюсь. Есть ошибки, от них никто не застрахован... Я бы мог свадебным генералом ходить по мероприятиям. Но стремлюсь что-то изменить к лучшему в нашем хоккее. Ни копейки в карман не кладу. А меня за это ругают...»

Владислав Третьяк и Константин Степовой представляют Кубок чемпионов мира 2012 года

Между тем в 2010 году российская сборная сбавила обороты. На зимней Олимпиаде заняла 6-е место, а на чемпионате мира 2-е. А год спустя сборная России на мировом первенстве и вовсе откатилась на 4-е место. В итоге на тренерском мостике произошли перемены: были отправлены в отставку Вячеслав Быков (его место занял Зинатула Билялетдинов) и Игорь Захаркин. По этому поводу в газете «Мир новостей» было написано следующее:

«Нельзя так расставаться с людьми, которые за пять лет работы со сборной завоевали два «золота» чемпионата мира, одно «серебро» и одну «бронзу». Какие бы просчеты они не допустили на последнем турнире. Нельзя плевать в спину...»

А теперь послушаем В. Третьяка (интервью «Аргументам и фактам»):

«Когда в сборную пришел Вячеслав Быков и команда выиграла первое за 15 лет «золото», казалось, вот он — человек, который знает подход. Но дело в том, что, когда люди выигрывают, они расслабляются, самоотдача не та становится. Придешь к Быкову на ужин — полкоманды у него нет. Он как считал: ну, ребята из НХЛ, все знают, все умеют. Но так нельзя — рука лидера всегда должна быть, дисциплина. И тем не менее он много сделал для сборной на этом этапе. Более того, когда Быков уходил, Путин с ним встретился и сказал спасибо. У нас ведь до этого спасибо ни одному тренеру не говорили... Но впереди Олимпиада в Сочи, надо что-то менять, и мы приняли решение позвать в сборную Билялетдинова. Он тренер более жесткий и требовательный...»

Помогла ли эта рокировка? В 2012 году сборная Россия предстала на чемпионате мира такой мощной командой, что буквально тяжелым катком прошла по всем своим соперникам, выиграв все матчи. И завоевала золотые медали, чего не было с 2009 года. Однако весной 2013 года случился провал — 6-е место на мировом турнире. А ведь впереди, как правильно заметил герой нашей книги, главный турнир — Олимпийские игры в Сочи? А наши хоккеисты в постсоветское время ни разу не выигрывали на Играх золотых медалей. Неужели и в этот раз, у себя дома, не удастся нарушить эту печальную традицию? Как говорится, поживем-увидим.

В отличие от служебной деятельности, где у героя нашего рассказа порой бушуют шекспировские страсти, в личной жизни, слава богу, этого не происходит. Там он — счастливый семьянин: верный муж, мудрый отец и счастливый дедушка. Как мы помним, они с женой вырастили двух детей —

сына Дмитрия (он работает врачом-стоматологом) и дочь Ирину (она юрист, окончила Институт международной торговли и права), у них есть внуки — мальчик и две девочки.

Внук Максим (сын Дмитрия) родился 22 октября 1996 года и играет вратарем в ХК ЦСКА, причем там ему разрешили взять себе номер отца — 20-й. А в 2010 году Максим попал в сборную Москвы, что само по себе является серьезной заявкой. По словам Третьяка-старшего:

«Я Максима летом тренирую в своем лагере. Готовлю, подсказываю, мы с ним обсуждаем игры, разбираем ошибки, но я ему сказал: «По жизни ты сам должен пробиваться. Я тебе помогать не буду». Если Максим пробьется, то только за счет своего труда. В хоккее по блату не играют, я так считаю...»

Кстати, сам Дмитрий Третьяк к хоккею равнодушен. Впрочем, как и к другим видам спорта. Почему? Вот как об этом размышляет его отец:

«Помню, когда приходил домой и спрашивал сына: «Где твой папа?» — он вел меня к телевизору или к моей фотографии. Почему он не любит хоккей? Может быть, в раннем детстве ему не хватало отцовского внимания, и он невзлюбил то, что мешало нам чаще бывать вместе? И хотя Дима на нашем родительском настоянию все же занимается баскетболом, особого интереса к этой игре я, к сожалению, у него не замечаю...»

Дочь Третьяка — Ирина — впервые стала мамой в 2001 году: на свет родилась дочь Анна. Причем случилось это 22-го числа, в августе. А спустя пять лет она родила на свет вторую внучку — Машеньку. И снова на календаре было 22-е число, но уже в сентябре.

Между тем интересно проследить отношения супругов Третьяков по их интервью в разные годы. Например, в ноябре 2001 года, давая интервью «Комсомольской правде», Татьяна Третьяк заявили следующее:

«Я провела в одиночестве всю свою замужнюю жизнь. Одиночество — мое кредо. Даже когда муж ушел из большого спорта, он так и не вернулся в семью. Его пригласили в Америку учить мальчишек. Так что теперь он две недели живет там, две — здесь... числится. Дома его не застать. А я? Я делаю ремонт в квартире...»

А вот что Татьяна сказала в апреле 2012 года (Третьяк тогда справлял свое 60-летие) в интервью другой газете — «Московский комсомолец»:

«Я очень благодарна судьбе за то, что она мне подарила такого спутника в жизни. Я за ним как за каменной стеной. Потому что, знаете, он — настоящий мужчина, сильный и мужественный и в то же время ласковый и нежный. Кажется, у него нет отрицательных качеств. Может, конечно, побурчать, но это редко бывает... Для меня он самый лучший человек на земле. В этом году у нас будет рубиновая свадьба, а я даже не заметила...»

Владислав Третьяк с юными хоккеистами

Думаю, наши дети тоже нами гордятся: они всегда так тепло о нас отзываются. У нас очень хорошие дети выросли!.. (сын Дмитрий стал стоматологом, дочь Ирина — юристом . — *Ф.Р.*). И муж был для них всегда положительным примером, образец правильного поведения. Они его уважали, всегда спрашивали: «А как папа на это посмотрит?» Старались ему подражать во всем и не огорчать лишний раз...»

Источники

Книги: «Хоккей» (Энциклопедия), В. Третьяк «Верность» и «Хоккейная эпопея». *Газеты:* «Комсомольская правда», «Собеседник», «Трибуна», «Труд», «Московский комсомолец», «Долгожитель», «Семья», «Экспресс газета», «Аргументы и факты».

Автор выражает благодарность журналистам, которые в разное время брали интервью у героя этой книги или писали о нем. Среди них: В. Козин, Я. Коробатов, Е. Добрюха, Н. Зуев, В. Мешков, Н. Долгополов, А. Лебедев, Е. Астраханцев, К. Пряник, И. Киселев, С. Пшеничнова, Я. Коробатов, В. Хесина.